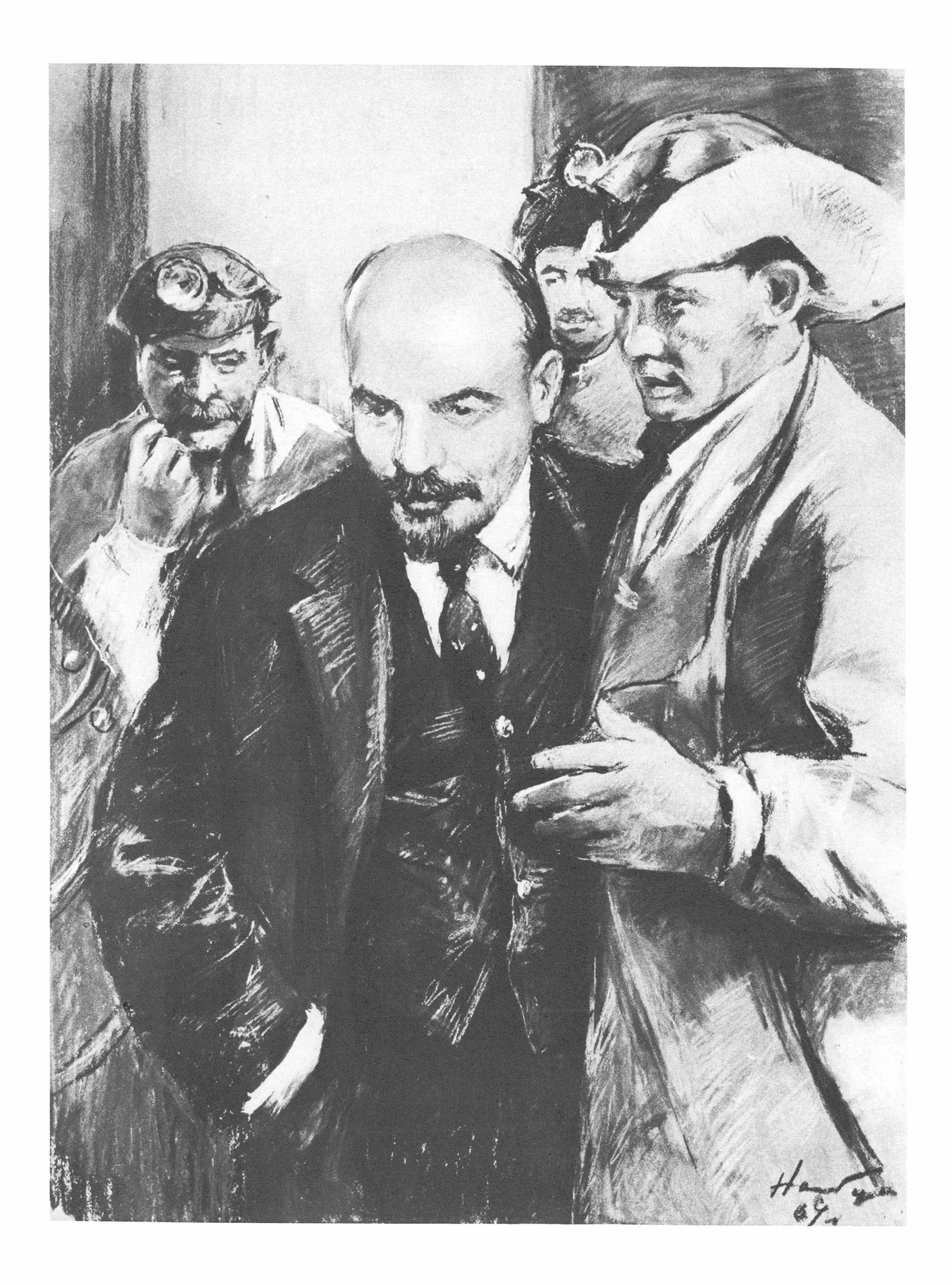

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СССР — ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ РАБОЧЕГО КЛАССА, ВСЕГО НАРОДА.

Из Программы КПСС

Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие.

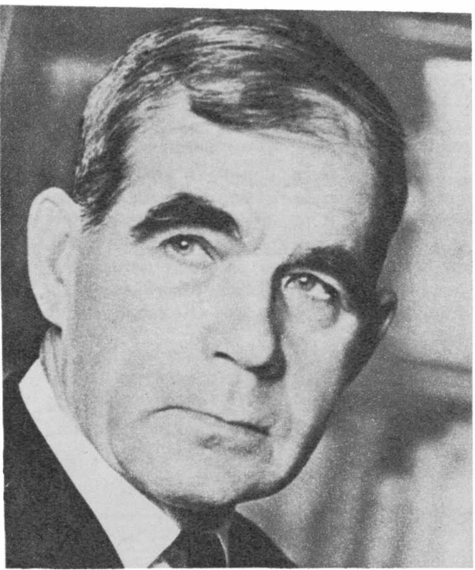
В. И. Ленин

Партия, рабочий класс, весь советский народ выполнили этот завет Ильича.

Союз Советских Социалистических Республик — могучая индустриальная держава, первая в мире страна, построившая социализм.

Бессмертию ленинских идей, подвигу строителей основы основ социализма, нашим современникам, продолжающим дело отцов, трудовым будням советской тяжелой промышленности посвящается этот номер.

ВРЕМЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СРАЖЕНИЙ

В. ЕРМИЛОВ,

слесарь-сборщик завода «Красный пролетарий», депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда

Мою страну называют великой индустриальной державой. По праву называют, не для звонкого слова. Заводов с мировой известностью у нас тысячи. Западные специалисты давно уже запомнили трудные русские названия «Уралмаш», «Электросила» или имя моего родного завода — «Красный пролетарий». Время и наши дела заставили их выучить эти русские слова. Лет пятьдесят назад в этом не ощущалось необходимости: не существовало в России таких индустриальных гигантов, а те предприятия, которые были, носили имена, привычные для английского или французского уха — Михельсон, Гужон, Уркарт. Завод, на который я пришел почти сорок лет назад, до 1918 года тоже не блистал оригинальностью названия — завод братьев Бромлей.

Мы отбросили эти имена западных индустриальных магнатов, они были чужды нам не только по звучанию, но и по социальной сути. Нам чужды были методы капиталистической индустриализации, мы пошли другим путем, указанным партией, Лениным. Первое государство рабочих и крестьян не могло позволить себе такой роскоши — потратить на создание крупной промышленности 100—150 лет, как это сделали ведущие капиталистические страны. Мы не ждали помощи, потому что нас окружали враги, не искали себе учителей, потому что история еще не имела опыта строительства социалистической экономики.

Я не участвовал в гражданской войне, не воевал и в Отечественную. Когда кончилась гражданская, я еще из мальчишек не вышел, когда началась Отечественная, я, как и многие мои коллеги, получил в военкомате отказ. Всем, кого не отпускали на передовую, говорили примерно одинаково: «В тылу тоже фронт. Считай себя солдатом». Такое объяснение не утешало и, как правило, не смягчало обиды, но правды в нем было гораздо больше, чем нам казалось тогда.

Сразу же после окончания гражданской войны В. И. Ленин, выступая перед рабочими, говорил: «...теперь, после всех побед, которые одержаны нами, предстоит снова тяжелая борьба, не менее трудная, чем прежняя, хотя и более благодарная, именно борьба на фронте бескровном, на фронте труда».

Все десятилетия существования Советского государства можно назвать временем индустриальных сражений. Битвы на трудовом фронте не прекращались все эти годы. На полях военных сражений мы защищали завоевания социалистической революции, на фронте трудовом, создавая тяжелую индустрию, мы закладывали экономическую основу социализма, наращивали ту силу и ту мощь, которые смели в открытом бою фашистскую Германию.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 33 (2198)

Основан 1 апреля 1923 года

16 АВГУСТА 1969

◀ **Д. Налбандян.** ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН НА ЗАВОДЕ МИХЕЛЬСОНА.

УКРАИНА

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ

Домна эта уникальная. Когда она вступила в строй, все газеты о ней писали: самая крупная в Европе. В ту пору к нам приезжало много гостей — знакомились с гигантом металлургии.

В январе 1967 года Ждановский металлургический завод имени Ильича посетили Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров УССР В. В. Щербицкий. Л. И. Брежнев интересовался работой завода, перспективами его развития, повышением производительности труда, освоением новых мощностей. Побывали гости и на той пятой доменной печи, незадолго до этого вступившей в строй.

Это произошло как раз во время дежурства газовщика Виктора Григорьевича Калмыкова. Дежурство его тогда было не из легких, потому что начинать любое дело трудно, а тем более налаживать работу крупнейшей в Европе домны.

Виктора Григорьевича я встретил в прошлую субботу на пульте управления все той же пятой домны. Старший газовщик что-то подсчитывал на логарифмической линейке. Занимался в общем-то не своим делом. Подобные расчеты должен производить мастер. Завел я было такой разговор — Калмыков даже рассердился:

— А если мастер занят? Не все ли равно, кто расчет сделает.

На Ждановский металлургический завод имени Ильича В. Г. Калмыков пришел одиннадцать лет назад. Сейчас он один из лучших газовщиков. Опыт есть и знания — диплом об окончании техникума тому свидетельство. Работал он на самых ответственных и трудных участках: осваивал проектную мощность четвертой печи, а на пятой домне имени 45-летия комсомола Донбасса Калмыков с первого дня. Несколько лет подряд коммунисты бригады избирают Виктора Григорьевича своим паргоргом. Уважают его доменщики за принципиальность, за знания, за то, что до всего ему есть дело.

А домна, которой не исполнилось еще и трех лет, с помощью Калмыкова и его друзей быстро вошла в пору зрелости: дала уже 25 тысяч тонн сверхпланового металла.

Н. ЛАЗАРЕНКО,
сотрудник газеты «Приазовский рабочий»

У пульта управления доменной печи № 5 (слева направо) старший газовщик В. Г. Калмыков, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров УССР В. В. Щербицкий, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и секретарь Донецкого обкома партии В. И. Дегтярев.

Фото С. Гендельмана (ТАСС).

Кто-то говорил, что это случайность, кто-то считал это чудом. Но мы сами твердо знали, что иначе и быть не могло. И уверенность нашу не поколебали самые большие и самые, казалось бы, непреодолимые трудности.

В тридцатые годы, начиная рыть лопатами котлованы на Магнитке и в Комсомольске-на-Амуре, мы верили, что планы индустриализации, казавшиеся кому-то фантастическими, выполнимы. Строя первые советские электростанции, мы посмеивались над теми, кто называл нашего Ленина кремлевским мечтателем. Голодные, разутые, раздетые, мы строили Россию индустриальную, Россию электрическую. Мы во всем ограничивали себя, мы шли на жертвы во имя той жизни, которую нашему поколению выпала честь строить.

Я говорю: мы. Кто это мы? Мы — рабочий класс. Откуда такая уверенность в успехе? Ответ простой. Революция сделала нас хозяевами своей страны и своей судьбы. Наша сила — в преданности делу партии, в верности Ленину. Потому с таким энтузиазмом откликнулась вся страна на призыв партии — отдать все силы строительству социалистической промышленности. «Даешь индустриализацию!» — это не только лозунг тех лет, но и жизненная задача миллионов и миллионов моих сверстников.

Помню, как этот призыв докатился до нашего прикамского городка Елабуги. И сразу самой популярной организацией в городе стала механико-техническая школа. Желающих поступить туда оказалось великое множество. Пришел и я, захваченный общим порывом, общим стремлением. Приезжали в школу бородачи в лаптях из деревень. Я спросил однажды у одного такого бородача: «Зачем, отец, приехал? Чтобы управляться с сохой и лошадью, особых знаний не требуется». «Ты на завод подашься,— ответил он.— Иди. Работай как надо. А я в деревне встречу ту технику, которую ты для меня сделаешь». Правильно рассуждал тот бородач. Его знания, полученные в технической школе, недолго лежали мертвым капиталом. Все произошло так, как и намечал В. И. Ленин. Мы создали крупную машинную промышленность, которая произвела настоящую революцию в земледелии.

И все это — в головокружительном темпе. Люди моего поколения, пришедшие в ряды рабочего класса к началу первой пятилетки, не могут даже сказать, что вся их трудовая жизнь была посвящена созданию социалистической промышленности. Нет, не вся жизнь. Только юность, хотя мои одногодки помнят самое начало индустриализации. Я, например, застал еще московскую биржу труда и успел получить там отказ. В то время в неограниченном количестве требовались строители, а слесарям работы не хватало.

Впрочем, в безработных я ходил недолго, и биржу труда в Москве закрыли через несколько месяцев после моего визита. Отпала в ней необходимость, потому что дефицитными стали не только строители, но и специалисты всех рабочих профессий. Через три года наш «Красный пролетарий» по выпуску станков в 45 раз превзошел старого Бромлея. Да что там Бромлей! Один наш завод делал станков почти в два раза больше, чем вся дореволюционная Россия.

Да, наша тяжелая индустрия, которую В. И. Ленин называл материальной основой социализма, создавалась за считанные годы. Когда мы из поры юности вышли в пору зрелости, мою страну уже называли могучей индустриальной державой. Но дальнейшая судьба советской промышленности, как и судьба всего нашего народа, не была безоблачной. Война устроила нам тяжелый экзамен. Мы выдержали его. Умолкли орудия, но на трудовом фронте сражения продолжались.

Сейчас уже нелегко сравнивать нынешний технический уровень советской тяжелой индустрии с тем, который мы получили в наследство от прошлого. Дело не только в масштабах, но и в характере преобразований. Техника дореволюционной России столь же похожа на современную, как конторские счеты на электронно-вычислительную машину.

Когда я пришел на «Красный пролетарий», мы выпускали 60—70 станков в месяц. Если я скажу, что сейчас мы делаем в десять или двадцать раз больше, то это еще ничего не объяснит. Тот станок, который я собирал на своем участке, скажем, сегодня, по производительности равен примерно двум сотням старых. Да и сам процесс сборки во многом изменился. Еще во время войны на нашем заводе впервые в мире сборку станков перевели на поток. Конвейеры существовали во многих отраслях промышленности, но для станкостроения они считались неприемлемыми. Наши конструкторы, инженеры, рабочие еще раз доказали, что невозможное возможно.

Часто и по разным причинам мне приходится обращаться к сочинениям В. И. Ленина. И каждый раз, перечитывая давно знакомые работы, удивляешься колоссальной прозорливости Владимира Ильича, находишь подтверждение его мыслей и планов в самых что ни на есть сегодняшних и в самых конкретных делах. И до чего точно он разбирался в психологии рабочего человека! Почти сорок лет назад говорил он о том, что крупная индустрия является не только материальной основой социализма, но и определяет классовое сознание, культуру, техническую грамотность, характер, даже настроение рабочих. Все правильно, все точно: когда видишь работающий на полную мощь завод, когда чувствуешь себя необходимым и нужным на своем рабочем месте, то действительно ощущаешь и прилив сил, и радость, и твердость жизненную. Короче говоря, чувствуешь, что прочно стоишь ты на этой своей родной земле, отвоеванной, политой потом и кровью.

Я не мастер говорить о чувствах. Никто меня за это не осудит. Но плохо, что редко заводят речь на эту тему наши писатели, кинематографисты, деятели искусств. Хорошие книги, кинофильмы, спектакли нужны всем. Это очень важно, говоря словами Ленина, для «развития классового пролетарского самосознания».

Для рабочих, говорил Владимир Ильич, базой такого самосознания является крупная промышленность. Вероятно, я не ошибусь, если продолжу: для писателей такой базой является вся наша жизнь, труд нашего народа. И я хочу напомнить некоторым нашим литераторам вот какие ленинские слова: «Когда рабочие эту материальную производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает известными слоями рабочих...»

Сегодня эта опасность не грозит никаким слоям советских рабочих. Но стоило бы задуматься над этим «известным слоям» литераторов. И стоило бы почаще заглядывать не только к нам во дворцы культуры, но и в цеха.

У краснопролетарцев давняя дружба с Московским художественным театром. И другие театры нет-нет да и позовут нас к себе. Как-то один московский театр пригласил нас посмотреть спектакль о рабочем классе. Потом спрашивают: «Понравилось?» «Нет,— отвечаем,— не понравилось». «Почему?» «А потому, что не такие мы на самом деле, каких вы изобразили на сцене. Не знаете вы нас — вот в чем дело. Вы показали современного рабочего таким, каким он был в тридцатых годах, а мы, простите, живем в шестидесятых».

В жизни все взаимосвязано. Когда-то голодные и не очень-то грамотные люди с кирками, лопатами, примитивным мастерком строили гиганты индустрии. Чуть позже выросшие гиганты не только накормили людей, но и сделали их технически грамотными и высокообразованными, заставили учиться. Образование мы черпали не только в институтах. Сами заводы учили и поднимали людей, меняли облик и психологию рабочего человека.

В разгар войны пришел к нам в цех мальчишка Коля Бубнов. Был он настолько мал ростом, что когда из баловства залезал в коробку скоростей, то почти весь умещался в ней. Стал он слесарем. И отличным слесарем. Мастером назначили. Парторгом цеха избрали. Потом— заграничные командировки в Индию и Англию по слесарным делам. Сейчас он начальник сборочного цеха, специалист высокого класса. И сейчас учит многих. Скоро нам предстоит выпускать новые сложнейшие станки с программным управлением, с сентября большая группа рабочих начнет заниматься на курсах, изучать автоматику, электронику. И я уверен, что возьмутся они за это дело с не меньшим энтузиазмом, чем их отцы когда-то брались за лопаты на первых социалистических стройках. Таковы уж рабочие традиции, таков рабочий характер.

Я часто рассказываю молодежи о прошлом нашей промышленности. Однажды выступал в своей Елабуге, в школе, где когда-то учился. Интересная получилась встреча с юностью, вспомнились трудные годы, прожитые тут, и взбудораживший всех лозунг «Даешь индустриализацию!». Слушали меня ребята внимательно, и, наверно, выглядел я в их глазах ветераном, живой историей. И едва ли могли мальчишки и девчонки понять и почувствовать, что прошлое, о котором шла речь, и настоящее стоят совсем рядом.

Были у меня и другие встречи с юностью, совсем не похожие на ту, елабугскую. Встречи эти произошли за границей — в КНДР и в ДРВ. В том всеобщем энтузиазме, во всеобщем стремлении в короткий срок создать свою индустрию я узнавал нашу взволнованность и наш порыв тридцатых годов. Ничего в том удивительного нет. Построенный нами социализм, наша промышленность, наш опыт индустриализации помогли всем странам социалистического содружества пройти быстрыми шагами нелегкую дорогу создания собственной экономики. Я был во многих братских странах, на многих заводах и фабриках. В Болгарии, Чехословакии, КНДР и ДРВ видел станки, собранные в нашем цехе, на нашем участке. И каждый раз испытывал чувство гордости, рабочей гордости.

Мы построили социализм. Каждый год вырастают на советской земле новые промышленные гиганты. Время работает на коммунизм. И в каждом нашем деле, в каждом шаге в будущее мы всегда чувствуем рядом с собой, в одном строю, Владимира Ильича Ленина, потому что бессмертны ленинские идеи, потому что по-ленински громадны наши дела.

КРАСНОРЕЧИЕ ФАКТОВ

ЛИПЕЦК

ЕСТЬ СТАН «2000»!

Строители и прокатчики стана «2000» с первым листом проката.

Фото В. Кожевникова (ТАСС).

За окнами уже чернела ночь, а тут, в цехе, ярко сиял свет, и люди не расходились. Их становилось все больше... Кто сейчас мог думать об отдыхе? На Ново-Липецком металлургическом заводе так долго ждали этот день...

Ждали, когда здесь еще шумели под ветром великанши-сосны и только начиналось сооружение цеха, где разместился теперь широкополосный прокатный стан «2000». Ждали этот день строители треста «Липецкстрой», монтажники и наладчики подрядных организаций, которые, готовя «жилье» для стана, вынули пять миллионов кубометров грунта, уложили более пятисот тысяч кубометров бетона, смонтировали 50 железнодорожных составов оборудования. Ждали этот радостный день и сооружающие агрегат специалисты со многих заводов страны.

Стан «2000» — флагман черной металлургии центра России — не имеет равных по производительности, скорости прокатки, мощности оборудования. Он должен насытить стальным листом многие машиностроительные заводы, его продукцию станут использовать и для производства труб большого диаметра. Стан будет технологически связан с установками непрерывной разливки стали и начнет перерабатывать литые слябы. А это сулит немалый экономический эффект: листовая сталь здесь окажется дешевле, нежели на других станах. И, зная все это, на Ново-Липецком заводе торопили тот миг, когда гигант вступит в строй действующих.

И вот наконец он настал, этот долгожданный день торжества, вернее, ночь. Августовская ночь 1969 года, когда на стане «2000» был прокатан самый первый рулон. Прокатала его бригада, возглавляемая начальником смены С. Леонтьевым и старшим вальцовщиком А. Цукановым. Им, именинникам, крепко жали руки, люди поздравляли друг друга. Словом, все в эту ночь было в Липецке точно так, как повелось еще с Магнитки, как всегда бывает в нашей стране, когда завершается большая стройка. Родина получила липецкий прокат. А самый первый рулон, прокатанный в ту ночь, остался в Липецке, на заводе, в третьем листопрокатном цехе. На память.

СПЕШАТ ПОДЗЕМНЫЕ ЭКСПРЕССЫ

Девятого августа в столице на только что построенном Нагатинском мосту состоялся торжественный митинг. Тысячи москвичей собрались здесь, чтобы поздравить и поблагодарить строителей, завершивших сооружение Замоскворецкого радиуса метрополитена и нагатинского комплекса инженерных сооружений.

Митинг открыл председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов. Затем выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. На митинге присутствовали заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, секретари Московского городского комитета КПСС и другие товарищи.

На четыре с половиной месяца раньше срока окончили строители сооружение новой линии. А меж тем это комплексное строительство было делом весьма сложным. Оно включало в себя и спрямление русла реки Москвы и возведение автометромоста через нее. Река изменила здесь свое русло.

Замоскворецкий радиус увеличил протяженность линий Московского метрополитена до 140 километров.

На снимке: автометромост в Нагатине.

Фото В. Воронина и А. Столяренко.

ДРУЖБА КОММУНИСТОВ ПРАГИ И МОСКВЫ

По приглашению Пражского городского комитета КПЧ с 26 июля по 1 августа в ЧССР находилась делегация Московского городского комитета партии во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным.

Итогам этой поездки было посвящено состоявшееся недавно собрание актива Московской городской партийной организации. На собрании актива выступили секретари районных комитетов КПСС, секретари партийных организаций предприятий, новаторы производства, деятели науки и культуры столицы.

Выступая на активе, товарищ В. В. Гришин отметил, что визит делегации протекал в теплой, товарищеской обстановке. Московским коммунистам был оказан сердечный прием, продемонстрировавший нерушимую дружбу и интернациональную солидарность народов Чехословакии и Советского Союза.

Между советскими и чехословацкими друзьями состоялись сердечные беседы, обмен опытом работы партийных организаций. Собрание актива Пражской организации КПЧ, прошедшее в связи с пребыванием делегации московских коммунистов, обратилось к коммунистам и всем трудящимся Москвы с горячим товарищеским посланием.

Участники актива Московской городской партийной организации единодушно приняли приветственное письмо Пражскому городскому комитету Коммунистической партии Чехословакии. «Как и вы, мы твердо убеждены,— говорится в письме,— что дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества между коммунистами и трудящимися Москвы и Праги, взаимный обмен опытом работы, взаимная помощь будут способствовать обеспечению наших успехов в общем великом деле борьбы за социализм и коммунизм, за мир и безопасность народов».

Коренным интересам советского и чехословацкого народов, укреплению позиций социализма служит традиционная братская дружба между КПСС и КПЧ, нашими государствами и народами.

Бури, сотрясавшие долгое время валюты западноевропейских стран, привели в конце концов к девальвации франка. После того, как было объявлено, что франк станет дешевле на 12,5 процента, у обменных касс в Париже выстроились длинные очереди иностранных туристов, не желавших стать жертвами девальвации. Но не туристы будут больше всего страдать от этой меры французского правительства. Экономические проблемы капиталистического мира отражаются печальным образом на положении самих французов.

Известный американский художник Антон Рефрежье и его супруга Лайла посетили редакцию «Огонька». Они прибыли в Советский Союз на теплоходе «Александр Пушкин».

Перед отплытием из Монреаля Антон и Лайла Рефрежье были гостями Рокуэлла Кента.

Пожары, разбитые витрины магазинов, дымящиеся автомашины, полицейские в касках и со щитами, похожими на средневековые... В столице Северной Ирландии Белфасте происходит разгон демонстраций. Волнения тем не менее не прекращаются еще с прошлой осени. Каковы же причины недовольства населения? Дело в том, что Англия в тот момент, когда Ирландия получила независимость, отторгла от нее шесть северных графств — Ольстер. Этот район особенно остро испытывает экономические и политические невзгоды. Здесь почти втрое больше безработных, чем в Англии, сельское хозяйство находится в упадке, трудящиеся не имеют гражданских прав и подвергаются несправедливому социальному гнету. Все это вызвало бурные выступления, участники которых требуют проведения в Ольстере радикальных социальных и экономических реформ.

ГЛАВНОЕ СПОРТИВНОЕ СОБЫТИЕ СЕЗОНА

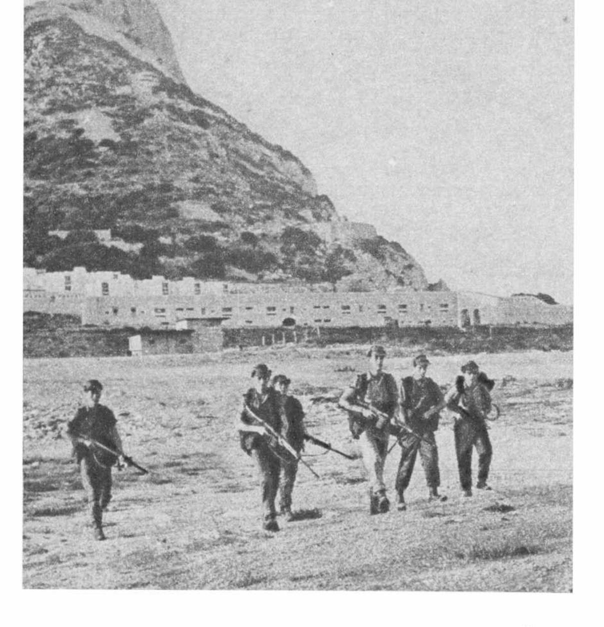
Торжественное открытие IX летней Спартакиады профсоюзов на стадионе имени В. И. Ленина.
Фото Л. Бородулина.

Лучшие спортсмены профсоюзных добровольных спортивных обществ встретились 9 августа в Москве на главном стадионе страны. Сразу отмечалось два праздника: Всесоюзный день физкультурника и торжественное открытие IX летней Спартакиады профсоюзов СССР, посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Но в общем праздник был один: праздник советского спортивного движения, его мастерства и массовости.

Была своя закономерность в том, что именно в День физкультурника и развернулось главное спортивное событие нынешнего года — финал Спартакиады, в котором приняли участие около семи тысяч человек.

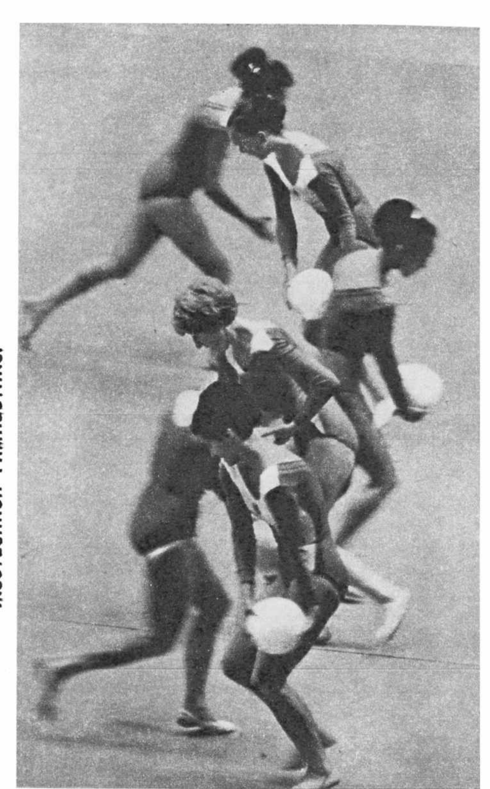
Соревнования по полной олимпийской программе начались в десяти городах страны, и в то время как по празднично украшенному стадиону имени В. И. Ленина в Москве проходили колонны профсоюзных спортсменов всех 15 союзных республик, Москвы и Ленинграда, в Киеве, Минске, Тбилиси, Риге, Ростове и других городах уже шли соревнования. И столица стала ареной спортивной борьбы. В частности, именно в Москве состязались спортсмены таких ведущих олимпийских видов, как легкая атлетика, плавание, гимнастика.

Шла напряженная борьба. На пьедесталы почета поднимались сильнейшие, а тренеры обменивались опытом, чтобы, вернувшись домой, продолжать свое большое дело по воспитанию сильной, умелой, волевой молодежи.

«Гибралтарская дуэль» — так называют политические обозреватели спор между Великобританией и Испанией о том, кому из них должен принадлежать ключ от Средиземного моря — Гибралтар. С 1713 года он является владением английской короны. Франкистские власти этого не признают. Борьбу за контроль над важным стратегическим пунктом еще более обострили военные маневры, проведенные недавно Великобританией. С авианосца «Булварк» на Гибралтар высадилась английская морская пехота. Она должна была произвести «штурм» крепости. В качестве контрдействия Мадрид приказал нескольким испанским судам подойти к берегам Гибралтара... Но к дуэли неравнодушна еще одна держава — Соединенные Штаты, которые пекутся об интересах агрессивного блока НАТО. Гибралтар для этой военной группировки имеет исключительно важное стратегическое значение.

Командное выступление по художественной гимнастике.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРОСЧЕТЫ «ЛУННОЙ ДИПЛОМАТИИ»

Николай ПАСТУХОВ

Американский авианосец «Хорнет» выполнил в Тихом океане почетную миссию — это не часто случается в практике военно-морских сил Соединенных Штатов Америки. Он принял экипаж «Аполлона-11». И появление по этому случаю на борту «Хорнета» президента США соответствовало торжественности момента.

Но если для астронавтов палуба авианосца явилась финишем героического полета, то для Ричарда Никсона она стала своеобразной стартовой площадкой, которая, по замыслу президента, должна была его вывести на политическую орбиту «лунной дипломатии». Ведь именно с борта «Хорнета» Ричард Никсон отправился в свой полет по заданным точкам нашей видавшей виды планеты.

Однако итог этого путешествия оказался не столь торжественным, а вместо восторгов и восхищения он посеял в мире чувства уныния и беспокойства. Даже такой, казалось бы, отрешенный от земных дел человек, как Томас Пейн, директор американского национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства, сокрушенно заметил, что «может быть, нам лучше никуда не летать. Видит бог, что у нас достаточно бедности и невежества здесь, на Земле...»

Томас Пейн не политик. В его высказывании больше эмоций, чем ясного определения всех тех зол и бед, источником которых является империализм. Итоги поездки Ричарда Никсона, завуалированной улыбкой и отработанными в ходе предвыборных кампаний жестами и словами, по единодушному мнению ведущих обозревателей мировой прессы, не только не располагают человечество к оптимизму, но и свели на нет добрые настроения, вызванные полетом «Аполлона-11».

Двенадцать лет назад мне довелось стать свидетелем методов Никсона в его зарубежных турне. Это было на территории бывшей английской колонии Золотой Берег во время празднеств, посвященных провозглашению Ганы. Вице-президент Ричард Никсон присутствовал на торжествах в качестве главы американской делегации. Вот как примерно выглядели эти методы: он говорил, что Гана — мировой поставщик какао, что США, конечно, помогут этой стране... Я вернусь в США, произносил он, широко улыбаясь, и по телевидению обращусь с призывом: пейте все какао! Кто уже выпивает одну чашку, я скажу им: пейте две! И все будет в порядке!

Прошли годы. Увеличилось ли за это время потребление какао в США, мало кого сейчас интересует. Однако в Гане прогрессивно мыслящие люди прекрасно отдают себе отчет в том, что в бедах, обрушившихся за эти годы на страну, виновны прежде всего действия изощренных в своих методах служб ЦРУ и Пентагона.

А какие новые испытания уготованы странам, где недавно провел «азиатскую неделю» Ричард Никсон? Из этой поездки мировую общественность особенно волнуют «пять таинственных часов», проведенных в Сайгоне, и то, как они повлияют на ход парижских переговоров. Здесь, судя по сообщениям иностранной печати, тоже не обошлось без «какао». В данном случае это были широковещательные заявления о «поэтапном выводе» из Южного Вьетнама американских агрессивных вооруженных сил.

Глава делегации Демократической Республики Вьетнам товарищ Суан Тхюи справедливо заявил на одном из последних парижских заседаний, что «на деле г-н Никсон не желает отказываться ни от политики вмешательства и агрессии против стран Азии, ни от роли жандарма в Азии. Никсон желает продолжать эту политику... Иными словами, это та же самая жестокая и гнусная политика, заключающаяся в том, чтобы заставить азиатов сражаться с азиатами».

Не случайно за последнее время в сообщениях американских телеграфных агентств мелькают такие слова, как «деамериканизация» или «вьетнамизация» агрессии на Индокитайском полуострове. План этот не нов. Его вынашивал еще в свое время Джон Фостер Даллес. В середине пятидесятых годов я присутствовал на одной из его пресс-конференций в Дели. Медленно двигая огромными челюстями, Даллес хвастливо заявлял тогда, что коммунисты, по его мнению, являются «инородным телом» во Вьетнаме и с ними «расправятся» сами вьетнамцы и другие азиатские народы. Но жизнь распорядилась совершенно по-иному. Вся Азия, весь мир симпатизируют героической битве вьетнамских патриотов. И именно единство вьетнамского народа и руководящая роль коммунистов в его борьбе сделали агрессию США абсолютно бесперспективной авантюрой, которая стала трагедией и источником всеобщего негодования американцев.

Никакая двойная игра Вашингтона, никакая «лунная дипломатия» не в состоянии вывести эту страну из тупика, в который завела США агрессия во Вьетнаме. Единственная альтернатива — решение вьетнамской проблемы за столом парижских переговоров на основе справедливых предложений, выдвинутых делегациями Демократической Республики Вьетнам и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

Все свидетельствует о том, что новая тактика президента Никсона сводится к старым методам и целям. Иначе и быть не может. Такова суть современной капиталистической Америки.

РЕПОРТАЖ ИЗ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ-БОМБАРДИРОВЩИКОВ

СОЛДАТЫ ПРОСЫПАЮТСЯ РАНО

Г. МАКАРОВ, Г. ТОВСТУХА,

специальные корреспонденты журнала «Огонек» и «Авиация и космонавтика»

Фото авторов.

— Похож, говорите, на истребитель? — улыбается Володя.

— Пожалуй.

— Но уже само название указывает на принципиальную разницу между этими машинами: наши-то называются истребителями-бомбардировщиками. Непонятно? Ну что же, поживите у нас, посмотрите нашу работу, слетайте с нами, и многое поймете.

Так мы очутились на этом полигоне.

...Известно, что солдаты просыпаются рано, но и они еще спали, когда по деревянным ступенькам домика дежурных на зеленую травку лениво спустился кот и брезгливо осмотрелся. Как и полагается, он проделал все это беззвучно, не нарушая первозданной тишины раннего летнего утра. И вдруг две ласточки, словно две черные молнии, с тревожным криком, поочередно набирая высоту, бросились в атаку, выходя из стремительного пике в считанных сантиметрах над усатой мордой с прищуренными глазами. За «пикирующими» ласточками наблюдает гвардии майор Ширванянц и, ни к кому не обращаясь, комментирует их «атаки»:

— Хорошо работают. Это же настоящий боевой разворот!

Профессионал восхищался «работой» мастеров. А мы тут же вспомнили, как вчера вечером здесь, на этом же самом месте, почти над вершинами сосен и уж точно над самой головой наблюдателей, находившихся на вышке, с ревом и свистом выходили на цель самолеты. По их бортам распускались огненные крылья пушечных очередей, а грохот разрывов от предыдущей атаки сливался с выстрелами последующей. Из-под крыльев одной из машин рванулась к земле целая серия ракет, словно струя воды из лейки садовника. Струя пришлась точно «по грядкам» — серый дым и пыль затянули мишени.

Хорошая «поливка»!

...Сегодня наш второй полет на полигон. Уже не в качестве наблюдателей с земли, а в паре со стреляющим самолетом. Пока вооруженцы оснащают комплектом ракет машину гвардии майора Е. Князева, В. Ширванянц, сын солдата и внук солдата, военный летчик первого класса, продолжает рассказ:

— Основная задача истребителя — воздушный бой, борьба с воздушными целями. В этом ему большую помощь оказывают наземные службы: наблюдения, наведения на цель, связи и другие. Нам же, как правило, приходится бороться с хорошо укрытыми, защищенными, зачастую малогабаритными, наземными целями. При этом летчик на истребителе-бомбардировщике почти лишен помощи с земли. Поиск цели, пилотирование по маршруту, маневр, атака — все это ложится на плечи одного человека, который обязан совмещать в себе штурмана и пилота. Необходимость скрытого подхода к цели и внезапности атаки прижимает нас к земле, заставляет летать на малых высотах в сфере действия почти всех видов оружия наземных войск. Это тоже одна из немаловажных особенностей нашей боевой работы...

Разговор наш пришлось прервать. Е. Князев уже запускает двигатель, а гвардии майор В. Блинов, пилот нашего самолета, нетерпеливо оглядывается на техника, присоединяющего шланги и штекеры.

Наконец все готово к вылету. Опускается фонарь, и прозрачная броня отсекает все звуки аэродрома. Теперь в наушниках шлемофона только голоса руководителя полетов, ведомого да ведущего. Машины взлетают почти вместе. Мы видим багровое пламя, рвущееся из сопла ведущего. Взлетаем на форсаже.

С нашей скоростью до полигона рукой подать, поэтому машина Блинова сразу же занимает место слева и ниже ведущего — так, как договорились на земле. Вот уже и исходный рубеж атаки. Словно связанные, ни на сантиметр не изменяя взаиморасположения, ныряют вниз самолеты, а вверх, свистя, уходят сотни метров высоты.

— Внимание! Три, два...

Это майор Князев предупреждает о пуске снарядов.

— Один! Пуск!

Два вулкана вспыхивают под крыльями. И оттуда, словно рожденная огнем, мчится к ми-

Выше солнца.

Майор Евгений Князев перед полетом.

шеням струя стали. И тут же перегрузка жмет в сидение. Горка, разворот... и домой.

— Видели ли вы выпущенные вами ракеты или результаты стрельбы? — спросили мы на земле Евгения Георгиевича Князева.

Стягивая с головы белоснежный подшлемник, он задумался на мгновение и сказал:

— У нас над полигоном большая скорость. Нет, нам нельзя следить ни за полетом снарядов, ни за мишенями. Кстати, это еще одна особенность работы на истребителе-бомбардировщике.

...Электрокар подкатил к стоянке целый поезд ярко раскрашенных тележек, на каждой из которых улеглась тяжелая туша бомбы. Той самой, что известна многим: ФАБ.

Володя Ширванянц перехватил наш взгляд.

— Вам повезло: видите, вот мы и бомбардировщики. Теперь вам осталось только слетать на поиск и уничтожение воздушной цели для того, чтобы полностью оценить возможности нашего самолета и способности наших летчиков.

К. ЧЕРЕВКОВ

Свершилось! Залп «Авроры», штурм Зимнего, октябрьская ночь семнадцатого, молнией разрубившая XX век,— все это уже история, хотя все это случилось вчера. Второй Всероссийский съезд Советов уже принял ленинские декреты о земле, о мире, образовал Советское правительство. Впереди годы войны, впереди голод, сотни отчаянных ситуаций, тысячи и тысячи трудностей. Но революция свершилась, теперь надо ее отстоять, создать рабоче-крестьянское государство, советские органы управления страной, наладить производство на заводах и фабриках. И побыстрее.

Сейчас, спустя более полувека, листая страницы архивов, слушая воспоминания участников событий первых советских дней, недель и месяцев, ощущаешь колоссальный темп, стремительность в решении больших и малых вопросов. Нужно было спешить, история не простила бы промедления. Решалась судьба революции. Мы восстановим только небольшую часть дел, встреч, забот Ильича в те бурные дни.

Разговор в коридоре Смольного с С. Лозовским.

— Очень хорошо, что я встретил вас,— сказал Владимир Ильич.— Вот проект положения о рабочем контроле.— Протянул Лозовскому исписанные карандашом листки.— Посмотрите, посовещайтесь с руководителями профсоюзов, а затем надо заняться им во фракции ВЦИКа.

Первый этаж Смольного. Комната 26. Работники Центрального совета фабзавкомов и профсоюзов знакомятся с ленинским документом. Пришел Владимир Ильич. Короткий деловой разговор: нужно наметить те экономические учреждения, которыми Советская власть должна заняться в первую очередь.

Совещания в Центральном совете фабзавкомов и Петроградском совете профсоюзов, в Комиссариате труда, заседания Совнаркома и ВЦИКа. Ленин разъясняет огромный политический смысл нового рабочего органа. Много трудностей, много неясного. Какими будут формы централизации рабочего контроля? Ответа на этот вопрос пока нет. Нельзя тратить время на поиски форм. Надо начинать работу на каждом заводе, на каждой фабрике — Ленин убежден в этом, Ленин доказывает... Пусть рабочие проявят инициативу. Никаких преград инициативе масс! Живой опыт покажет, в какие формы отлить рабочий контроль в общегосударственном масштабе.

Позже С. Лозовский напишет в воспоминаниях, что Владимир Ильич рассматривал рабочий контроль не с производственно-технической, а с политической точки зрения. Нужно было, чтобы рабочие на каждом заводе, на каждой фабрике взяли за горло предпринимателей, не дали им саботировать производство.

Вечером 14 ноября ВЦИК утвердил «Положение о рабочем контроле», в основу которого был положен проект, написанный Лениным в первые дни Советской власти. Рабочие получили право контроля за производством и финансовой деятельностью предприятий, куплей-продажей и хранением сырья, готовой продукции.

В ответ — саботаж, яростный, ожесточенный. Владельцы заводов и фабрик свертывали производство, останавливали цеха. Рабочие не сдавались.

Более полувека прошло с того дня, когда Василий Петрович Виноградов вместе с делегатами Металлического завода ходил к Председателю Совнаркома. Но до сих пор он помнит все детали волнующей встречи. Я встретил его недавно в Смольном.

— Вот здесь решалась судьба нашего завода, теперь известного всему миру своими турбинами,— сказал Василий Петрович, остановившись у двери одной из комнат Смольного.— Да и не только нашего, судьбы тысяч других!

Мимо нас идут и идут в эту комнату экскурсанты с разных концов страны, из разных уголков планеты.

В 1917-м Виноградов был секретарем заводской партячейки. Тяжелые дни переживал восьмитысячный отряд металлистов. Управляющий не признавал распоряжений рабочей дирекции, сопротивлялся введению рабочего контроля и, наконец, решил закрыть завод.

— Надо отметить, что в рабочей дирекции не все были единомышленники,— вспоминает В. П. Виноградов.— Очень здорово мешали нам эсеры. Пошли мы к Владимиру Ильичу. Рассказали о своих заводских делах. И про эсеров рассказали. Ленин рассердился даже. Да гоните их в шею, говорит. Кто-то из делегатов попросил выдать мандат, подтверждающий наши права. И тогда Ильич улыбнулся: «Действуйте по-революционному. Мандатов для этого никаких не требуется. Предавайте революционному суду всех, кто будет вредить народу».

— Наладилось дело? — спросил я.

— Нет. Ничего у нас сначала не получилось. И стыдно нам было — знали же, как занят Ильич,— однако снова пошли к Ленину. Выслушал он нас и сказал с упреком: «Революционеры вы, а не можете справиться с администрацией. И денег у вас нет для зарплаты рабочим. А вы наложили арест на кассу?» Нет, говорим...

— Стали мы смелее действовать,— продолжает Виноградов.— Вызвали управляющего и прямо ему сказали: или честно работай, или уходи с завода. Управляющий, конечно, раскипятился, оскорблять нас стал. Посадили мы его тогда в отдельную комнату и часового поставили. Это сразу отрезвило саботажника.

В середине ноября в Смольный к В. И. Ленину приехали ликинские текстильщицы И. Морозкин и А. Тимофеева. Фабрика их обслуживала нужды армии и «беднейших потребителей». Не считаясь с этим, владелец свернул производство и пригрозил вообще закрыть фабрику. Собрались рабочие, подумали, прикинули и решили: выход один — скинуть фабриканта и самим хозяйствовать! С таким настроением они и приехали в Петроград.

17 ноября В. И. Ленин подписал постановление, в котором говорилось, что фабрика в поселке Ликино, Владимирской губернии, со всеми материалами, сырьем и прочим объявляется собственностью Российской республики. Этим постановлением было положено начало национализации предприятий.

В секторе произведений В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС мне показали воспоминания С. И. Сутырина. Он волгарь, ездил с делегацией в Смольный заручиться поддержкой правительства по вопросу национализации флота. Об этом должна была пойти речь на заседании Совнаркома.

...Вошел Владимир Ильич. Поздоровался, спросил, все ли прибыли, и, услышав, что все, попросил провести гостей в столовую: пусть немного закусят. Горбунов ответил, что там ничего нет. «Найдите что-нибудь, хотя бы чай»,— сказал Владимир Ильич.

За чаепитием в смольнинской столовой Ленин расспрашивал, каков урожай в Поволжье, известны ли на Волге «Декрет о земле» и «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа».

Потом волжане с жаром доказывали, что необходимо немедленно национализировать торговый флот. Их поддержали Сталин, Дзержинский, Невский, Цюрупа, Елизаров. Ленин внимательно слушал ораторов. Но вот слово взял Шляпников. Он говорил, что многие частники, владея двумя-тремя судами, разумно их используют. Он считал, что рабочие не справятся с той громадной работой, которая ляжет на их плечи, если национализировать флот.

— А как вы думаете? — спросил Владимир Ильич делегатов. И, услышав положительный ответ, сказал, что он согласен с предложением о национализации флота, и поинтересовался, как рабочие намерены им управлять, сколько денег потребуется.

Сутырин толкнул под локоть своего товарища — Челышева.

— Двадцать пять миллионов! — выпалил Челышев.

— С потолка вы эту цифру взяли? — спросил Ильич.

— Да,— откровенно признался волгарь.

— Подсчитайте лучше, потом скажете...

Совнарком проголосовал за национализацию флота.

С идеей организации общероссийского управления национализированным народным хозяйством пришли к Ленину представители Центрального совета фабзавкомов — П. Амосов и М. Животов. Они пришли, хотя знали, что их предложение до конца не продумано, много неясностей. В кабинете Владимира Ильича они развернули расчерченный линиями и усеянный кружочками лист бумаги, начали излагать суть схемы управления. Владимир Ильич внимательно рассматривал схему, потом спросил:

— А как вы назовете этот орган?

Мы ответили, вспоминал М. Животов, что думаем назвать его Высшим Советом Народного Хозяйства. Повторив это слово несколько раз, Ленин сказал, что рабочему правительству, поставившему своей задачей обобществить средства производства, нужен такой орган, через который сами рабочие управляли бы своим хозяйством.

Ободренные фабзавкомовцы попросили оформить их идею декретом. «Не буду же я издавать декретом вот эти ваши разноцветные кружки»,— улыбнулся Ильич. Сказал, что надо подготовить проект декрета по всей форме: с параграфами, пунктами. Животов и Амосов сознались, что такого декрета написать не смогут.

В читальном зале Центрального Государственного архива Октябрьской революции я познакомился с копией постановления СНК, написанного Лениным вскоре после беседы с фабзавкомовцами. Этим постановлением вести работы по организации Высшего Экономического Совещания, одного из этапов создания ВСНХ, уполномочивались В. Оболенский, В. Смирнов и М. Савельев. Им предоставлялись широкие полномочия на получение из всех учреждений, как общественных, так и правительственных, справок, материалов и документов по вопросам народного хозяйства и мер к его организации.

Перелистываю еще одну архивную папку, в которой собраны копии протоколов заседаний СНК за 1917 год. Вот документ, датированный 18 ноября.

Заседание началось вечером, вел его Ленин. На повестке много неотложных вопросов. И среди них «Проект декрета об организации ВСНХ». Дебаты оживленные. Не менее горячими они были и на заседании ВЦИКа, которое проходило в ночь с 1 на 2 декабря.

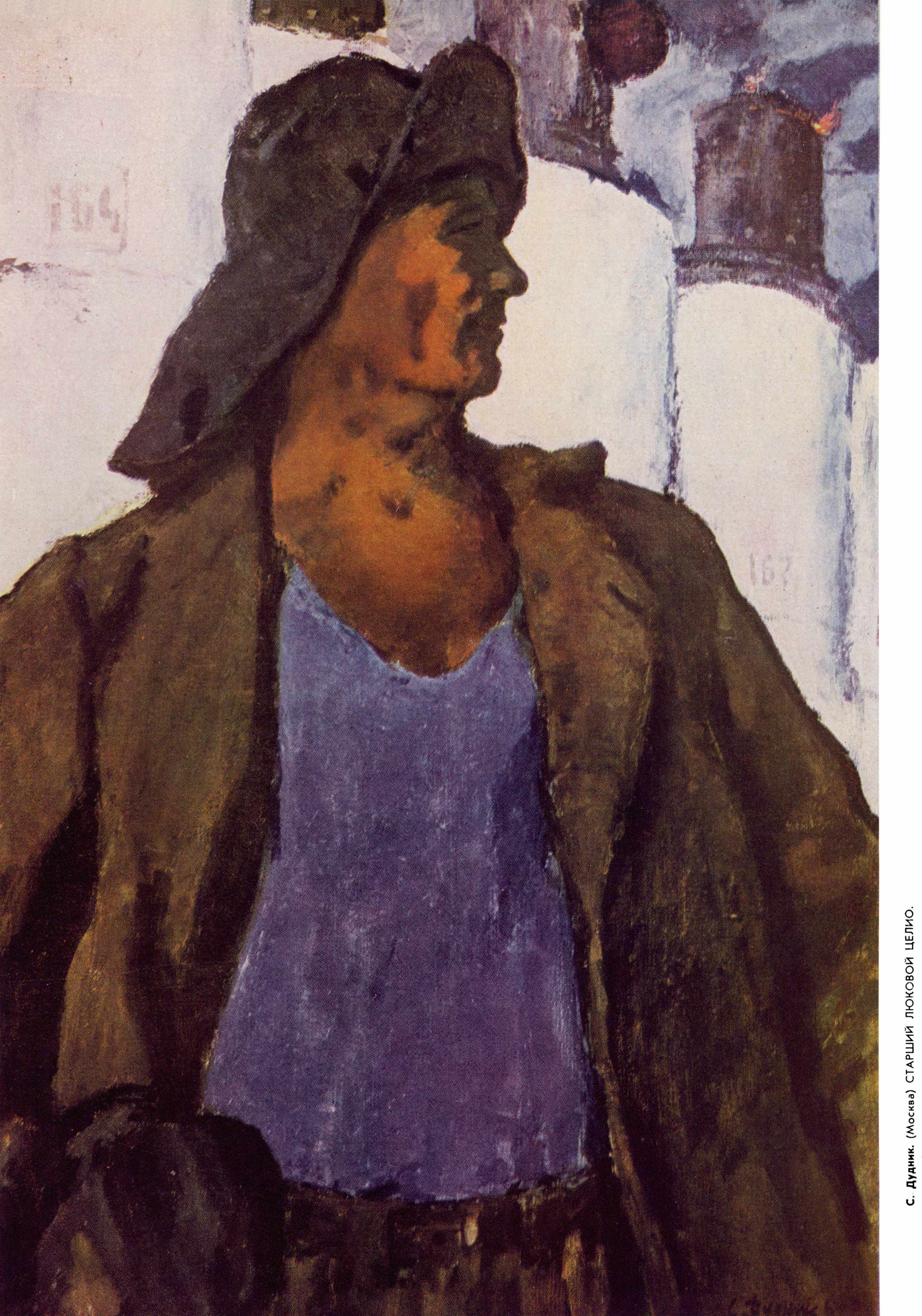
ВСНХ начинает жить, сколачивать аппарат.

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции мне показали любопытный документ: Ленин поручает Наркомату торговли и промышленности дать указание об изготовлении для ВСНХ печати с надписью: «Высший Совет Народного Хозяйства. Российская республика». Датирован этот документ 12 декабря 1917 года.

Шел напряженный поиск новых, советских форм руководства хозяйством. «От рабочего контроля,— говорил В. И. Ленин на III Всероссийском съезде Советов,— мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог, которая будет проведена в ближайшие дни, даст нам возможность приняться за постройку нового социалистического хозяйства...»

М. Бельский. (Киев) РАБОЧЕЕ УТРО.

С. Дудник. (Москва) СТАРШИЙ ЛЮКОВОЙ ЦЕЛИО.

ДВА ВОПРОСА ТРЕМ МИНИСТЕРСТВАМ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

1. Как можно коротко охарактеризовать уровень технического прогресса, достигнутого предприятиями вашей отрасли промышленности?

2. В каком направлении пойдет развитие технического прогресса в ближайшие годы?

НА ВОПРОСЫ «ОГОНЬКА» ОТВЕЧАЮТ:

министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР А. И. КОСТОУСОВ

1. Почти сорок лет назад, когда я был студентом Станкина, мне довелось увидеть первый токарный станок, созданный в нашей стране. Назывался он ДИП, что означало догнать и перегнать.

Первый станок, первый автомобиль, первый самолет... Многое было для нас первым. Но ведь появление отечественных автомобилей, самолетов, ракет, гигантских электростанций, электронных микроскопов и многого другого стало возможным только тогда, когда были выпущены станки, на которых можно было обрабатывать детали этих уникальных машин, механизмов и приборов. Поэтому станкостроение называют сердцевиной машиностроения.

Станкостроители создали мощный парк металлообрабатывающего оборудования в нашей стране. К тому же мы поставляем свою продукцию более чем в 60 стран. И что очень важно: на мировом рынке эта продукция пользуется большим спросом. Некоторые наши станки во многом лучше аналогичных зарубежных.

От ДИПа к сложнейшим станкам-автоматам — таков путь советской станкостроительной промышленности. Но и эти станки не последнее слово техники. Комплексно-автоматические линии, цеха и заводы-автоматы стали обычным явлением. Скажем, на заводе-автомате по производству поршней для автомобильных двигателей автоматизированы все процессы — от подачи чушек алюминия в плавильную печь до упаковки готовых изделий.

Большим достижением является и то, что мы освоили серийное производство прецизионных, то есть особо точных, станков, без которых немыслимо бурное развитие авиационной, космической и электронной промышленности.

2. На ближайшие годы одна из наших главных задач — разработка новых видов унифицированных токарных, фрезерных, шлифовальных и других станков. Это позволит наладить крупносерийное производство однотипных взаимозаменяемых деталей и узлов. Кроме того, мы хотим повысить производительность этих станков. Подсчитано, что повышение производительности металлообрабатывающего оборудования только на один процент даст сотни миллионов рублей прибыли. С этой целью предусматривается использование алмазных и абразивных материалов, внедрение механизации и автоматизации в подсобных операциях, применение новых методов обработки и т. п. Мы будем выпускать все больше и больше прецизионных станков, причем многие — с программным управлением.

В наше время зачастую приходится изготавливать детали, точность которых трудно даже измерить. А специалистов, чувствующих «сотки» кончиками пальцев, не так уж много, поэтому ученые Московского станко-инструментального института разработали систему автоматического регулирования упругих перемещений. Иначе говоря, станок сам обеспечит наивыгоднейший режим резания. Эта система позволяет рабочему средней квалификации обрабатывать особо точные детали.

Ученые-станкостроители завершают разработку новых видов станков, основанных на использовании ультразвука, электроэрозии, электрохимии и концентрированных пучков энергии — лазеров. Это позволит быстро и точно обрабатывать детали из жаропрочных сталей, стекла, фарфора и различных сплавов.

министр химической промышленности СССР Л. А. КОСТАНДОВ

1. Химия прочно вошла в жизнь. Не случайно все отрасли народного хозяйства ежедневно предъявляют к химической промышленности все больше требований. Это вполне оправдано, потому что сегодня технический уровень любой отрасли с достаточной полнотой определяется степенью ее химизации.

Поэтому химическая промышленность развивается быстрей других отраслей, и первым показателем прогресса нашей отрасли является темп роста выпуска продукции. Если с 1965 года вся промышленность выросла почти на 30 процентов, то продукция химической промышленности — более чем на 40 процентов. Но дело не только в том, сколько выпустить продукции, не менее важно — какой продукции. Вот, например, за это время в три раза увеличился удельный вес эффективных концентрированных и сложных минеральных удобрений. Полимеризационные прогрессивные пластмассы в 1968 году заняли в общем объеме производства пластмасс одну треть, а синтетические волокна — четверть.

Нельзя не сказать о некоторых технологических и технических новинках. Новая технология на создаваемых ныне заводах по производству фосфора позволила увеличить мощность печей в 12 раз! В производстве серной кислоты освоены агрегаты мощностью 120 тысяч тонн, строятся 180-тысячетонные, проектируются на 360 тысяч тонн. Производство некоторых видов пластмасс переведено с периодических процессов на непрерывные.

2. В предстоящее пятилетие намечено удвоить мощности химической промышленности. На существующей технической базе это сделать невозможно. Советские химики стали на путь коренного изменения технологических процессов — перевод производства на непрерывные процессы, применение более активных катализаторов, увеличение мощностей единичных агрегатов. Вместе с машиностроителями мы интенсивно работаем, например, над установками, которые за год могут выпускать 500 тысяч тонн аммиака, 50 тысяч тонн полиэтилена, 120 тысяч тонн азотной кислоты. Мы стремимся идти по пути строительства крупных производств в решающих отраслях химической промышленности.

Намечается дальнейшее повышение качества продукции и расширение ассортимента. Доля двойного суперфосфата увеличится с 6 процентов в 1965 году до 27 процентов, сложных удобрений — до 25 процентов. Это заметно повысит содержание питательных веществ в удобрениях.

Критерием, в значительной мере определяющим степень научно-технического развития химической промышленности, является уровень производства полимерных материалов — пластмасс, химических волокон, лакокрасочных материалов, других продуктов сложного органического синтеза. Чтобы дать читателям «Огонька» представление о темпах подъема в этой области, приведу только два примера: намечен рост производства пластмасс с 300 тысяч тонн в 1960 году до 3 000—3 500 тысяч тонн в 1975 году. Или, скажем, к 1975 году производство всех химических волокон должно увеличиться впятеро, а удельный вес таких, как капрон, лавсан, нитрон, анид,— до 43 процентов.

Таковы наши ближайшие перспективы.

начальник технического управления Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР профессор М. И. БАЛЬНОВ

1. За годы пятилеток в нашей стране заново была создана мощная строительная промышленность, основанная на передовой технике.

О техническом уровне строительства в период первых пятилеток можно судить по уровню производительности труда. Для выполнения строительно-монтажных работ стоимостью в один миллион рублей в 1928 году требовалось 1 320 рабочих. Тот же объем работ в сопоставимых ценах в 1968 году выполняли только 183 человека.

Главным направлением технического прогресса является индустриализация строительства на основе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов.

Одна из важных задач в этой области — увеличение объема полносборного строительства, при котором на один миллион рублей строительно-монтажных работ затрачивается на 7,5 тысячи человеко-дней меньше, чем при строительстве из кирпича.

В нынешней пятилетке создаются более сложные, чем в прошлые годы, конструкции и оборудование для промышленных объектов. Среди таких объектов — доменные печи объемом 2 700—3 000 кубометров, конверторные цехи и агломерационные фабрики большой мощности, цементные заводы, химические предприятия, шахты и другие объекты.

По-новому идет и монтаж этих объектов. Если в период первого пятилетия доменные печи монтировались из отдельных листов со специально поставленных лесов, то теперь кожуха доменной печи и воздухонагревателей на монтажной площадке соединяются в блоки весом до 75 тонн, а затем их поднимают специальные башенные краны.

При реконструкции доменных печей пошли еще дальше: новую домну собирают рядом с действующей и после разборки старой печи надвигают на ее фундамент.

2. Основным направлением в ускорении технического прогресса в строительстве по-прежнему будет совершенствование проектных решений, дальнейшая индустриализация строительства, повышение степени механизации и автоматизации производственных процессов, применение новых эффективных материалов и конструкций и совершенствование организационных форм.

Большое внимание уделяется снижению веса зданий. Для этого в железобетонных несущих конструкциях будут применяться высокопрочные бетоны и конструктивные бетоны на легких заполнителях. В шесть раз позволит снизить вес зданий применение несущего каркаса из сталей высокой прочности и стального оцинкованного профилированного листа.

Повышению производительности труда послужат новые высокопроизводительные машины.

Для совершенствования управления строительством предусматривается широкое использование математических методов в экономических расчетах, с применением электронных вычислительных машин. Планируется создать автоматизированные системы управления во всех главных управлениях по строительству и автоматизированную систему обработки информации в министерстве.

Ты по

Стаханов, Кривонос, Бусыгин. В середине тридцатых годов эти имена знал в нашей стране каждый. Их рабочие биографии начались примерно в одно время, начались весьма обычно. Стаханов на шахту, а Бусыгин на завод приехали из деревень. Кривонос — потомственный железнодорожник, его отец работал столяром в депо. И едва ли кто-либо запомнил те дни, когда трое парней пополнили рабочий класс. Разве что немного удивились шахтеры, когда появился в забое новичок в лаптях и белых крестьянских холщовых штанах. Зато три другие дня из жизни Стаханова, Кривоноса и Бусыгина вошли яркими главами в биографию страны. Об этих трех днях 1935 года корреспондент «Огонька» Б. Смирнов попросил рассказать трех героев первых пятилеток.

РАССКАЗЫВАЮТ ГЕРОИ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

АЛЕКСЕЙ СТАХАНОВ:

Я СКАЗАЛ, ЧТО ВСЕ ОПЫТНЫЕ ЗАБОЙЩИКИ МОГУТ ТАК РАБОТАТЬ

Это случилось не днем, а ночью — с тридцатого на тридцать первое августа тридцать пятого года.

Накануне вечером ко мне домой пришли парторг шахты Константин Петров и начальник участка «Никанор Восток» Николай Машуров. Пришли поговорить о недостатках, о том, как лучше построить работу на шахте. В смену я тогда давал по десять — четырнадцать тонн угля, считался хорошим производственником. Разговор получился довольно острым. Мое мнение было такое: угля можно давать гораздо больше, если правильно расставить людей и пересмотреть работу подсобных служб. Забойщик много времени расходует зря.

Товарищи со мной согласились и предложили: поработай, мол, смену так, как считаешь нужным, а мы тебе поможем. Тут-то и выяснится, прав ты или нет.

Решили, что лучше мне выходить в ночную смену. Утром я пошел на шахту, чтобы все подготовить. Надо было договориться о крепеже, об откатке, перебрать отбойный молоток. Выделили мне двух лучших на шахте крепильщиков — Щиголева и Калинина.

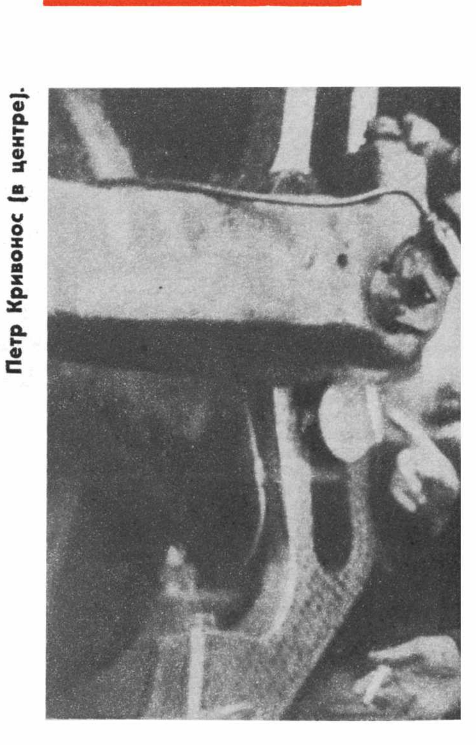
И вот мы спустились в шахту, прошли к забою. Я даже успокоился, когда начал работать, до этого здорово волновался.

Работалось хорошо. Обычно в забое было тесно, а сейчас я один. Сзади крепильщики — тоже удобно: раньше приходилось откладывать молоток и крепить самому. Лаву я согнал за пять часов сорок пять минут. И даже не устал ничуть, мог бы еще раз пройти лаву, но крепежный лес кончился. Вылез из забоя. Ко мне подошел Машуров. «Поздравляю, — говорит,— по моим подсчетам, согнал ты больше ста тонн!» Потом подсчитали точно — сто две тонны. Это двенадцать норм, больше шести товарных вагонов угля.

Сразу же было созвано внеочередное заседание шахтпарткома. В резолюции так и записали: «Считать, что Стаханов А. Г. установил мировой рекорд производительности отбойного молотка». А в нарядной тем временем все бушевало. Шахтеры хотели знать, как у меня получилась такая выработка. Почти вытолкнули меня на трибуну. Я рассказал все, как было, сказал, что все опытные забойщики могут так работать...

Эти фотографии сделаны в 1935 году.

Алексей Стаханов (справа).

Петр Кривонос (в центре).

МНИШЬ, ТОВАРИЩ ?

ПЕТР КРИВОНОС: МНЕ ТОГДА НЕ ПОВЕРИЛИ

В тридцать пятом году я только-только перешел из помощников в машинисты. В помощниках я ходил у Макара Васильевича Рубана, лучшего машиниста страны, и от него перенял бережное и внимательное отношение и к локомотиву и к своей профессии. Паровоз к тому времени я уже знал досконально и чувствовал, что работает он далеко не на полную мощность. Силы в паровозе полно, а мы плетемся еле-еле. Так положено по инструкции.

Обидно было очень: в стране пятилетка, вся жизнь торопится, набирает темпы, а мы плетемся...

Я водил тогда товарные составы на участке Славянск — Лозовая. Изучил профиль участка, присмотрелся к работе паровоза. И начал открывать большой клапан. Скорость стала возрастать. Двадцать третьего июня тридцать пятого года наша молодежная бригада на паровозе «Э. 684—37» провела поезд со средней скоростью сорок шесть с половиной километров в час. Это было в два раза быстрее, чем по норме.

В тот день я не подозревал, к чему все это приведет. В пути думать было некогда — работал. В депо сдаю дежурному маршрутный лист — тот изумился: «Неужто так быстро ехал?» Собрались машинисты. Одни говорили: скорость «липовая», врет парень; другие поучали: загонишь, мол, локомотив! Короче говоря, мне тогда не поверили. Пришлось неверующих брать с собой в следующий рейс и убеждать на практике, что скорость не «липовая».

Это было началом. А потом... Оказалось, что в нашей работе есть масса неиспользованных резервов. Решили сократить в пути количество остановок для заправки водой, взялись водить тяжеловесные составы и так далее. Между машинистами возникло соревнование, и почин скоростного движения ежедневно расширялся. Газеты так и писали в те дни: «На транспорте произошла революция...»

АЛЕКСАНДР БУСЫГИН: ВОТ ТАК ЖЕ, НАВЕРНОЕ, ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ДИРИЖЕР ОРКЕСТРА

Догуливал я свой отпуск, отдыхал, и вдруг домой ко мне приходит мастер нашего цеха: так, мол, и так, Бусыгин, некому программу выполнять, выходи на работу.

На другой день пришел я на завод. За пятидневку я свое задание перевыполнил... И снова осложнение: кузнеца Казарина призвали в армию. Вот такие дела... Оставил я на своем месте подручного, а сам перешел на казаринское. Ребята в его бригаде подобрались хорошие, но работали как-то расхлябанно. Я присмотрелся, кое-кого поменял местами. Ведь одна операция требует смекалки, другая — силы, третья — ловкости... Товарищи за перестановки не обиделись: понимали — все для пользы дела. Да и заработки выросли.

Еще я взял в расчет, где мы теряем время на простои и какие узлы оборудования барахлят чаще всего. Короче, нашли мы много больших и малых причин, мешающих работе. Подумали, подумали, выяснилось, что можем почти все эти причины устранить сами. Как раз в это время узнали мы о рекорде Алексея Стаханова и решили свой рекорд установить.

Девятого сентября на работу пришли задолго до начала. Проверили оборудование, инструменты. Первые пятнадцать минут я работал нарочно медленно, сдерживался. Сосед по молоту подзадорил: «Что-то ты, Бусыгин, робеешь?» А я прислушивался к работе молота, проверял, не откажет ли он, и еще ждал, чтобы вся бригада в единый ритм вошла. Вижу, все в полном порядке,— тогда и двинул дело полным ходом.

Никогда раньше я так не работал. Каждое движение рассчитываю, и молот меня слушается, как живой. Настроение радостное, торжественное. Чувствую, что ребята из бригады следят за мной, стараются держать мой темп. Наверное, думал я, так же чувствует себя на концерте дирижер большого оркестра.

Смена прошла незаметно. А когда подсчитали выработку — коленчатых валов оказалось девятьсот шестьдесят шесть вместо положенных по норме шестисот семидесяти пяти.

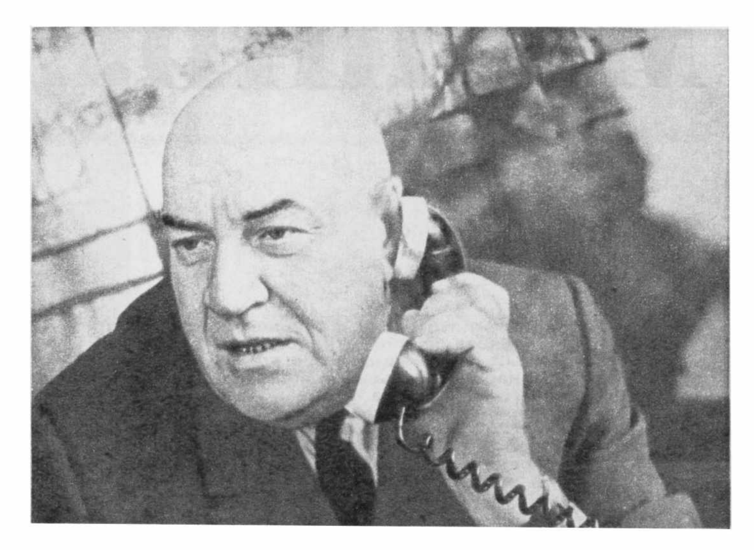
Много общего есть в том, как сложились дальнейшие судьбы героев первой пятилетки, участников нашей беседы. Все они остались верны своим специальностям, своему рабочему призванию: Стаханов — угольной шахте, Бусыгин — Горьковскому автозаводу, Кривонос — железнодорожному транспорту. Все трое учились в высших учебных заведениях: Стаханов и Бусыгин — в московской Промакадемии, Кривонос — в Московском электромеханическом институте железнодорожного транспорта. Все они награждены орденами Ленина, другими орденами и медалями, все избирались депутатами Верховного Совета СССР. Стаханов в годы Великой Отечественной войны работал начальником шахты в Караганде, затем в Министерстве угольной промышленности СССР, потом вернулся в Донбасс и ныне — помощник главного инженера шахтоуправления 2/43 треста «Торезантрацит». Кривонос был начальником депо, затем начальником железной дороги, начальником округа, сейчас руководит одной из крупнейших транспортных сетей страны — Юго-Западной железной дорогой. Бусыгин, проработав все эти годы начальником цеха, недавно вышел на пенсию, но продолжает вести большую общественную работу на родном предприятии.

Есть еще одна общая забота у участников нашей беседы: очень часто встречаются они в президиумах всесоюзных и республиканских слетов, съездов и совещаний. И в каждом зале — большом или малом — обязательно встречают первые стахановцы своих последователей, сегодняшних передовиков советской индустрии.

СТИЛЬ, ПЛАН И СИСТЕМА

ЧЕЛЯБИНСК

Этот разговор произошел в Челябинске в кабинете директора Челябинского электрометаллургического комбината. Собеседником нашего специального корреспондента О. Куприна был

В. Н. ГУСАРОВ,
лауреат Ленинской и Государственной премий,
Герой Социалистического Труда,
директор комбината.

С Владимиром Николаевичем Гусаровым мне хотелось поговорить о стиле работы директора крупного предприятия, услышать его размышления о ленинских принципах социалистического хозяйствования.

Кое-что о В. Н. Гусарове я знал еще до встречи с ним. Услышал даже легенду о директоре, прямого отношения к теме нашего разговора вроде бы не имевшую. Рассказывали, будто в кабинете Гусарова в шкафу до сих пор хранится рабочая спецовка — память о тех днях, когда еще мальчишкой Володя Гусаров пришел на строительство этого самого комбината. Было это почти сорок лет назад.

Я еще не знал, что в этой легенде правда, а что вымысел, но сам факт — четыре десятилетия, отданные одному предприятию,— достоин красивой легенды.

Никакого шкафа в кабинете В. Н. Гусарова не оказалось. Все скупо и просто. Ничего лишнего. Деловая обстановка настраивала на деловой разговор. Тут не до легенд.

Вопрос. В этом году у вас юбилей — двадцать лет работы директором комбината. Изменились ли за это время ваши методы руководства предприятием, ваш стиль?

Ответ. Конечно, изменились. На двадцать лет стал старше и опытнее. Что было два десятилетия назад? Завод — в то время еще не комбинат, а Челябинский завод ферросплавов — работал неплохо. Мы выдержали большой и труднейший экзамен — войну. Оценку за это испытание получили самую высокую: завод был награжден в 1945 году орденом Ленина. Во время войны я был главным инженером.

Фашисты дошли до Москвы и до Волги, много крупных заводов осталось по ту сторону фронта, и практически мы одни должны были обеспечить всю оборонную промышленность ферросплавами, без которых нельзя выплавить качественную сталь, без которых не получишь брони.

Как мы справились с этой задачей—разговор особый. И немцы и союзники удивлялись, откуда русские берут такое количество танков. Ведь незадолго перед войной мы покупали ферросплавы за границей. Помню, как однажды на завод нагрянули гости — посол США адмирал Стэндли в сопровождении группы офицеров, которые проявили слишком большой для военных интерес и познания в области выплавки ферросплавов. Они ходили по заводу и не переставали изумляться. И было чему.

В военное время и руководить заводом надо было по-военному. Задача была одна — дать больше ферросплавов. И все от директора до повара в столовой отказывали себе во всем ради решения этой задачи.

К 1949 году завод наш, как принято говорить, уже перешел на мирные рельсы. Заниматься мне пришлось не только проблемами сугубо металлургическими, но и строительными. Расширялся завод, началось большое жилищное строительство.

Многое изменилось за двадцать мирных лет. И я, конечно, изменился. Стараюсь находить ключик к каждому, с кем сводят меня директорские заботы. Раньше от меня требовали одного: «Давай план». Теперь к прежнему требованию прилагают существенное добавление: «И дешевле». То есть директор должен быть не только производственником и организатором, но и экономистом. В последнее время жизнь жестко диктует директору: «Не командуй впопыхах! Больше занимайся экономическим анализом на том участке нашей промышленности, который тебе доверен!» Это и есть один из важнейших ленинских принципов социалистического хозяйствования.

Сейчас наш завод производит ферросплавов в пять раз больше, чем четверть века назад. Незадолго перед войной мы были учениками у зарубежных фирм, сегодня зарубежные фирмы учатся у нас. Разумеется, и это сказывается на стиле работы: одно дело быть учеником, другое — учителем.

Вопрос. Вероятно, не только учителем, но и ученым?

Ответ. Да, в этой области мы шагнули очень широко. Сегодня при современной технике рядовой плавильщик обязан знать больше, чем в недалеком прошлом директор предприятия.

В. И. Ленин говорил, что экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим. В полную меру это относится к директору предприятия. Если он не будет специалистом, если не будет знаком с техническими новинками не только отечественными, но и зарубежными, такой директор безнадежно отстанет.

Я уже знал, что В. Н. Гусаров — первый читатель технической библиотеки. Первый потому, что все книги по черной и цветной металлургии, прежде чем стать на библиотечную полку, попадают на письменный стол, за которым мы сейчас ведем беседу. Сюда же в первую очередь приходят технические журналы на английском языке. Иностранная литература по ферросплавному производству размножается на ротаторе и рассылается инженерно-техническим работникам комбината.

— Технический прогресс,— продолжал В. Н. Гусаров,— должен всегда быть в центре внимания директора современного предприятия. Причем директору надлежит не только руководить внедрением новой техники. Технический прогресс должен стать его личным делом.

Вопрос. В каком смысле — личным делом?

Ответ. В том смысле, что директор не только организатор и администратор, но и специалист в своей области. Специалист, какой бы пост он ни занимал, просто обязан, на мой взгляд, работать по своей специальности помимо организационной и административной работы. В. И. Ленин в анкетах в графе «профессия» писал: «публицист». И, несмотря на титаническую работу по руководству государством, писал блестящие публицистические статьи. Литературное дело было необходимой частью его работы как руководителя государства, как коммуниста, как специалиста. Этот принцип, по-моему, должен лечь в основу деятельности любого руководителя. И директора предприятия, коли в графе «профессия» он пишет: «инженер».

Вопрос. Вы, уже будучи директором, вносили рационализаторские предложения?

Ответ. Да, у меня девятнадцать авторских свидетельств на изобретения.

Вопрос. Использовались ли ваши изобретения в тех работах, за которые вы были удостоены Ленинской и Государственной премий?

Ответ. Использовались. И в той и в другой.

Мы беседуем уже около часа. За это время не раздался ни один телефонный звонок. На минуту заглянула секретарь — принесла

на подпись срочную телеграмму. За окном работал комбинат, решались тысячи больших и малых производственных вопросов, а в кабинете директора была тишина, и сам Владимир Николаевич был спокоен, явно никуда не торопился. Мне говорили, что у Гусарова есть своя система руководства. И, видимо, вот эта тишина в кабинете, никакого намека на суету и нервотрепку, никаких апелляций к директорскому авторитету — все это, вероятно, было результатом неукоснительно проводимой системы.

В кабинете стоял большой стол для совещаний. Много раз я видел такие столы в кабинетах других директоров, слышал многочасовые споры, бушевавшие над ними. И следующий вопрос пришел сам собой.

Вопрос. В. И. Ленин на заседаниях Совнаркома предоставлял докладчикам считанные минуты. Сколько длятся производственные совещания на вашем заводе? Как они строятся? Сколько их бывает в течение недели?

Ответ. Две оперативки в неделю. Во вторник — оперативка по производству. Первым в течение трех минут докладывает начальник общепита о работе заводских столовых. Тут же начальники цехов высказывают свои претензии.

На каждой оперативке отчитываются два производственных мастера о воспитательной работе. Каждому мастеру для отчета предоставляется десять минут. Потом идет целая серия коротких докладов, из которых присутствующие получают полное представление по всем основным вопросам жизни предприятия за минувшую неделю и узнают конкретные планы на будущую. Здесь начальники цехов окончательно выясняют все, что их заботит, а потому в течение недели по вопросам материально-технического обеспечения они к директору не обращаются.

По пятницам я провожу оперативку по строительству. Она длится час. По понедельникам — прием рабочих по личным вопросам. Вот и все предусмотренные графиком недельные оперативки.

Вопрос. Ваш комбинат сравнительно недавно перешел на новую систему планирования и экономического стимулирования. Как вы восприняли это?

Ответ. Значение экономической реформы трудно переоценить. Она очень важна и своевременна. По своей сути это — развитие и углубление ленинских принципов руководства социалистическим хозяйством, и прежде всего хозрасчета.

Мы перешли на новую систему позже других, перешли с осторожностью, потому что в любом большом деле всегда есть масса трудных и неожиданных проблем. Несколько лет мы изучали опыт предприятий, работавших по-новому. Крепко взялись за учебу. Каждый мастер, каждый начальник смены прошел за это время долгосрочные экономические курсы. Организована на комбинате экономическая лаборатория. Словом, к встрече с реформой мы готовились серьезно и основательно.

Вопрос. Какая проблема, связанная с реформой, вас волнует больше всего?

Ответ. Есть одна такая проблема. Правда, она существовала и до реформы. Проблема текучести кадров. Я хочу рассказать только об одном аспекте этой проблемы, относящемся к стилю работы руководителя, к широте его взгляда. Короче говоря, речь идет о государственном, а не местническом подходе к решению весьма сложных вопросов.

Реформа дает предприятию большие средства в фонд материального поощрения. Некоторые директора используют этот фонд для борьбы с текучестью, изобретая способы повышения заработка. Один, скажем, премирует за уборку рабочего места, другой — за участие в художественной самодеятельности. Форм повышения заработка придумано великое множество. Тут и бесплатные ужины для тех, кто работает в ночную смену, и бесплатный транспорт с завода и на завод. В результате получается так, что за одну и ту же работу люди получают разное вознаграждение.

Не подумайте, что я против повышения материального благосостояния. Вовсе нет! Но пусть этот рост касается в первую очередь передовиков производства. Ведь не секрет, что «летуны», как правило, не самые лучшие работники. И вот иные директора заводов, испытывая трудности с рабочей силой, строят распределение фонда материального поощрения только на одном принципе — переманить к себе побольше народа. Премия лучшим оборачивается подачкой всем и каждому.

Мне кажется, нужно твердо узаконить принципы премирования, учитывая при этом, что премия не только средство материального поощрения, но и сильнодействующее воспитательное средство.

Я заранее подготовил вопрос директору: правильно ли считать основной причиной текучести неодинаковые заработки? Разве менее важны причины социальные и даже психологические? И я готов был отстаивать это положение, потому что знаю много прекрасных работников, которые вынуждены были покинуть то или иное предприятие не по причине низкого заработка, а потому, например, что ребенка в детский сад устроить невозможно, трудно получить квартиру, потому что плохо заботятся руководители предприятия об отдыхе и быте рабочих... Однако этого вопроса я директору не задал, потому что перед беседой побывал на комбинате и в ближайших его окрестностях. Я просто спросил:

Вопрос. Какова текучесть кадров на вашем комбинате?

Ответ. Семнадцать процентов.

Семнадцать процентов — это много. И объяснить эту цифру только социальными и психологическими факторами трудно. Почему? Вот несколько фактов.

На комбинате давно ликвидирована проблема детских садов. На каждую тысячу работающих — двести шестьдесят мест в детсадах.

Я побывал в роскошном комбинатском профилактории. Путевка на месяц стоит 16 рублей, 20 процентов путевок бесплатные.

В меню детских садов, профилактория, рабочих столовых в любое время года — свежие овощи. Тут есть свои теплицы, которые в этом году дадут 24 тонны помидоров и огурцов, а в будущем — 50 тонн.

Рабочим и служащим незачем после работы ходить по магазинам — на территории комбината столы заказов.

Есть здесь Дворец культуры, Дворец спорта, зимний плавательный бассейн. Живут металлурги в микрорайоне, поблизости от комбината.

И еще одна небольшая деталь, чисто психологическая. Передовики производства в дни рождения, даже если эти дни зимой, получают в подарок от комбината корзины цветов. Цветы выращиваются в своей оранжерее, изящные корзиночки плетут сами цветоводы.

Все это так, и все-таки семнадцать процентов текучести кадров. Много.

Вопрос. В чем вы видите радикальное средство для ликвидации текучести?

Ответ. Радикальное средство — технический прогресс. Даже не просто технический прогресс, а техническая революция. Если бы, предположим, сейчас не было текучести, то все равно рабочей силы в масштабе государства нам бы не хватало. Развитие народного хозяйства колоссальными темпами обгоняет прирост населения. Решить эту проблему может только коренная автоматизация и механизация всех отраслей народного хозяйства.

Да, трудно нынче любому директору. План надо выполнять, а людей не хватает.

План! Сколько директоров, наверное, даже во сне повторяют это слово. «Выполним — не выполним, от какого цеха, от какого участка ждать подвоха? Сколько мыслей, сколько переживаний, сомнений и надежд вложено в одно это слово — план. И в этой связи я решил задать, как мне казалось, несколько каверзный вопрос.

Вопрос. Вы хотели бы, чтобы вдруг сегодня вам уменьшили план, например, на четверть? Или увеличили на столько же?

Ответ. Ни того, ни другого я не хотел бы. План всегда должен быть напряженный, но реальный. Если завод или цех будет иметь легкий план, который можно выполнить без особого напряжения, это приведет к застою, и в первую очередь к застою технической мысли. При легком плане просто неинтересно работать, труд перестанет быть творческим, увлекательным.

Если же план нереальный, то это породит в коллективе настроение неуверенности, скептицизма, что, в свою очередь, неминуемо приведет к утрате уже завоеванных позиций.

Наша беседа подходила к концу. Все вопросы, которые я хотел задать, были заданы. Впрочем, нет, не все. Невыясненным осталось только одно: правда или вымысел — легенда о рабочей спецовке директора, которую он хранит как память о днях своей юности, о буднях первой пятилетки. Я задал все же этот свой последний вопрос и получил самый короткий ответ: «Вымысел».

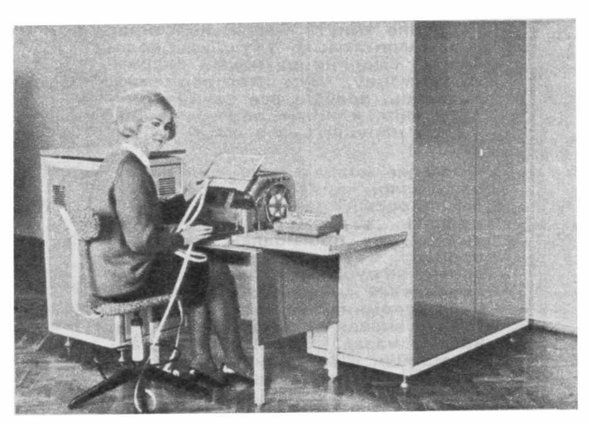
Потом Владимир Николаевич провел меня в соседнюю комнату. Там стоял большой шкаф. А в шкафу на плечиках висела рабочая спецовка. Никакого отношения к первой пятилетке она не имела. Это обычная рабочая одежда, в которой директор каждый день приходит в цеха. И всегда в кармане спецовки лежит красная записная книжка с массой пометок — результаты разговоров с рабочими. Гусаров никогда не предупреждает начальника цеха заранее, приходит неожиданно и никого из руководителей цеха не вызывает. Обо всем, что увидит и узнает директор непосредственно на рабочих местах, речь пойдет на оперативке.

Это еще одна черточка стиля работы директора Челябинского электрометаллургического комбината В. Н. Гусарова.

КРАСНОРЕЧИЕ ФАКТОВ

БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА

БЕЛОРУССИЯ

«Минск-1550» заменит труд многих программистов.

Миллионы операций в секунду — в таком темпе могут работать современные электронные вычислительные машины. Могут, но не всегда имеют возможность полностью проявить свои скоростные способности. Ведь машина «говорит» на языке перфокарт и перфолент, доступном только программистам и операторам. Переводят язык алгоритмов на понятный всем, передают результаты одной машины другим машинам многие десятки специалистов. Работа у них сложная, требующая постоянного напряжения, потому что незначительная ошибка в исходных данных может быть возведена электронным мозгом в энную степень и дать совершенно неправдоподобный результат.

Скоро вычислительные машины смогут «разговаривать» друг с другом без переводчиков. Программистов и операторов заменит электронное устройство «Минск-1550». Рассчитано устройство на одновременный прием и передачу информации сразу по четырем каналам. Установленные на крупных заводах и комбинатах, они передадут в главк или министерство исчерпывающую информацию о выполнении плана кооперированных поставок, коэффициенте загрузки технологического оборудования, ассортименте выпускаемой продукции и другие оперативные сведения. Аналогичные ЭВМ примут поступившую информацию, мгновенно обработают ее, быстро и безошибочно передадут нужные решения-команды на предприятия, зависящие в своей деятельности друг от друга.

В. ФРЕЙДИН

КРАСНОРЕЧИЕ ФАКТОВ

УЗБЕКИСТАН

ЗОЛОТОЕ ДНО ПУСТЫНИ

Зарафшан — сейчас в Узбекистане это слово у всех на устах. Зарафшан — флагман золотодобывающей промышленности республики, Зарафшан — горный комбинат, Зарафшан — поселок геологов, горняков, золотопромышленников, красивый город, выросший в пустыне.

Совсем недавно из Кызылкумов, из Зарафшана, пришел в столицу Узбекистана победный рапорт: строительство Мурунтауского горно-металлургического завода завершено. Создан карьер для открытой добычи золотоносной руды, поднялись корпуса мощного горно-металлургического завода. А давно ли, кажется, строители тянули сюда через пустыню железную дорогу, водовод, линию высоковольтной передачи. Темпы этой стройки в Кызылкумах поистине сказочны: горно-металлургический завод был сооружен всего за два года и два месяца!

Мурунтау не единственное месторождение золота в республике. Не единственное, но богатейшее. И потому рядом с первым заводом уже выбрано место для другого предприятия, которое тоже станет давать стране драгоценный металл.

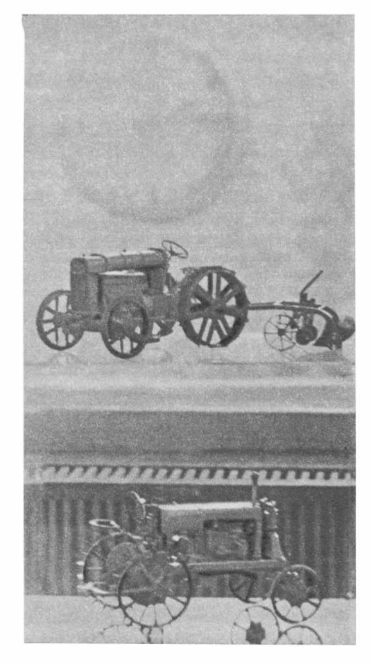
ЛЕНИНГРАД

ПРОПАВШИЙ «ФОРДЗОН»

Несколько лет работники музея ленинградского Кировского завода безуспешно пытаются найти хотя бы один трактор «фордзон-путиловский» первого выпуска. Время властно предъявило свои права, и, быть может, давно уже металл этого первого трактора влился переплавленной каплей в стальную мощь современных степных гигантов, выпускаемых ныне прославленным предприятием.

От маломощного девятнадцатисильного «фордзона» до двухсотдвадцатисильного универсального «К-700» — вот вехи советского тракторостроения, так сказать, в рамках одного завода. А для истории осталась лишь фотография испытания первого трактора «фордзон-путиловский» летом 1924 года и макет ветерана, которого наше быстроногое время за считанные десятилетия унесло в далекую историю.

В. ГЕРАСИЧЕВ

ЧЕРЕМХОВО

Ю. ЛУШИН

Фото Л. Шерстенникова.

ЗЕ

Далеко на горизонте показался караван верблюдов. Это было так неожиданно, что все невольно повернули головы в их сторону. А они все шли и шли нескончаемой чередою, и рыжие горбы их покачивались и все увеличивались, пока не заняли полнеба и не превратились в гигантские отвалы суглинистых пород. Там и тут высовывали из-за горбов длинные жирафьи шеи шагающие экскаваторы, и казались они странно маленькими в сравнении с вывороченными ими же буграми земли.

...Великан торопился. Мощно вытягивал свою стальную руку, выгрызая из чрева земли очередной 35-кубовый кусок, чтобы небрежно забросить его за добрую сотню метров. Великан явно похвалялся своей силой, и не зря, потому что сильнее его нет экскаватора не только у нас в стране, но и на всем нашем континенте. Работал он красиво. Гора рыжей глины слева увеличивалась на наших глазах, а прямо под гусеницами и перед ними и позади экскаватора открывались остатки допотопных лесов, растений, животных, словом, всей допотопной жизни — чистый, глянцево-черный пласт угля. Теперь эта допотопная жизнь оживит современные домны и теплоэлектростанции. Мы все смотрели и смотрели на великана, захваченные и изумленные ритмом его труда, пока начальник участка Юрий Погодаев не сказал, кивнув на кабину:

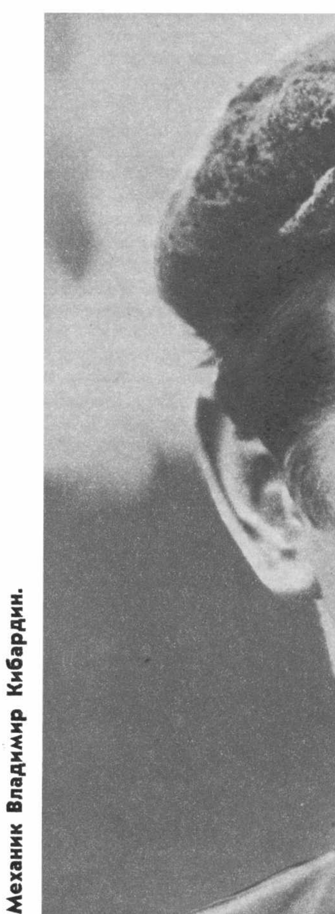
— Повезло вам. Сам сегодня в смене.

И это короткое «сам» как-то сразу затмило великана, потому что мы поняли: главный здесь — тот маленький человек, что едва виделся в кабине на пятнадцатиэтажной высоте. Это он не дает великану ни минуты передышки.

Иначе и быть не могло. Потому что другие люди — конструкторы и рабочие — создали первый и пока единственный опытный образец этой сильной машины, и люди же должны были узнать ее характер и способности.

...По счастью, внизу в тот предобеденный январский час никого не оказалось. Бульдозерист, зачистив и выровняв путь под гусеницами экскаватора, уехал с полчаса назад. Экипаж весь собрался в кабине. Здесь было тепло (кондиционеры работали исправно), радио передавало легкую музыку, и изредка горный диспетчер спрашивал по рации: «Алло, ЭВГ-35/65. Как у вас?» «Нормально»,— отвечал машинист Смолянинов, и кто-нибудь, кто был ближе к рации, повторял: «Нормально». Сегодня они решили наконец выполнить норму, и теперь время от времени один из них подходил к пульту управления и словно невзначай бросал быстрый взгляд на счетчик справа от машиниста. 110, 135, 170, 205... 205 ковшей! Такое зимой у них случалось редко. Теперь у всех появилась твердая уверенность: норму они дадут. И в этот момент что-то сильно и резко тряхнуло машину и шум разом стих. Напряженно смотрел вниз в смотровое окно побледневший Смолянинов. Там творилось что-то непонятное. На месте мощной стальной рукояти, удерживавшей ковш, не было ничего. На земле в спутанных тросах валялась бесформенная груда металла. Лебедки еще продолжали исправно тянуть тросы, но сейчас это могло только ухудшить положение. Смолянинов нажал аварийную кнопку. Шум моторов стих. Казалось, вообще все звуки покинули мир, и никто первым не решался нарушить эту мертвую тишину.

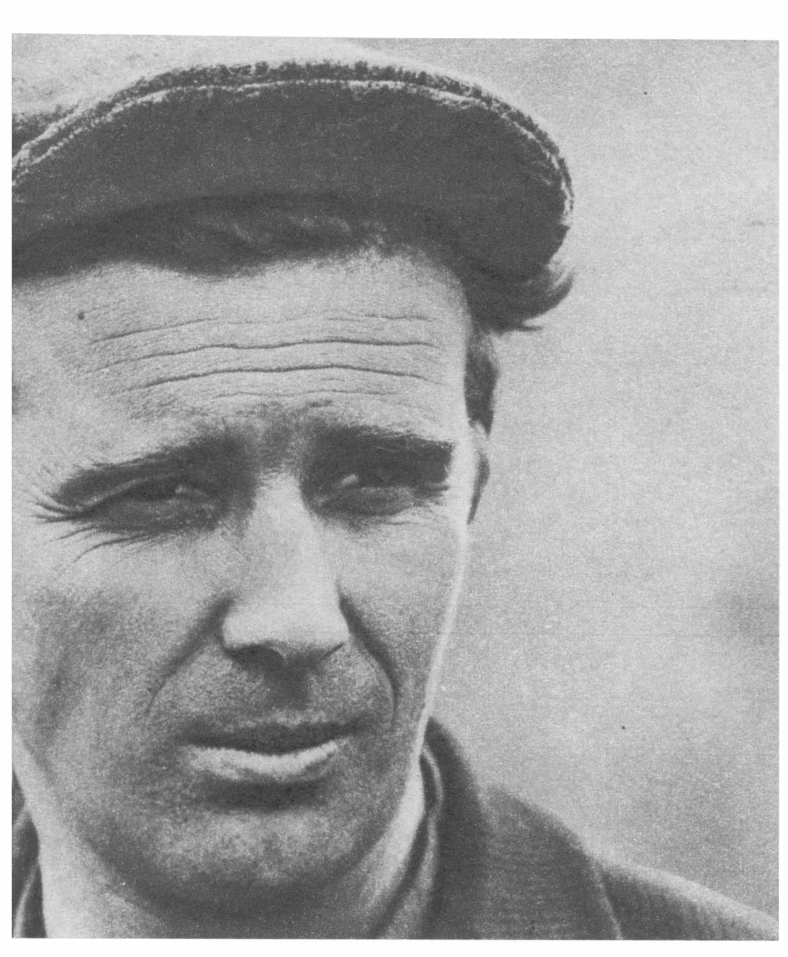
Так же молча стояли они внизу, на мерзлой глине, и каждого мучили вопросы: как, почему? Почему рукоять, в диаметре такая, что внутри, не прогибаясь, свободно пройдет человек, разлетелась, словно игрушечная, на куски? Кто виноват? И каждый из них придирчиво вспоминал теперь все, что делал на экскаваторе сегодня, вчера, неделю назад, всегда, и не мог найти ошибки. Смолянинова вдруг резанула мысль: теперь, наверное, снова кто-то подаст заявление об уходе с экскаватора. И возразить будет нечего. Ремонт. Заработок снова упадет. Сколько их уже уш-

Механик Владимир Кибардин.

МЫ ГАЕМ ПО МЛЕ

Вениамин Тебеньков — самый веселый человек экипажа.

Машинист Александр Сериков.

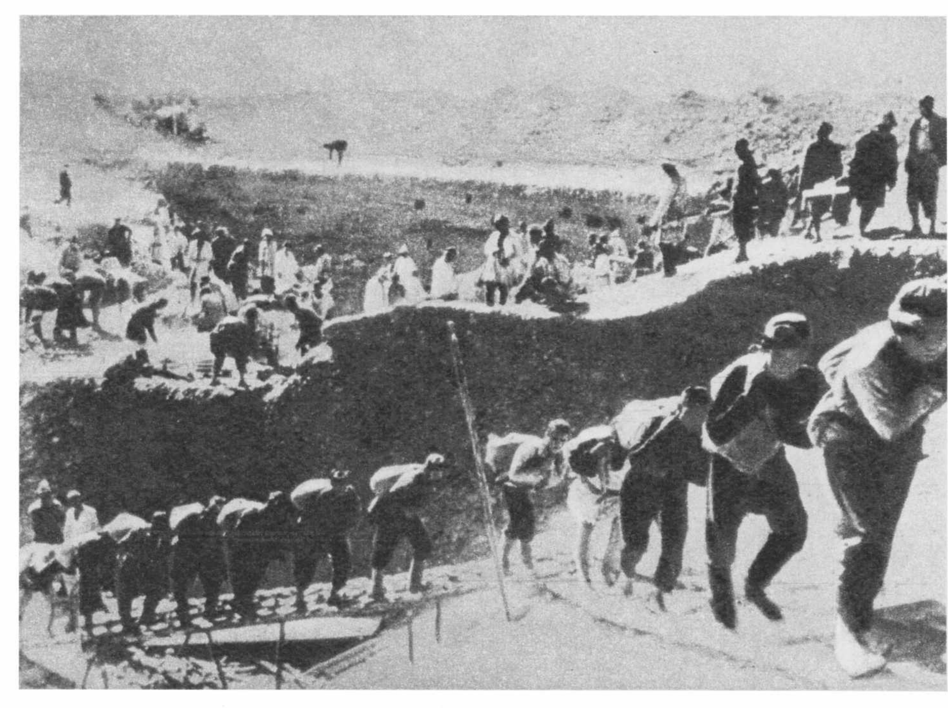
ло, из тех тридцати, кого готовили специально для этой машины? Фетисов остался, Сериков, Безмаев, Семенов... Еще некоторые. «Может, тоже плюнуть на все»,— слабо шевельнулась предательская мысль. Смолянинов ее не испугался. Он знал, что никуда не уйдет, потому что за 25 лет работы привык доводить начатое до конца, потому что ему нравилась эта машина, потому что он бригадир, потому что он коммунист. Он понимал, что поломки в новой машине неизбежны, потому что она первая и пока единственная в своем роде, но он с увлечением решал загадки, которые машина эта ему загадывала. Он, как испытатель нового самолета, не имел права оставить машину, не проверив ее в самых разных режимах.

Аварию ликвидировали быстро. Заново сварили рукоять, на швы для прочности наложили стальные косынки. Все повеселели, шутили:

— Сто лет держаться будет.

— Дольше. Еще сын Саши Серикова успеет поработать.

А у Саши тогда сына еще не было, была только дочка. Но то

Землекопы на строительстве Ферганского канала.

ли зима выдалась такая вредная, то ли все шло по поговорке: «Беда одна не ходит, с собой подругу водит»,— только дело на экскаваторе не ладилось. Всему виной была глина. Та самая глина, от которой они очищали угольный пласт. Она налипала рыжей чугунной массой на стенки ковша, смерзалась, и никакими силами отодрать ее было невозможно. В течение часа по нескольку раз приходилось выскакивать с древними ломами на подмогу великану.

В один из таких моментов Смолянинов плюнул в сердцах, погрозил в пространство кулаком и пошел в другой конец кабины, к электрической плите — жарить на обед традиционную колбасу. Жарил он ее необычно долго, истратил пачку маргарина и начал другую. Колбаса уже плавала в жире, а Василий Иванович, словно забывшись, бросал на сковороду новые и новые куски маргарина.

— Что, Василий Иванович, кашу маслом не испортишь? — подмигнул ему механик Николай Кизряков.

— Да, да,— невпопад ответил Смолянинов, а Кизряков вдруг тоже замолчал, осененный внезапной догадкой.

— Глина? — спросил он, указывая на ломтик маргарина, скользнувший на сковороду.

— Понимаешь,—обрадованно потряс ножом Смолянинов,— если подогреть ковш, то глина должна легко выскальзывать из него. Только как нагреть? И до какой температуры?

Со своей догадкой они пошли к инженерам. Те изумились, усмехнулись скептически, но расчеты показали, что даже минимальный нагрев стенок ковша сделает глину более послушной. Остальное было уже просто, было, как говорят, делом техники. На стенки установили нагревательные электроэлементы и тепловентилятор. И чудо совершилось — непокорная глина стала похожа на маргарин, слетающий с нагретого ножа. Новшество распространилось по всем карьерам страны, а приехавшие из Краматорска конструкторы экскаватора «рыдали от радости», как сказал нам позже один весельчак из смены машиниста Саши Серикова.

...И снова поворот башни справа налево, и снова десятки тонн породы улетают на гребень рыжего холма за сотню метров. Мы сидим в кабине, смотрим. В обзорном окне появляется сначала зеленое поле и березовая рощица, потом верблюжьи горбы отвалов, а за ними обширная выровненная площадь, на которой ничего не растет. И под зеленым полем и под березовой рощей, принадлежащими совхозу «Красный забойщик»,— уголь. Поле, вернее, верхний его плодородный слой сначала сдвинут в сторону, потом ЭВГ-35/65, на котором мы сейчас находимся, вскроет угольный пласт. Уголь выберут, сровняют верблюжьи горбы, а сверху опять расстелют поле — получай «Красный забойщик» свою землицу обратно, паши ее, сей хлеб.

Когда-то на этом месте находилась деревенька Сафроновка. Жители ее исправно ходили батрачить к местным кулакам или подавались на угольные копи, в шахтеры. «А коногона молодого несут с разбитой головой...» Это тех времен печаль. Но живет от тех же времен и память о том, как черемховские шахтеры и батраки отбили эшелон с золотым запасом страны, громили Колчака. Они мечтали о новой жизни и писали в своей газете «Красный углекоп», которая печаталась на толстой оберточной бумаге: «Мы начали свою борьбу за мир, хлеб и свободу. Мы должны ее кончить борьбой за пролетарскую культуру». Вот о чем они думали и в каждом номере приписывали: «Грамотный, прочти газету неграмотному!»

В 1920 году шахтеры написали письмо В. И. Ленину и отправили его со своим посланцем Ильиным. Там были такие слова: «Мы уверены в том, что под вашим руководством и руководством коммунистической партии через миллионы препятствий, через разруху, голод, болезни... пролетарии всего мира добьются своего полного и окончательного освобождения... Да здравствует мировая революция!»

Ильин добирался до Ленина целый месяц. И он довез письмо, получил ответное и еще через месяц добрался до Черемхова. Его ждали с нетерпением. Что написал Владимир Ильич?

«Дорогие товарищи! От всей души благодарю вас за приветствие ваше от 2 августа 1920 г., переданное мне тов. Иваном Яковлевичем Ильиным. Беседа с тов. Ильиным об энергичной работе на Сибирских копях и его сообщение о постепенном росте сознательной дисциплины трудящихся (которые трудятся отныне не на капиталистов, а на себя) доставили мне огромную радость.

Особенно дороги в вашем приветствии, товарищи, чувства глубочайшей уверенности в полной и окончательной победе Советской власти над помещиками, капиталистами и всяческими эксплуататорами, а также непреклонная твердость и решимость преодолеть все препятствия и трудности. Именно в этой твердости рабочей, трудящейся массы я, как и всякий коммунист, черпаю уверенность в неизбежной мировой победе рабочих и рабочего дела.

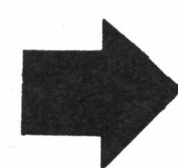
С коммунистическим приветом и пожеланиями быстрейшего успеха горячо преданный вам

В. Ульянов (Ленин)».

Нам показали это письмо, как показывают каждому, кто приезжает на Сафроновский разрез (оставила все-таки память о себе деревенька Сафроновка!). А приезжают многие. Из Венгрии, Монголии, Румынии, Чехословакии, Индии, ФРГ, из Америки... Удивляются, изумляются, учатся и... не верят. Господин из ФРГ так прямо и спросил: «Разве эту машину сделали в Советском Союзе?» Ему просто показали на табличку «Сделано в СССР». Он записывал в блокнот: вылет стрелы — 65 метров, емкость ковша — 35 кубометров, цикл экскавации — 70 секунд. Очень удивлялся.

Гость из Индии сказал, что, мол, чем больше советские товарищи сделают таких машин, тем быстрее империализму придет конец. И они будут этому очень, очень рады. Советские товарищи обещали таких машин делать больше.

1969

У этого богатыря та же профессия — землекоп, только сил во сто крат больше. Что там во сто крат! В тысячи!

ЛАТВИЯ

КРАСНОРЕЧИЕ ФАКТОВ

САМ СЕБЕ ТЕПЛОВОЗ

Первоклассные электро- и дизель-поезда, трамваи, сделанные на Рижском вагоностроительном заводе, можно встретить на многих дорогах и в городах страны. Начата работа по изготовлению первого опытного образца электропоезда «ЭР-200», который будет развивать скорость 200 километров в час.

Сейчас здесь завершена постройка первых двух отечественных автомотрис «АР-1» с дизелями Ярославского завода.

«АР-1» внешне очень напоминает вагон электропоезда, но отличается от него тем, что имеет в головной и хвостовой части самостоятельные пульты управления. По существу, это индивидуальный самоходный вагон — сам себе тепловоз, большая автомашина на рельсах.

Первая советская автомотриса сконструирована в специальном конструкторском бюро завода. Она предназначается для эксплуатации на участках железных дорог с небольшим объемом пассажирского движения. В ее вагоне удобные полумягкие диваны на 90 мест, принудительная вентиляция и люминесцентное освещение. Скорость автомотрисы — 100 километров в час. Ходовые испытания автомотрисы проходят на рижском железнодорожном узле.

З. ЗЛАТОПОЛЬСКИЙ,
сотрудник газеты
«Советская Латвия»

Машинист В. Соколов и его помощник Я. Слогс в кабине автомотрисы.

Фото К. Лесенко.

...Великан торопился. Мощно вытягивал свою стальную руку, выгрызал из чрева земли очередной 35-кубовой кусок, чтобы небрежно забросить его за добрую сотню метров. Великан похвалялся своей силой, и не зря, потому что сильнее его нет экскаватора не только здесь, в Черемховском угольном бассейне, не только у нас в стране, но и на всем нашем континенте.

Фото Л. Шерстенникова.

Как символ бессмертия героев эпохи индустриализации — этот памятник на легендарной Магнитке.
Фото Л. Бородулина.

Через частокол труб медеплавильного гиганта смотрит казахское солнце в Балхаш.
Фото А. Гордеева.

«Запорожсталь» — мекка металлургов. Приехали сюда учиться и эти парни из Вьетнама.
Фото Н. Козловского.

УКРАИНА

ЗАДУНАЙЦЫ В ЗАПОРОЖЬЕ

А. СТАСЬ, собкор «Огонька»
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

С ПУТЕВКАМИ ООН

Жаркий вишнево-огненный слиток послушно скользит почти двадцатитонным телом по валкам. С каждым прогоном глыба удлиняется, становится тоньше, изящней, приобретает новые очертания. На то и существует прокатный стан, чтобы из неуклюжего слитка-громадины вытянуть упругую звонкую ленту.

— ...Первый советский слябинг. Изготовлен на Ново-Краматорском заводе. Один из самых высокопроизводительных обжимных станов в стране. Действует с 1937 года. Через десять лет после ввода стана в эксплуатацию его мощность была увеличена в два раза. Но наша развивавшаяся промышленность требовала все больше листового проката. Слябинг реконструировали. При этом выдвигались такие задачи: обеспечить прокат слитков весом до 18 тонн, ускорить процесс нагрева слитков...

Занятие ведет начальник стана Вадим Клипиницер. Слушатели жадно ловят его слова. Что-то записывают. Задают вопросы. Дотошно переспрашивают, добиваясь точных ответов переводчицы. Слушатели — иностранцы. Позже мы со многими познакомились. Помогал нам пробиваться сквозь языковые дебри югослав Никола Ковачевич, так сказать, задунаец в Запорожье.

Плотный грузный мужчина в алюминиевой каске с эмблемой университетского клуба, Эктор Кинтана, отец пятерых детей, приехал к нам из Чили. Земляк Николы Ковачевича — Владимир Мрдак — черногорец, с завода «Борис Кидрич». Мохxамед Атаси — сириец. Джейн Праван Кумар и Парашар Виджай Сингх прибыли из Индии, с Бхилайского металлургического. Родина Ахмеда Абд Рабау — ОАР, Старачинда Манас — таиландец, а чернявый парень, предупредивший нас, что Гуэррон Салазар Фаусто Альберто — лишь первая половина его имени, эквадорец.

На «Запорожстали» они не экскурсанты. Каждый из них уже дипломированный инженер, а один — Давид Фуллер — даже профессор, но здесь все они ученики, точнее, слушатели курсов Организации Объединенных Наций. Директор курсов Василий Петрович Золотых сообщил нам, что международную школу технического опыта, созданную на заводе «Запорожсталь», прошли уже 144 специалиста из 26 государств. В город на Днепре за наукой приезжали металлурги со всех континентов.

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Есть на заводе мемориальная доска. На ней написано, что с 1927 по 1937-й предприятие ежегодно посещал нарком Серго Орджоникидзе. Горячее было время. По заветам Ленина советский народ строил тяжелую индустрию. Делегаты XVI съезда партии записали в резолюции: «Форсирование, постройка магнитогорского, кузнецкого и запорожского заводов... — является задачей первостепенной важности».

Начинался нынешний завод-гигант с лаптей, с кирки, с тачки. И с великой верности ленинским заветам, с небывалого в истории трудового порыва. Мы видели старую фотографию. Чистое поле на берегу Днепра, импровизированная трибуна, знамена и тысячи людей. Не знаю, смогли бы теперь найти себя на этом фото Александр Яковлевич Капшеев, Павел Лукьянович Авдеев и другие ветераны. В ту пору, теперь такую далекую, они, молодые и напористые, отправлялись в неведомую чужую Америку, чтобы вырвать технические знания. Им не платили стипендий ООН, жили они за кордоном на грош, которые могло выделить им тогда совсем не богатое рабоче-крестьянское казначейство. Думали ли они, что настанет такое время, когда к ним, на их родной завод, будут ехать люди со всех концов земли для того, чтобы изучать передовые методы труда и производства? Если откровенно,— нет, не думали. Мечтали, как бы побыстрее дать металл своей стране, чтобы не ломать ни перед кем шапку, ни от кого не зависеть.

Сейчас Запорожье принимает гостей не только с путевками Организации промышленного развития при ООН (ЮНИДО). В мартеновском цехе мы видели, как Николай Савельевич Герценок, заслуженный металлург Украины, у клокочущей огненной печи отрабатывал с молодыми вьетнамцами какие-то свои приемы сталеварного мастерства. Черноокие смуглые ребята влюбленным взглядом следили за каждым движением учителя.

— Мальчишки еще, а кое-кто из них уже успел в боях побывать, у многих отцы погибли, братья... Вон Нгуен Ван Ном, у него отец убит на фронте. Хорошие хлопцы, трудолюбивые. Вижу, настоящая рабочая хватка у них. Потому и стараюсь побольше им передать,— говорит Николай Савельевич.

У Героя Социалистического Труда Михаила Трофимовича Кинебаса тоже немало друзей во всем мире. Многих научил он своему ремеслу, которому отдал четверть века, выплавив за эти годы больше миллиона тонн стали.

Мы заглянули в технический кабинет завода. Там еще одна группа иностранцев знакомилась с устройством доменной печи по макету, изготовленному с изумительной точностью. Вел занятие Иван Васильевич Веретенник, инженер. Тут мы взяли интервью у молодого человека по имени Клемент Раджиндра Ратнапули.

— Из какой страны вы прибыли к нам?
— Я из Цейлона. Город Коломбо.
— Что привело вас на «Запорожсталь»?
— Как помощник инженера сталеплавильного цеха, хочу взять для себя кое-что новое в этой отрасли.
— Ваши надежды оправдались?
— Безусловно.
— Вы женаты?
— Да. Моя жена работает стенографисткой. У меня есть родите-

КРАСНОРЕЧИЕ ФАКТОВ

ВСЕ ВИДИТ, ВСЕ ЗНАЕТ

УКРАИНА

Десять лет — это уже настоящий юбилей. Недавно такой юбилей отмечали сумские приборостроители: минуло десять лет с тех пор, как на заводе изготовили первый электронный прибор для изотопного анализа веществ. По тому времени событие из ряда вон: сумский прибор, заменивший целую химическую лабораторию, положил начало новой отрасли приборостроения.

Понятно, что после столь значительного достижения заводской коллектив на лаврах не почил. Каждый год приносил приборостроителям немало побед. И ныне изделия этого предприятия известны не только в нашей стране, но и за рубежом. А вершиной инженерных поисков, разумеется, на сегодняшний день, на заводе считают создание микроанализатора: он может не только увидеть мельчайшую крупинку вещества, но и сообщить ее биохимический состав.

НОВОСЕЛ № 601

МОСКВА

Новосел весит около двадцати тонн. На завод его доставил мощный тралер — «МАЗ» с прицепом, а в цех он въехал уже на платформе. Правда, при этом никто не откупоривал бутылку шампанского и не выпускал традиционного кота с бантом на шее, но зато в паспорте у вновь прибывшего появилась прописка: «Первый государственный подшипниковый завод, автоматический цех № 3».

После переезда с завода «Станколиния» шлифовальный станок № 601 осваивается на новом месте.

С виду новосел прост: большой серый металлический ящик с кнопками управления и рычагами. Но старший наладчик Андрей Лобачев рассказал мне о его «скрытых» достоинствах: высокой производительности, точности. Его задача—шлифовать наружные поверхности колец подшипников. Станок включат в автоматическую линию одного из крупнейших цехов-автоматов в Москве.

1-й ГПЗ, где будет работать станок, считается экспериментальной базой всех шарикоподшипниковых заводов страны. И если новичок оправдает доверие, «братья» его начнут справлять свои новоселья в разных городах.

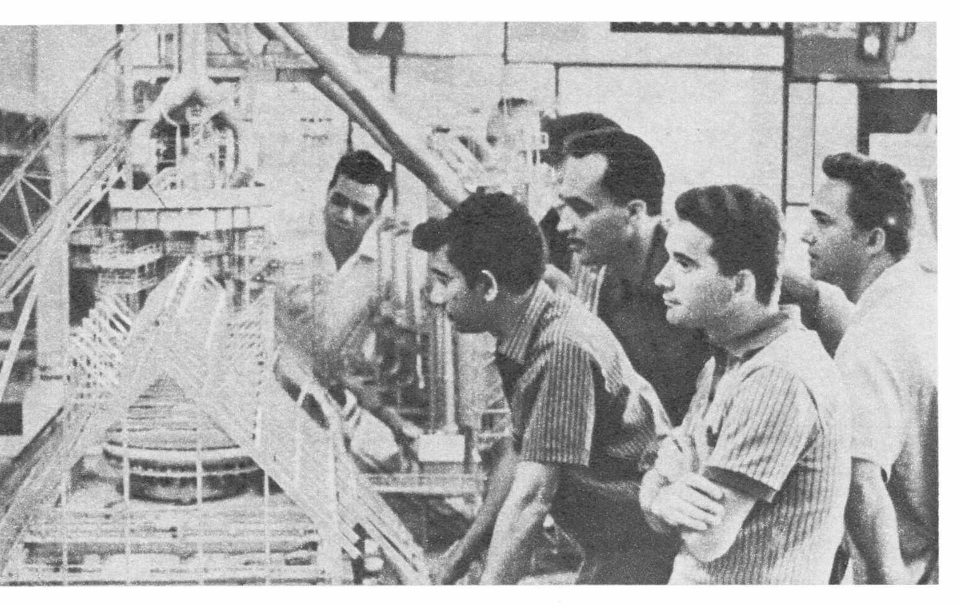
С. БОРИСОВ

Две фотографии... Деревенская девушка в лаптях пришла к слесарному верстаку. Так мы постигали азы рабочего ремесла. Фотография, помещенная справа, сделана в цехе «Запорожстали». Инженеры из разных уголков планеты приехали к нам, чтобы постичь высшую математику металлургии.

Две фотографии... Целая эпоха разделяет их. Эпоха, спрессованная в несколько десятилетий.

Такую домну изучать легче.

ли. Но я не уверен, что сведения о них вам понравятся,— засмеялся Ратнапули.— Мой отец — капиталист. А я инженер. У каждого свой путь. Мне кажется, мой путь ближе к целям моего народа.

Вечером мы еще раз навестили «мистера» директора курсов. Василий Петрович уточнял график лекций и практических занятий. В графике мы прочитали: профессор В. И. Баптизманский, профессор С. Л. Левин, доцент В. И. Ранковский — в международной школе преподают ученые-металлурги запорожских и днепропетровских вузов, заводские специалисты. Один из них, Вячеслав Георгиевич Ледков, инженер-прокатчик, автор нескольких книг по металлургии, своими лекциями вызывает восхищение всех слушателей курсов.

«Я ПОЛУЧИЛ ВСЕ, ЧТО ХОТЕЛ...»

В конце учебы иностранцы представляют в ООН свои отчеты. В дирекции курсов нам предложили ознакомиться с этими интересными документами. Я привожу выдержки из них дословно.

Дербал Хосни, Тунис: «Как нам заявил директор завода «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе, секретов на заводе нет. Нам разрешали посещать любые места, цехи в любое время. Нас не ограничивали во времени пребывания на заводе, отвечали на все наши вопросы. Лекции читались с большими подробностями по каждой теме, а также освещались вопросы опыта не только базового предприятия, но и всех новшеств ведущих предприятий Советского Союза. Мы посетили город Кривой Рог, Ново-Липецкий металлургический завод, Днепрогэс, запорожский трансформаторный завод, побывали в Киеве, в Ялте.

В результате учебы я хочу рекомендовать моему правительству следующее...» (Дальше шел длинный перечень экономических и технических проблем, которые решены на советских предприятиях и, как полагает автор отчета, имеют огромное значение для промышленного развития его страны.)

А. Наими-Ядзи, Иран: «Я понял, что в СССР главное — это то, сколько и в каком качестве ты выполняешь свою работу, а не общественное положение того или другого человека. Поэтому нет большого разрыва между доходами трудящихся, таким образом, нет общественного, социального кризиса».

Разафиндаркуту Луи Юстин, Мадагаскар: «В 1967 году я окончил горно-металлургический институт во Франции. Работаю в министерстве индустрии... Разработал проект небольшого опытного металлургического завода с низкой доменной печью и вагранкой для литья. После курсов у меня достаточно знаний по доменному производству. Я могу проверить свой проект и готов руководить опытным заводом. Я также теперь могу принять участие в планировании черной металлургии в республике».

Хани А. Дукхан, Иордания: «Польза, которую я получил на курсах, огромна... Я получил все, что хотел».

Гиллермо Торез Орнас, Боливия: «Я — доцент университета св. Андрея в Ла Пасе. В Боливии готовится проект металлургического завода на базе использования железной руды в районе Мутун. Что я получил тут? Я получил очень полные теоретические знания в сочетании с практическими навыками по аглодоменному производству».

Махмуд Генаи, Иран: «Восхищаюсь феноменальным ростом производства стали в СССР. Все время я проводил в сталеплавильном цехе. Программа была очень интересной».

...Грохочет раскаленная глыба, сыплется окалина, алые отблески озаряют лица людей. У каждого в руках блокнот. Идет очередное занятие.

Юрий КОРТНЕВ

Устремленность

В «Огоньке» Юрий Кортнев со стихами выступает впервые. Поэтические строки сами говорят о трудовой биографии автора. Он слесарь московского завода «Динамо».

НАША ТРАДИЦИЯ

Приветствую смену первую
и тех, кто в нее попал!
В их назначение верую:
действовать, как запал.

Их устремленность чувствую:
вместе вступая в цех,
первым движением мускулов
обосновать успех.

И в сменах «вторых» есть люди.
И не чужда им честь.
У них, верю, тоже будет
то, что у первых есть.

Я их космонавтами вижу
за стартовый их порыв.
Как ни крути,
мне ближе
люди ранней поры.

Ясно,
все это личное.
Многие трудятся так.
Нынче у нас в обычае —
жить впереди на шаг.

Чтобы страной гордиться,
мы сообща несем
эту нашу традицию,
Ленинскую традицию —
первыми быть во всем!

СВЕРСТНИКУ

Скажи мне, сверстник,
всеми почитаемый,
приятель общий,
всем на свете друг,
откуда взял ты это слово тайное,
чтоб в наше время не запачкать
рук?

Тебя не зря
лелеют все и пестуют.
Со всеми ты
любезный и простой.
Где научился, будто бы с
невестою,
ты обращаться с жизнью?
Но постой!..
Прочь отлетают,
как страницы белые,
секунды жизни.
Им возврата нет.
А смерть придет,—
с ней ничего не сделаешь!..
Скажи,
зачем ты приходил на свет?

ПАМЯТЬ

Были сполохи пламенных лет.
Был крестами уставленный след...
Но меня полюбила Война
и меня сохранила она.

Не дала мне Война утонуть.
Не пустила сгореть в облаках.
Я за то ненавижу Войну,
что мужал у нее на руках.

Убивалась Война обо мне.
Берегла мои кости и кровь.
Я солдат!
И за это вдвойне
проклинаю такую любовь!

Я с Войной рассчитался сполна.
Втрое больше осталось за ней.
Раз меня пощадила Война,
я не смею забыть о Войне!

ИЗМАЙЛОВО

Какое множество дорог
и троп нехоженных в Измайлове!
Ты бродишь вдоль и поперек,
по-настоящему измаявшись.

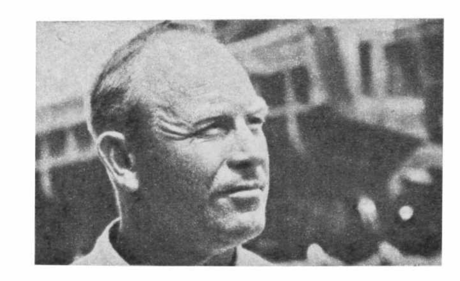
Ты удивляешься красе,
недостижимой на Арбате,
и, находя следы лосей,
дрожишь в охотничьем азарте.

И, поднимаясь до небес,
в зеленоруком хороводе
неповторимый русский лес
тебя влечет,
пленяет,
водит.

На парусах его ветров
торишь одну свою дорогу...
Чу! Меж кустов вагон метро,
ворча, торопится в берлогу.

— Как будто семейный портрет получился: мальчишки у памятника поколению их отцов.

Е. Антошкин: ...иногда вдруг словно остановишься посреди пути, оглянешься назад — и многое, самое привычное и будничное, удивляет. Посмотрите, какой он, Рудный сегодняшнего дня, того мгновения, которое остановил объектив фотоаппарата.

В ЭНЦИКЛОПЕДИИ НЕ ЗНАЧИТСЯ

Е. АНТОШКИН,
машинист экскаватора
Соколовского рудника,
депутат Верховного Совета
Казахской ССР

Фото М. САВИНА.

По-всякому складывается у людей судьба. Много на своем веку встречал я и неудачников и тех, которые, что называется, нашли свое место в жизни. Обычно говорят: кому-то повезло, а кому-то нет. А ведь и правда: сколько человека подстерегает случайностей на жизненном пути? Тысячи! И обстоятельства порой бывают сильнее самого сильного человека.

Только возникает вопрос: всегда ли нужно сетовать на то, что обстоятельства складываются не так, как тебе хотелось? Если человек не отделяет себя от всего громадного и сложного мира, который окружает его, а живет в этом мире и не избегает тех испытаний, что выпадают на долю его страны, то, коли разобраться глубже, обстоятельства сами собой направляют его на правильный жизненный путь — заставляют делать то, что нужно всем — стране, народу да и ему самому. И складываются у людей судьбы так, как даже самый гениальный фантаст не придумает.

Живу я в городе Рудном. В Большой Советской Энциклопедии последнего издания наш город не значится, потому что, когда выходила энциклопедия, его еще не было. Вот каким ураганом несется время! Город вырос, сто тысяч населения у нас, а в паспортах некоторых ветеранов сохранились штампы прописки в палатке номер такой-то.

Откуда, скажете, такие темпы? Представьте, стечение обстоятельств. И переплелись в этих обстоятельствах тысячи людских судеб. Вернее, обстоятельства сделали судьбы такими, какими нужны они были народу, государству.

Получилось так. Сразу после войны очень неприятное положение сложилось на Магнитогорском металлургическом комбинате. Гора Магнитная, которая питала комбинат рудой, иссякла. Попросту говоря, съел комбинат гору. Черпали руду у подножия бывшей Магнитной в небольшом карьере, который не мог насытить предприятие с таким богатырским аппетитом. И вот стала на повестку дня в государстве проблема: как и чем накормить Магнитку?

Никто из моих теперешних друзей и знакомых и не представлял того, что жизнь наша сделает крутой поворот в соответствии с этими печальными магнитогорскими обстоятельствами. Николай Фаддеевич Сандригайло еще не знал, что ему суждено стать директором всемирно известного Соколовско-Сарбайского комбината. Летчик Михаил Григорьевич Сургутанов не помышлял о том, чтобы сделать выдающееся геологическое открытие и получить за него Ленинскую премию. Мой друг Толя Шпак служил в армии, был в госпитале санитаром и, разумеется, не предполагал, что когда-нибудь станет Героем Социалистического Труда. А прошло с той поры всего двадцать лет.

Зимой 1949 года летчик М. Г. Сургутанов получил срочное задание вылететь в Кустанай. Погода стояла отвратительная: облака нависли над самой землей — и пришлось вести самолет почти на бреющем полете. И вот тут-то летчик заметил, что стрелка магнитного компаса словно с ума сошла. На обратном пути Сургутанов опять летел на бреющем, и опять с компасом творилось что-то непонятное. Тот день предопределил судьбу Магнитогорского комбината, и судьбы тысяч и тысяч людей, и судьбу города, который еще не родился.

У каждого поколения — свои герои и свои подвиги. У каждого поколения — свои места исторических битв. Для строителей первых пятилеток таким местом была Магнитка, для солдат минувшей войны — Сталинград. Эти легендарные точки на карте страны обладают большой притягательной силой, манят к себе самых разных людей.

Так получилось, что профессию экскаваторщика мне довелось осваивать на курсах в Сталинграде, а через несколько лет потянуло на работу в Магнитогорск. Приехал я на Магнитку и только тогда узнал, в какое отчаянное положение попал знаменитый комбинат. В работе мне отказали: не нужны стали тут экскаваторщики. Обидно стало за себя: кому охота уезжать ни с чем? А еще больнее за Магнитку: неужели померкнет слава гиганта первых пятилеток? А тут кто-то мне сказал: а ты поезжай под Кустанай, там большое рудное месторождение нашли, работы много. Отправился я туда, прямо скажем, не в блестящем настроении. Много страшного рассказывали тогда про эти места, представлялись они мне громадной пустыней, где хозяева — только метели и лютые морозы. И уж никак я не думал, что еду продолжать дело строителей Магнитки.

Трудно начинал жизнь наш Рудный. Климат тут действительно не самый лучший на земле. И почва в том месте, где теперь карьеры, таила много разных каверз. Встретится иной раз участок, богатый подземными водами, и провалится, утонет экскаватор — чуть ли не месяц его вытаскивают. С жильем на первых порах было туго. Зато энтузиазма и оптимизма хватало. Короче говоря, начинался Рудный, наверное, так же, как и Магнитка. Только посильнее мы были, чем строители первых пятилеток: техники у нас было много, причем неплохой техники.

Не все, кто приезжал тогда в Рудный, остались здесь. Многие уехали, не проработав и месяца. Уехали, ссылаясь на семейные и иные обстоятельства, кляня судьбу и называя себя неудачниками. И остался, должно быть, в их памяти Рудный неуютным городом в голой степи, городом, открытым всем ветрам и невзгодам.

Так уж устроен человек, что за будничными заботами не очень-то задумывается над значением дела, которому служит. Захлестывают сиюминутные трудности. За одной проблемой другая, и идешь ты через годы от одной конкретной задачи к другой. Но иногда вдруг словно остановишься посреди пути, оглянешься назад — и многое, самое привычное и будничное, удивляет. Помню, когда построили первую школу, казалось, что расположили ее слишком далеко от основного поселка, шагать к ней приходилось через громадный пустырь и очень долго. Теперь идешь и времени не замечаешь, потому что пустыря того нет и в помине, на твоем пути красивые улицы с рядами деревьев. Карьеры — Соколовский и Сарбайский — похожи ныне не на мелкие блюдца, а на громадные чаши с ровными ступеньками террас. Обогатительные фабрики работают вовсю. Впервые в Советском Союзе освоили мы производство окатышей — самой лучшей и высококалорийной пищи для домен. У Магнитки сейчас отличный рацион.

У каждого поколения свои задачи. Нет у нас разрыва, пропасти между поколениями, потому что нет разрыва между делами отцов и детей. И город-подросток Рудный приходит на выручку к прославленной Магнитке. И так же как Магнитка воспитала в свое время патриотов Южного Урала, так и Рудный воспитал патриотов Северного Казахстана, таких, как экскаваторщик Леонид Петров, или грейдерист Дусембай Уразов, приехавший сюда пятнадцать лет назад, или начальник участка Иван Устинов, который привел к месту будущего города тракторный поезд с первым оборудованием для стройки. И, наверное, каждый из них иногда вот так остановится и в мыслях оглянется назад. И с удивлением посмотрит на свой город: как же, однако, все изменилось вокруг! И как быстро! Прямо на глазах! Всякий, кто умеет так удивляться, никогда не посчитает себя неудачником. Но и хвалиться ни перед кем не станет, будет доказывать, что нет особых заслуг его в том, что носит он на груди звезду Героя или лауреатский значок. И объяснит очень просто: так сложились обстоятельства. Правильное объяснение. Только надо добавить, что не испугался человек этих обстоятельств, подчинил свою жизнь им ради общего дела.

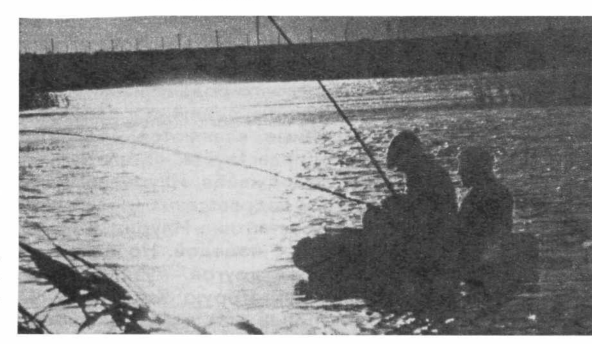

— А это новоселы. Приехали к нам на практику с Северного Кавказа.

— Это наш дом отдыха. Скоро его откроют.

— Такую рыбалку, как у нас, поискать!..

ЧЕЛОВЕК У ОГНЯ

Константин Илуридзе.
Фото Г. Хамашуридзе

Ия МЕСХИ

Сначала Катя просто приходила в цех, садилась на железную ржавую плиту у входа и молча наблюдала, как работает молот. После мебельной фабрики, где пахло свежей стружкой и лаком, где она занималась тихим и красивым делом — полировкой деревянных поверхностей, надо было привыкать к этим закоптелым стенам, к жару печей и гулким ударам, от которых сотрясается черный земляной пол.

Катя сидела и посматривала на кузнеца. Знала она его давно по рассказам брата. Брат Кати когда-то тоже работал на этом молоте машинистом, говорил, что дядя Костя — добрый, общительный, веселый человек. Но здесь он показался ей сначала не совсем таким. Появлялся он в цехе очень рано, быстро надевал свою брезентовую робу, набрасывал длинный жесткий фартук. Глаза его, черные, как уголь, уходили куда-то вглубь, брови нависали бахромой. И весь — как пружина. И никаких лишних слов.

Зловеще шипит в трубах пар. В печи бешено ревет огонь. Дядя Костя лезет туда длинным крюком, подтаскивает раскаленный кусок металла, хватает его подвешенными на раме клещами, переносит на наковальню и ставит напопа́.

— Бей!..

Нет, он кричит не «Бей!», а «Бэй!». Дядя Костя — грузин. А Катя? Катя тоже родилась в Грузии, в кахетинском селе. И владеет грузинским языком, хотя по национальности русская. И тоже говорит «э» вместо «е».

Итак, дядя Костя кричит свое «Бэй!», и дальше начинается такое, отчего на дверях дяди Костиной кладовой для штампов кто-то крупно вывел имя циркового мастера КИО. Это значит, что он фокусник, волшебник, маг. Разумеется, в своем, кузнечном деле. Другой бы ничего не понял, рассвирепел, стер бы. А дядя Костя нет, посматривает и улыбается. Это ведь тоже своего рода признание!

Стоит пройти с ним по заводу и увидеть, как встречные кланяются ему: «Привет, мастер!», «Здравствуйте, Константин Михайлович!», «Гамарджвеба, Илуридзе!», «Гамарджвеба» — это и «здравствуй» и «с победой». Говорят, что Константина Илуридзе всегда следует поздравлять с победой. Но одно дело — говорят, и совсем другое — узнать это самой.

Работница, которую Катя должна была заменить в перерывах между ковками, подзывала ее к себе и показывала, как надо регулировать пар, браться за рукоятки управления, реагировать на команды кузнеца. Постепенно Катя постигала новую свою профессию — машиниста парового молота. И наконец одна села по левую сторону от наковальни, в кабину, защищающую от искр, взяла в руки рукоять. Тяжелая стальная баба легко взвилась вверх и вдруг со всего размаха по наковальне — бух!

Удар прозвучал, как пушечный салют. Оглушил. Машина вздрогнула. Погнулись, выскочили болты. Прибежали из соседних отделений: как это случилось? Катя подумала: «Все! Дядя Костя сделает из меня блин...» С озабоченным видом он осматривал покалеченную машину. Потом подошел к Кате, похлопал рукавицей по плечу:

— Ну, теперь давай будем вместе чинить...

Вот когда она узнала хорошо машину. Узнала и дядю Костю. Он не сердился на нее, он понимал, что такое новичок.

Когда он пришел на завод, ему было двадцать лет. Его долго мытарили, или, как он сам говорит, «брали с него пробу». А он-то уж знал, что такое чакучи (молоток). У однофамильца своего Кита Илуридзе в сельской кузне ходил в учениках с четырнадцати лет. Потом открыл нечто вроде филиала в этом же селе и сам ковал деревенскую утварь. Зажил, как бог!

Но село Меджврисхеви было недалеко от городка Гори, а городок Гори — недалеко от Тбилиси. А из Тбилиси то и дело доносились всякие будоражащие новости. Начали строить Земоавчальскую гидроэлектростанцию. Рабочие Главных железнодорожных мастерских вышли в Земо-Авчалы на воскресник. Рабочие мастерских отремонтировали и послали в подарок Ленину паровоз... В 1928 году мастерские стали паровозовагоноремонтным заводом — ПВРЗ. В селе появились люди с этого завода, приехали крестьянам помогать. Константин тоже захотел стать заводским рабочим, даже записался в очередь на бирже труда. Ждал-ждал, потом закрыл кузню и поехал сам устраиваться на ПВРЗ.

Это было в 1930 году. Тогда Кати и на свете не было. А Костя Илуридзе ходил по этому самому цеху с черным чубом, свисающим на лоб, играл мускулами и прислушивался к старым, потомственным кузнецам.

Известно, старики любят поговорить. Ему рассказали, что на этом заводе в 1891—1892 годах в конторе малярного цеха работал Максим Горький. Жил у заводского механика Федора Афанасьева на Красногорской улице, где они создали свою коммуну. Костя не очень-то знал в ту пору Горького, однако ему понравилось, что такой писатель именно здесь стал писать и напечатал в тифлисской газете свой первый рассказ.

В механическом цехе он увидел токарный станок, у которого когда-то трудился Михаил Иванович Калинин, сосланный за революционную деятельность из Петербурга сюда. И, оказывается, он, Калинин, вместе с Алешей Джапаридзе, которого позже расстреляли интервенты в прикаспийской степи, поднимал здесь рабочих на знаменитую августовскую забастовку 1900 года, длившуюся пятнадцать дней.

Здесь, на ПВРЗ, еще работали люди, которые помнили первые заводские марксистские кружки и молодого Иосифа Сталина, учившегося у них и учившего их. Помнили первые забастовки, демонстрации, стачки, 1905 год с его смертными боями на улицах. И как их товарищ Миха Бочоридзе хитро построил тайную большевистскую типографию на Авлабаре. И как литейщик Арсен Джордиашвили бросил бомбу в ненавистного генерала Грязнова. И как зверски зарубили полицейские девятерых рабочих, а друзья хоронили их на горе, в Худадовском лесу. Выстроившись в ряд, вдоль горбатой улицы, они передавали снизу вверх кирпичи для братской могилы — кирпич за кирпичом, через много сотен теплых братских рук...

Но это тогда. А что же сейчас? Как повести себя, чтоб быть достойным памяти тех людей? Наверно, выжать из заводского чакучи все, что он может дать? Жать, потому что со всех дорог приходят сюда расхлестанные паровозы, старые, дырявые вагоны, и надо их чинить, латать, возвращать в строй. И скорей, скорей! Страна растет!

Вот объявился на Горьковском автомобильном кузнец Александр Бусыгин, отковал за смену невиданное доселе количество коленчатых валов. Давид Чичинадзе, старший товарищ по цеху, установил на поковке паровозных дышел всесоюзный рекорд. Как они это сделали? Мускулы очень нужны кузнецу, но умная голова — не меньше. Думай, Костя Илуридзе, соображай! И Костя учится технике, становится ударником сталинского призыва, завоевывает в свои двадцать семь лет звание Почетного железнодорожника. Значит, соображает?

Незадолго до начала войны вызвал его к себе Михаил Иванович Калинин, собственноручно прикрепил орден Ленина на грудь. Они пожали друг другу руки. Всесоюзный староста приезжал на завод уже в советское время, нашел свой станок в цехе, возле стены. Станок остался как реликвия навечно среди друзей. Стоит и сейчас.

Станок для рабочего человека не меньше, чем член семьи, чем самый добрый товарищ. Константину Илуридзе тоже выдали новенький, с иголочки паровой молот. С ним вместе получил он свой первый орден Ленина. На нем продолжает работать по сей день.

Когда этот молот установили здесь, Катя делала лишь первые свои шаги по кахетинскому селу Ульяновка. Ее отец, Василий Кудинов, бригадир тракторной бригады, коммунист, с первого же дня войны ушел на фронт. Ушел на фронт молотобоец этого молота Иосиф Илуридзе, Костин брат. Оба они, Василий и Иосиф, не вернулись с войны. А кузнец со своим молотом так старались, так работали на них!

Паровозовагоноремонтный завод делал во время войны батальонные минометы, автоматы, мины, снаряды. Константину Илуридзе был поручен особый заказ — одна из ответственных деталей знаменитой «катюши». Если они, эти «катюши», не сберегли Костиного

брата и Катиного отца, то, наверно, спасли многих других братьев и отцов.

А кузнец и после войны хотел работать все лучше и лучше, не терять ни минуты зря, где можно — сэкономить топливо, сократить поковочный цикл. Он уже добился такого, чему трудно было сразу поверить: вместо пяти буксовых струнок в смену отковывал тридцать, вместо десяти — пятнадцати паровозных крюков — пятьдесят!

Но ведь чудес не бывает. Просто он смекнул изготовить приспособления и так удобно расположил их возле себя, что заготовка обрабатывалась за один нагрев вместо нескольких, как прежде. Короче, он ковал железо, пока оно было горячо. И призывал к этому других: «Ты, кузнец, приходи ко мне и посмотри, что придумал я. И попробуй применить это у себя. Но у тебя тоже есть своя голова на плечах. Поэтому ты не ленись и прибавь к моему свое». Так он говорил — и начал в республике соревнование кузнецов. Он сделал то, что мог сделать настоящий рабочий-коммунист,— сломал старую технологию, создал свою и отдал это достояние всем. Его труд был оценен еще одним орденом Ленина и звездой Героя Социалистического Труда.

А в это время неподалеку вырос другой мощный завод и появились первые грузинские магистральные электровозы. Вырос он из старого ПВРЗ, из одного его цеха. Старый завод за эти годы изменился, скоро другие «пациенты» придут на лечение в его цеха — электровозы. Надо будет ремонтировать электрические машины, секции электричек, наконец, вагоны Тбилисского и Бакинского метро! А паровозы постепенно отправляются на пенсию.

Знаете, когда уходит на пенсию кузнец? В пятьдесят лет. Дяде Косте скоро стукнет шестьдесят. Может быть, работает он через силу и на него неловко смотреть? Нет, работает он красиво, сноровисто. Катюша сидит и посматривает с удовольствием и гордостью. С кем работаешь — это ведь так важно! Проходят мимо заводские люди, непременно замешкаются около молота, если выпадает особо виртуозный пасс. Появляются время от времени чистенькие, ухоженные старички, бывшие кузнецы. Поднимут руку в приветствии, постоят молча. Счастливец! Он еще кует...

— Бэй!!!

Катя нажимает на рукоять.

— Бэй!

Это уже сказано тише. Значит, надо сделать несильный удар, шлепок. Затем она посылает ряд ритмичных ударов, в то время как дядя Костя, схватив клещами раскаленную заготовку, подставляет под удар то плоскость, то ребро. Где-то он прекращает удары словом «хоп!». Руки его летают, захватывая клещи и приспособления, за их полетом трудно уследить. Накладывается штамп — и снова удар.

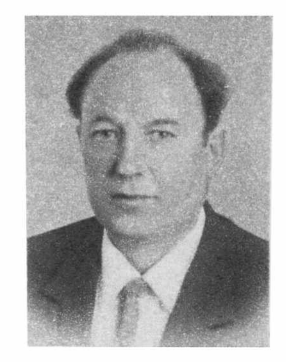
Видно, как медленно гаснет металл, становится как бы маслянистым. Но зато появляется деталь. Девятая или десятая? Дядя Костя еще раз замеряет ее кронциркулем. Порядок. Теперь можно взять ее в щипцы и выбросить в кучу на пол. Там она остынет. Делает он это с каким-то небрежением, будто она ему порядком надоела. Потом тщательно вытирает платком лоб, щеки, шею. И снова к горну, за следующим бруском...

А Катя из своего убежища в который раз обводит глазами цех. Крыша его сильно поднята вверх. Видно, где кончалась старая стена, откуда ее нарастили. Под каким же низким потолком работали кузнецы! Был уголь и мазут. Дым и гарь.

Конечно, полировать мебель — занятие красивое. Есть куда еще более красивые занятия. Есть заводы из бетона и стекла. Автоматы, конвейеры, пульты управления. Рабочий сидит весь в белом и нажимает на кнопку. Но есть пока и такое — с грязным фартуком и горячими щипцами.

Есть труд, при котором напрягаются мышцы и струится по телу пот. Молот еще долго будет служить человеку: и тот молот, который забивает в стенку гвоздь, и тот, что кует подковы, делает шкворни для строительных кранов, стволы минометов. Молот в гербе всех наших республик, в гербе Советской страны. Мы с тобой кузнецы, дядя Костя, мы с тобой кузнецы!..

В утро входите ясными

Автор этих стихов неоднократно выступал в газетах и журналах. Печатался он и в «Огоньке». Но каждый свой рабочий день в течение почти двух десятилетий он отдает заводскому труду. П. Елфимов работает на московском заводе «Фрезер» мастером. А стихи пишет в часы досуга.

РАБОЧИЕ

Как зори над миром встают,
Рабочие рано встают.
Желаю восхода их мыслям,
Как лесу весеннему — листьев.
Проснуться, как снова родиться.
Подняться разумной их силе —
Встать в рост
работящей России!
Светают,
светают их лица.

НАПУТСТВИЕ

В утро входите спокойными —
Над суетой возвысьтесь.
Неторопливость достойна
Больших и уверенных мыслей.

В утро входите ясными,
В глаза ему глянув доверчиво.
И свет вас обрадует яркостью,
Стремительно хлынув
навстречу вам.

И станет светлей и подробней
Весь мир от звезды до росинки:
В час этот
в спецовках и робах
Встречается с солнцем Россия.

СЛОВО О ВЕРНОСТИ

Рабочее слово о Ленине нашем
Всегда от души.
Горячее слово о верности нашей,
Поэт, запиши!
Сердечное слово для песни годится,
И быть ей в пути.
Она, как высокая, звонкая птица,
В сердца залетит:
— Ильич, дорогой наш, всегда ты в народе,
Всегда среди нас!
На нашем родном всесоюзном заводе
Рабочий твой класс
Всегда будет верен великим заветам —
Создать коммунизм.
Да будет на всей нашей яркой планете
Счастливая жизнь!

ИСТИНА

Чаще обращаться надо к Ленину,
Чтоб сердцам быть верными и чистыми.
Надо нам советоваться с Лениным.
Ленин — восхожденье нашей истины!
Слов его
торжественная сила,
Дел его величие — в народах.
Ленин — победившая Россия
И победоносная свобода!
Мыслей необъятные созвездия
Ленин подарил на радость людям.
Ленин — человечности Поэзия.
Значит, Ленин жив.
И вечен будет!

УБЕЖДЕНИЕ

Свой век я в железо врéзал,
Прочность взял от железа!
Железо ласкаю и — гну,
Гудят плечи!
И прожить бы мне
жизнь не одну —
Не взял бы
работы легче.
И движеньем, как вихрем, влеком я:
Жажда жизни — несметна!
Я боюсь, если будет легко мне,—
Не прожить мне на свете.
Так возвышен я этой судьбой,
Заводскою, рабочей:
Мой завод — мой рассвет голубой
Отстраняет
тьму ночи.

Ольга Борисовна Власенко прошла путь, характерный для современного советского человека, воспитанного с детских лет Советской властью. Училась и воспитывалась в детском доме и доме рабочего подростка. Комсомолкой окончила институт, позже — член партии. Много лет работала на металлургическом заводе начальником смены, начальником цеха, спустя некоторое время — директором одного из южных металлургических заводов. Приходит война. Власенко добровольно уходит на фронт. Очерк ее жизни резко меняется. Она участвует в формировании дивизиона бронепоездов и с ним убывает на Волховский фронт. Потом помощник командира полка по технической части в танковых войсках, 1-й Украинский фронт — битвы, походы. После войны поступает в бронетанковую академию, инженерный факультет которой закончила с золотой медалью...

О. Б. Власенко написала большую книгу, которую называет «Родина-мать» — о своем жизненном пути и пути своих товарищей.

Очень хочется, чтобы в советской литературе было больше произведений из жизни рабочего класса, о том, как вырастают новые мастера, полнокровные сыны Родины, патриоты, люди большого труда и больших характеров, герои нашего времени.

О. ВЛАСЕНКО

Весна стучалась капелью в окна, бежала ручьями талого снега, гремела громами и звучала пением перелетных птиц, забиралась в почки деревьев, светила теплым, ярким солнцем...

Вот в такую весну мы уезжали на производственную практику на металлургические заводы, на интересную самостоятельную работу.

Ехали по-студенчески весело. Время летело незаметно, и уже на следующий день нас разбудила синь неба, оранжевый восход, и на этом необыкновенно ярком спокойном фоне показались белые высокие трубы металлургического завода.

— Сложную задачу ты мне поставила — как же тебя, девчонку, дублером мастера назначить. Там же сталевары, они и слушать тебя не станут, а главное, чего доброго, засмеют. Ты сама сбежишь. Давай направлю тебя в металлографическую лабораторию, на любую работу,— говорил начальник мартеновского цеха,— только, пожалуйста, не смотри такими глазами, я тебе по-отечески советую.

— Артем Иванович, если бы только слезы могли облегчить обиду, я была бы им рада, нет, я не буду слезами добывать то, что мне по праву положено, я буду драться за свои права.

— Со мною, что ли? —уже веселее спросил начальник.

— А хотя бы и с вами. На прошлых производственных практиках я работала на самых тяжелых участках. Работала каталем. Открывала и закрывала крышки на мартеновских печах. Мне предлагали более легкие работы. Прошу вас, определяйте меня, как и остальных студентов, на ту работу, на которую я прислана.

Только занялось утро, а я шагаю по улицам поселка на завод.

Сегодня первый день работы на печи дублером мастера в первой бригаде.

В цех пришла рано, стала в сторононочке у печи, всматриваюсь, и кажется все тут давно знакомым. Идет слив металла в ковш — полными ведрами встречает цех...

Струя стали ровная, плавная, искрится серебром, а мастер стоит и бросает кусочки алюминия в ковш спокойно, ритмично. Он наблюдает через синее стекло, как наверх всплывают окислы, а сталь в ковше становится «спокойной», застывая ровным гладким зеркалом.

Все мне в этом процессе понятно, а вот смогу ли я так же спокойно управлять им, как этот мастер?

Медленно иду к конторке, куда к началу смены собираются рабочие. Дверь в конторку открыта. Табачный дым в ней стелется, плавает поверху, словно перистые облака.

Рабочие сидят — кто на скамейках, а кто пристроился на полу на корточках.

Вхожу и здороваюсь, спрашиваю, здесь ли первая бригада.

— А то как же, кому, как не первой здесь и быть,— отвечает парень со шрамом на лице и озорно смотрит на меня.— Давай заходи, садись. Ты что же, на работу или на беседу какую к нам?

— Да нет, на практику приехала.

— Это как понять — мы же сталевары! — говорит все тот же парень.

И в ответ у меня непроизвольно вырвалось:

— Я тоже сталевар.

После этих слов поднялся громкий хохот.

— Паша (так звали парня со шрамом), а ты стульчик сталевару подготовь, чтобы в печь заглянуть можно было.— И опять смех.

— Ну-ка, давайте потише, а накурилито пуще, чем в печной трубе.— С этими словами в конторку вошел мастер.

— Трофимыч, помощник к нам приехал на практику, она говорит: сталевар,— еле сдерживая смех, произносит кто-то из рабочих.

—Хватит зубоскалить, давайте расходиться по своим местам,— говорит Трофимыч.

— Ну, так как величать вас? — не глядя в мою сторону, спросил мастер.

Называю имя и фамилию и, не давая мастеру опомниться, сразу выпаливаю:

— Не волнуйтесь, Яков Трофимович, с мартеновским производством знакома — это уже третья практика. Вас я не подведу только, пожалуйста, поверьте мне, а что смеются, ну и пусть, там видно будет...

Он поднял глаза и посмотрел на меня изучающе.

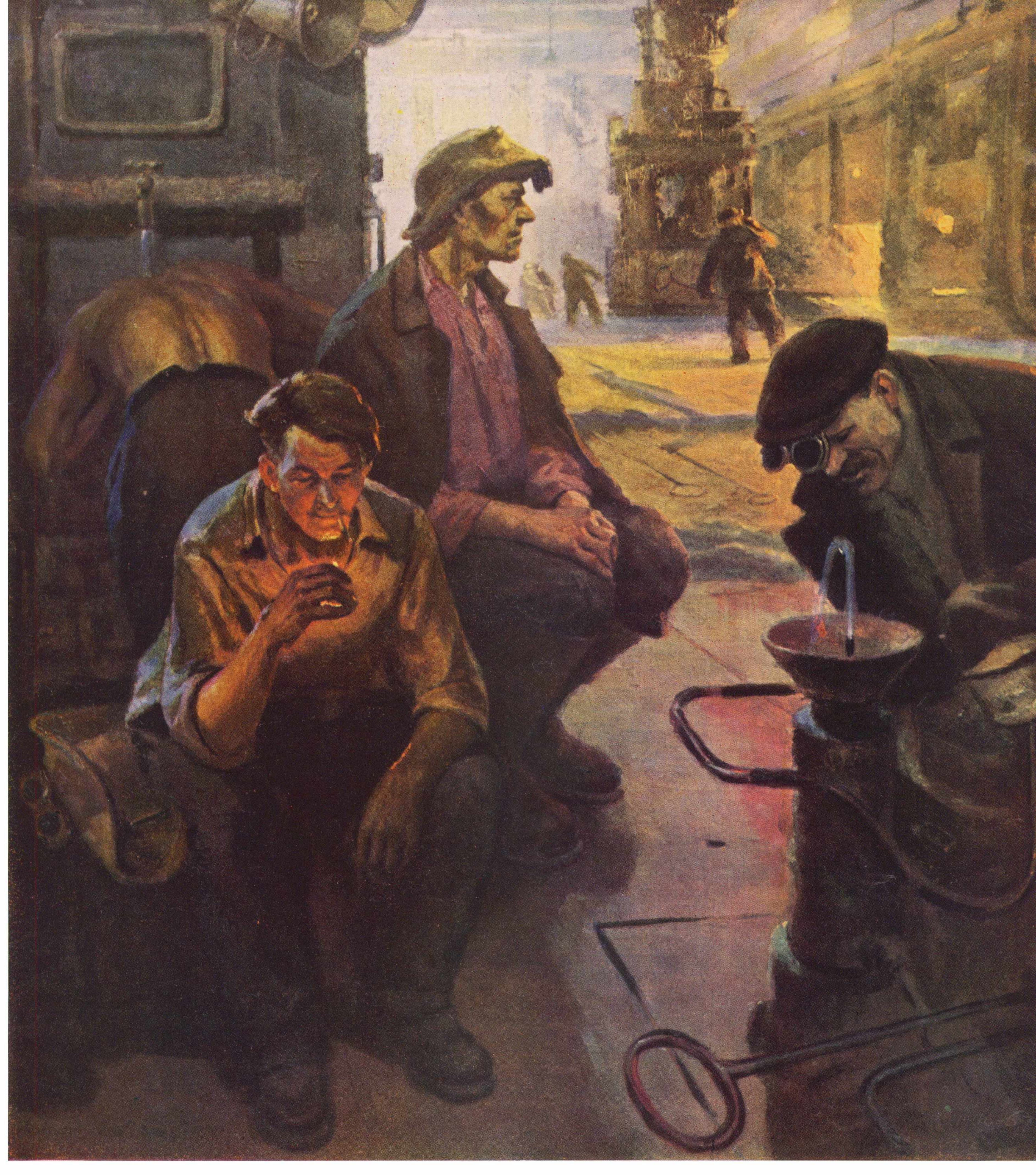
Брови у мастера косматые, это делает лицо угрюмым и даже сердитым. «Но это совсем неправда,— говорят его глаза,— я мягкий характером, и это не очень хорошо для меня...»

— Значит, говоришь, дублером мастера стажироваться будешь, это вроде ты должна повторять меня. Ну, давай, только гляди, ребята зубастые, чуть что — засмеют. Ты лучше вот что, стой, присматривайся, записывай, что непонятно, растолкую, самой делать ничего не надо... мы уж сами.

На этом и закончился «инструктаж».

«Мартеновская печь сама по себе — это еще не сталеплавильный цех,— говорил нам профессор, известный металлург,— чтобы печь хорошо работала, должны хорошо работать все вспомогательные участки. Цех — это единый механизм, в котором каждый винтик влияет на производительность».

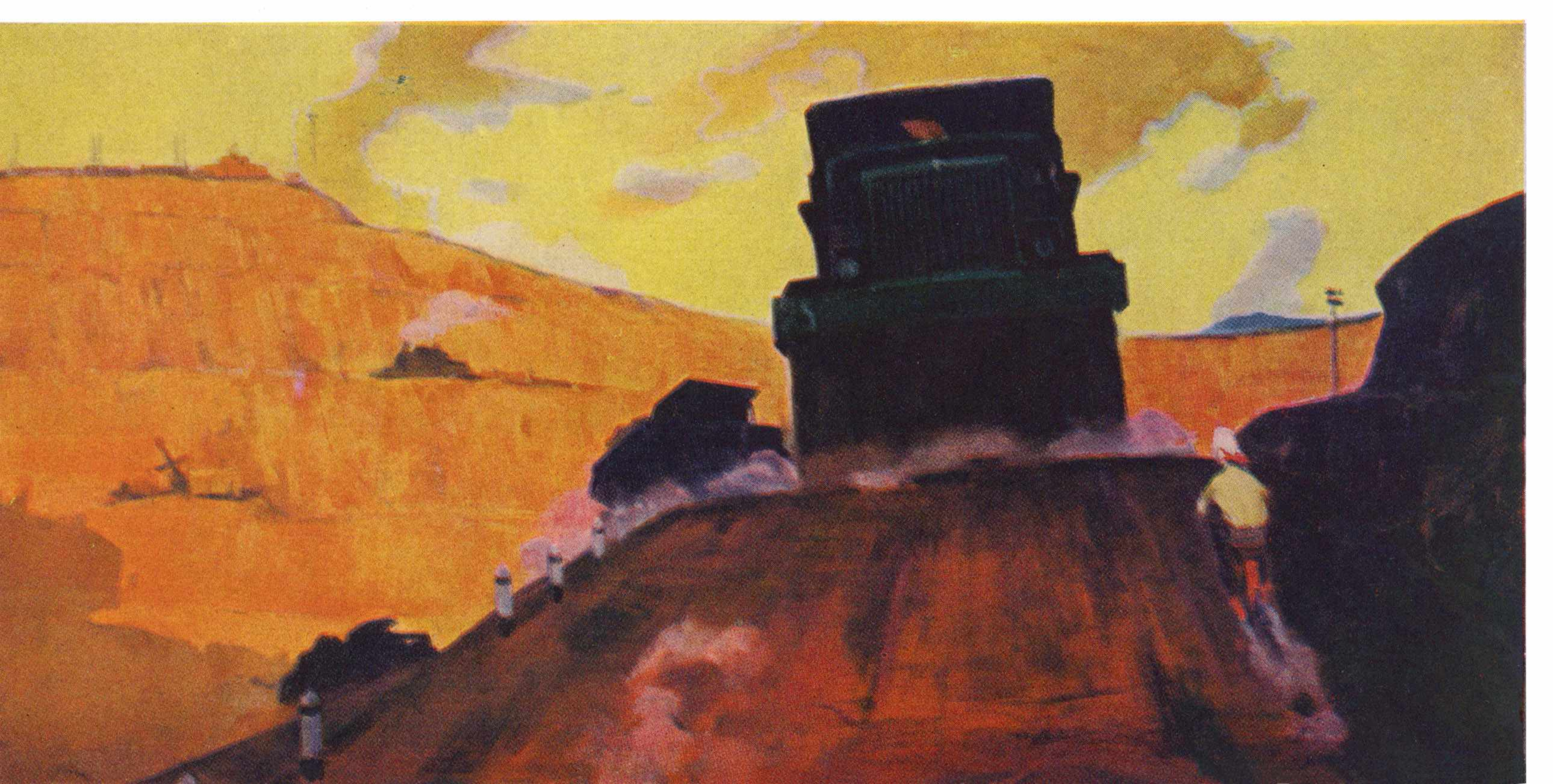
Вспомнилось еще, как во время практики в Сталино рабочие мартеновской печи говорили: «Наш мастер дело свое знает, как бог, любую плавку хорошо сварит, а вот плана мы не выполняем». Мастер этот от печи ни на шаг не уходил, все около нее, то заглядывает в завалочные окна, то про-

А. Бурак (Свердловск) ПЛАВКА ВЫДАНА.

А. Бутов (Йошкар-Ола) КАЗАХСТАНСКАЯ МАГНИТКА.

В. Правдюк (Ташкент) ГУДЯЩАЯ МЕДЬ.

бы берет, то добавляет материал, разжижая шлак, то «остуживает» ход печи, словом, ведет процесс плавки и выпускает качественную сталь. А на печи всегда задержки из-за вспомогательных участков, поэтому производительность низкая.

«А почему так? — скажут рабочие.— Да потому, что глаза своего нет, а мастер, он должен везде свой глаз иметь, тогда и план будет выполняться и качество будет хорошее».

На следующий день я пошла не на печь, а в литейный пролет.

Здесь в одном конце поднимаются сквозь черный смоляной дым мириады искр — идет разливка. Стою, хронометрирую время, заношу заметки в записную книжку. Сталь пошла хорошо, но бьет в сторону, обрызгивает стенки изложниц; поверхность болванки будет нечистой, качество продукции снизится. В нашем деле нет мелочей — и приходится рассказывать про опыт работы на других заводах, а смазчику практически показать, как правильно и быстро чистить и смазывать изложницы, тут недоумения по поводу записывания и поглядывания на хронометр исчезают.

— Ты смотри, ведь дело говорит,— с некоторым удивлением скажет рабочий.

— Ну, хорошо, а откуда у тебя эта рабочая сноровка, ты что, на смазке изложниц работала? — спросит мастер, и проникнется уважением к практиканту, и, конечно, прислушается к совету.

Так проходили первые дни практики в мартеновском цехе — то в литейном пролете, то на участке подачи материалов, то на рекуператорах.

Яков Трофимович наблюдал за действиями своего дублера, не вмешивался. Но чувствовалось, что одобряет, за руку стал здороваться при встречах, но к печи не звал.

К началу работы бригада первой печи собиралась, как обычно, в конторке мастера, и все проходило, как всегда, только над «сталеваром» больше не смеялись, уступали место.

Как-то подошел Паша, за руку поздоровался и, глядя на носки ботинок, спросил:

— Ты что же на печь не приходишь, обиделась, что ли? Ты это всурьез не принимай, посмеялись тогда, и ладно. Вообще к тебе по-хорошему, так что давай приходи, а то как ни говори, я да и ребята за тот случай вроде как и переживаем.

Даже вспотел Паша от такой длинной тирады.

Хорошо стало на душе после этого искреннего «признания» старшего сталевара.

С этого дня я и стала работать непосредственно у печи.

Мартен клокочет кипящим металлом, шумит горящим газом, дышит жаром, раскрывает свою громадную пасть, чтобы принять очередную порцию «пищи».

— Ненасытная она у нас сегодня — подали вроде нужное количество мульд металлолома и руды, а еще маловато,— говорит мастер.

— Яков Трофимович, плохо укладывают скрап в мульды, надо больше размельчать его, да и руду плохо грузят, количество мульд то же, а вот веса меньше.

— Пожалуй, ты права,— скажет мастер.

Яков Трофимович работал спокойно, уверенно, команды отдавал тихо, но твердо, и, если кто-либо точно не выполнит, только посмотрит из-под ершистых бровей, словно пронзит насквозь глазами, при этом сдвинет вгорячах кепку на затылок, резко отвернется от виновника. Своего дублера никогда не поучал, а только в каждый ответственный момент хода процесса или заправки печи бросит быстрый взгляд в мою сторону, чтобы убедиться — вижу ли, замечаю ли все.

Во время слива металла Яков Трофимович косился на мое синее стекло. Было оно небольшим, в неказистой оправе и служило уже третью производственную практику. Непонятно, чем, собственно, оно привлекло внимание мастера.

Однажды Яков Трофимович взял это мое стекло, осмотрел со всех сторон, заглянул через него в печь и, возвращая, сказал:

— Слышь, дублер, это стекло не годится, чтобы хорошую плавку сделать,— и больше ни слова не промолвил.

Спросить, почему не годится, как-то не получилось, только действительно начало казаться, что оно слишком густого цвета и что не очень четко видишь через него консистенцию жидкого металла.

В следующей смене после спуска шлака из печи в «свободную минутку» мастер вынул из кармана что-то завернутое в белую тряпицу, развернул:

— Вот, бери, это тебе на время твоего стажирования здесь, посмотри, как покажется.

Синее стекло было в деревянной оправе, почерневшей от времени и частого пользования. Блестела эта оправа словно полированная. Была она фигурная, с выемками по бокам и закруглениями на углах. В нижнем левом углу небольшая трещинка в стекле. Сами размеры его тоже небольшие, но, посмотрев на расплавленный металл через стекло, казалось, все тайны металла на глаз определишь. Настолько оно было ясным, и невольно вырвалась от души идущая благодарность.

Яков Трофимович при этом будто расцвел, и куда только девались его косматые брови.

— Это отцово стекло,— произнес он с доброй улыбкой.— Почитай тридцать с лишним годов поработал он с ним, знатный был мастер, и мне в наследство передал. Да вот незадача вышла, мало оно мне. Хранили мы его, думали, появится в семье еще один сталевар, да пока не видать. Так что ты уж попользуйся пока.— И пошел к печи, вроде даже застеснялся.

Синее стекло у металлургов является, как правило, атрибутом мастера, начальника смены, а для практиканта это символ того, что и ты непосредственно приобщился к семье металлургов, и невзначай, надо или не надо, но вынешь, посмотришь, а в нагрудный карман спецовки так его положишь, чтобы кончик обязательно виден был: ведь гордость какая — сталевар, металлург!

Глядя в печь или на сливаемый металл, я стремилась не только увидеть, но и впитать в себя, казалось, весь этот загадочный мир превращения твердого и жидкого металла в качественную сталь, при этом прижимала стекло к самым глазам, вся напрягалась, чтобы лучше и больше увидеть.

— Ты вроде новичок в нашем деле. Для мастера, пусть даже для дублера, так негоже, ты стой вольно и тогда лучше увидишь и поймешь. Не напрягайся как струна, голове этим легче будет, и понятия тогда лучше работают,— говорил мастер, видя, как я с напряжением прижимала стекло к глазам, заглядывая в печь.

А старший сталевар Паша, подойдя сбоку, тихо говорил:

— Боюсь, как бы ты свою голову в печь не всунула, отойди малость и держись вольготней, лучше увидишь все.

Так проходили дни практики в цехе, и наконец наступила счастливая пора, когда Яков Трофимович начал доверять самостоятельно вести отдельные операции на печи. То поручит проследить за загрузкой, то за температурным режимом, даже доводку плавки доверял. Делал он это ненарочито, без подготовки, вроде случайно. А в одной из ночных смен, когда все собрались на рабочей площадке, обыденно просто сказал:

— Пошел я на рекуператоры, за ремонтом прослежу. Вы уж с моим дублером сегодня поработайте.— И ушел, даже не посмотрел в мою сторону, как будто это — обыденное, само собой разумеющееся решение, и бригада отнеслась к этому довольно хладнокровно. Только я от этих слов будто застыла. Однако на рабочей площадке Якова Трофимовича уже нет, посмотрела на печь, и показалась она такой громадной, весь цех собой закрыла.

Из щелей через крышки завалочных окон вырывается пламя, печь шумит, дышит зноем, и вроде я все это только впервые вижу, а про себя твержу: «Яков Трофимович, куда же вы, ведь не смогу сама, все провалю». Но подхожу к печи, к концу идет завалка железного лома, автоматически даю команду заправить переднюю стенку, подсыпать пороги мелким известняком, чтобы шлак не ушел через них на рабочую площадку при быстром образовании его.

Указания эти отдаю тихо и несмело, даже глаза боюсь поднять.

В печь смотрю со страхом. Теперь точно надо определить, когда залить жидкий чугун. «Если до заливки жидкого чугуна шихта будет плохо прогрета, то это может вызвать «закозление» печи»,— звучат в ушах слова институтского преподавателя.

Посмотрела вокруг, нет ли лишних людей, не видит ли кто моих «страхов».

Начали заливать чугун в печь. С началом заливки все во мне сосредоточилось только на одном этом. Команды, которые подавала и голосом и руками, строго выполнялись — заливка прошла хорошо.

— Смотри, даже пена не образовалась,— произнес Паша, ни к кому вроде не обращаясь, но так, чтобы «сталевар» услышал.

И легче сразу стало.

А печь тем временем работает, диктует, требует.

«У печи, имейте в виду, свой язык, его знать должен каждый, кто около работает, иначе дела не сделаешь»,— всегда говорил Яков Трофимович.

Посмотрела в печь, а там шлака после заливки чугуна порядочно образовалось. В нем много вредных примесей, да и мешает он хорошему поглощению тепла ванной, и печь подсказывает, что надо делать.

Отдаю команду шлаковщику.

— Будет сделано! — звонко отвечает рабочий, только демобилизовавшийся из армии. Ковш уже установлен под желобом, и шлак из печи спускается.

Процесс плавления проходит нормально. Надо проверить, готов ли литейный пролет для приема плавки, как идет подогрев раскислителей.

Оторвалась от печи на время. «Надо мастеру везде свой глаз иметь».

Снова подхожу к мартену уже с солидностью мастера, а плавки не узнать — в отдельных местах идет такое бурное образование пенистого шлака, что кажется, будто вырывается лава из кратера, и она все растет и растет и вот-вот вырвется наружу, зальет рабочую площадку, а там люди — и катастрофа неизбежна...

Глазами ищу Якова Трофимовича, верится, что он все же где-то наблюдает за работой — ведь вот какой ответственный момент, должен же он сейчас подойти подсказать. А его нет...

У кого же спросить, где же помощь искать?

А что, если вырвало подину, и металл уйдет, тогда все та же катастрофа — здесь надо на помощь кого-то звать... Боюсь поднять глаза, наверно, все видят мою беспомощность, волнуются, осуждают, и уже, кажется, даже слышится снова: «Паша, ты стульчик сталевару подготовь, чтобы в печь заглянуть».

И все же с ужасом отрываюсь от печи, чтобы посмотреть на своих товарищей, увидеть, услышать их осуждение — «взялась за дело, а сделать его не можешь». И благо никто этого взгляда и этих глаз не увидел.

С недоумением, как во сне, вижу: Паша стоит в сторонке, прохлаждается, курит, свежий ветерок шевелит его волосы. Первый подручный сталевара готовит материал для следующей заправки, и остальные рабочие заняты делом — все спокойно, все обычно.

Снова заглядываю в печь, и вроде лавы такой сильной уже нет, а печь твердит, диктует и подсказывает, что надо делать дальше.

Спокойнее вглядываюсь в ход процесса, синее стекло «знатного мастера» в руках, и оно обязывает, смотрю, и становится понятно, что металлическая ванна быстро нагревается, а в отдельных местах, видимо, осталась нерасплавленная часть шихты, она бурлит сейчас, так это за счет выделения большого количества углекислого газа из хорошо разогретого в печи известняка, и это прекрасно. Шлака много, так надо его частично скачать — не пугаться, и не только наблюдать, но и действовать.

Шлаковщик, которого бригада прозвала «будет сделано», обращается с вопросом:

— Позвольте спросить, а не многовато ли спускаем шлака?

Хотя Паша его останавливает, но опасения вообще законные.

Шлака надо спустить ровно столько, чтобы он не тормозил доступ тепла в металлическую ванну и, значит, чтобы нормально протекал процесс расплавления шихты.

Глаза неотрывно следят за спуском шлакового потока. Синее стекло в руках — «...отцово стекло, почитай тридцать с лишним годов поработал он с ним, знатный был мастер».

А огненный поток шлака стекает в ковш. Затаив дыхание, наблюдаю, и вдруг блеснула тоненькая, как нить, серебристая струйка металла. «Стоп».

— Точно, как в аптеке,— произносит все тот же шлаковщик. А Паша после слива шлака сдвинул свои синие очки на лоб, вытер рукавом пот с лица и, слегка улыбнувшись, пошел выполнять команду — брать пробу шлака и металла.

К моменту взятия пробы на площадке вся бригада. При виде сливаемой в стаканчик стали все произносят вслух: «Вроде все хорошо»,— а мне кажется, что углерода маловато в металле. Даю команду произвести присадку небольшого количества чугуна в ванну.

Плавка подходит к концу. Металл во всей ванне кипит, выделяя мелкие пузырьки, словно в водоеме от спокойно падающего потока,— подходит наиболее ответственный период — полировка. «Она всему делу венец»,— говорят мастера.

Свято верю, что сейчас подойдет Яков Трофимович — знает, что первый раз самостоятельно веду плавку, и, конечно, к концу придет — тут и полировка и раскисление — все, что определяет качество металла.

Здесь надо точно и рассчитать и подать в печь строго определенную порцию железной руды. Своевременно навести жидкоподвижный шлак для полного удаления из металла газов и неметаллических включений, добавить извести.

Все рассчитано и подсчитано, но очень надеюсь, что придет Яков Трофимович, а его нет. Мне это кажется очень жестоким с его стороны.

И снова стою один на один с этой разговаривающей, диктующей, требующей печью, уже не замечая ни жары, ни шума, смотрю в нее, решаю судьбу металла.

На рабочую площадку прибежала старшая лаборантка — у меня даже ноги подкосились: «Неужели ошиблась в анализе?» — она подходит поближе и с доброй улыбкой произносит: «Все хорошо» — и тут же подает анализ экспресс-лаборатории.

Теперь анализ смотрят все, и работа кипит на высшем накале.

Самое основное для достижения качества металла — активный, легкоподвижный шлак, он получился, и кажется мне, я вижу, как он извлекает все вредные примеси из металла...

Ловлю себя на том, что перед командой «выпускать плавку» появилось какое-то колебание, а вдруг рановато, но нет, «надо поверить себе, ведь ты же видишь по пробе, по шлаку и металлу, что плавка готова, никаких колебаний»!..

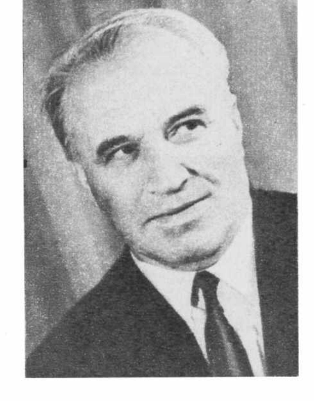
И вот уже спокойно бросаю в ковш небольшие куски алюминия, наблюдаю за сливом и вспоминаю, как первый раз пришла на печь и, увидя Якова Трофимовича, подумала, «смогу ли я так же спокойно управлять процессом».

Хочется остановиться, передохнуть, снять напряжение, ищу глазами Якова Трофимовича, а его снова нет, и только когда печь была заправлена и надо было готовить ее к сдаче следующей бригаде, пришел мастер.

— Вот видите,— сказал он, обращаясь к бригаде,— плавка сделана хорошо по времени и по анализу...

Когда кончилась смена, вся бригада провожала до дома. Называли меня так же по имени, почти все обращались так же «на ты», но я чувствовала к себе не то что уважение, а искреннюю радость за мой нелегкий труд...

«Огонек» обратился к заслуженному деятелю искусств главному редактору журнала «Театральная жизнь» Ю. А. Зубкову с просьбой рассказать о новых замыслах редакции, поделиться творческими планами.

ТЕАТР,

Юр. ЗУБКОВ

...Когда отец и мать Любы пришли в школу по приглашению директора, они увидели в вестибюле на скамье, возле раздевалки, девочку лет шестнадцати-семнадцати и сразу узнали ее: это была Юля К.— подружка Любы.

Несколько месяцев назад Юлю исключили из школы за недостойное поведение. Она знакомилась на улице с мужчинами, устраивала пьянки у себя дома по вечерам, когда мать работала в библиотеке. Выглядела Юля броско, не по возрасту: ярко накрашенные губы, подведенные ресницы и брови, неестественно рыжие волосы... Несомненно, она пришла к их дочке: дожидается, когда у Любы кончатся уроки. И действительно, пока в директорском кабинете шел разговор о Любе, сама Люба исчезла из школы. Домой она пришла поздно вечером — раскрасневшаяся, возбужденная, от нее пахло табаком. Люба и не отрицала, что была с Юлей, но упрямо твердила:

— Неправда, Юля хорошая, добрая... Только очень одинокая... Ее никто не понимает...

Надо ли говорить, что Любины слова рождали в сердцах родителей лишь новую тревогу... Родителей Любы можно понять! Можно понять и школу, поторопившуюся избавиться от девочки, которая доставляла и директору, и завучу, и педагогам беспокойство и множество хлопот. Все можно понять, все можно объяснить. Но никуда не уйти от многих и многих вопросов. А как же все-таки быть с Юлей? Как сложится ее дальнейшая судьба? Кто в ответе за будущее девочки? И кто виноват, что она стала такой,— только ли мать, которая вынуждена после смерти мужа работать еще и по вечерам, чтобы обеспечить себя и дочь? Может быть, виновата и школа и родительский комитет? А может быть, виновато и наше искусство: кино, телевидение, театр, которые, как говорится, упустили из-под своего влияния Юлю и подобных ей подростков или, что еще хуже, прививали им ложные представления, понятия, вкусы?.. Вряд ли прав драматург В. Розов, утверждающий в статье «Мир чувств» (сборник «Культура чувств». Издательство «Искусство»), что ребенок «выходит на свет божий из утробы матери уже в сильной степени «запрограммированным». Скорее права Люба, заметившая в дурной своей подружке хорошие, хотя и неразвившиеся задатки...

Я далек от стремления хоть как-то оправдывать Юлю и ее поведение, а всю вину за ее беды перекладывать на наше общество. Есть ведь и другие ребята и девчонки. Оставшись без отцов и не имея постоянного материнского присмотра, они старательно учатся, ведут общественную работу, помогают дома. Круг их интересов широк и разнообразен. Юлю, видимо, подвели смазливое личико, слабая воля, неустойчивый характер. Но когда иные критики видят в девицах, подобных Юле, выводимых на сцену, как, например, Таня в «Двух товарищах», лишь «талантливых озорниц», меня это заставляет кричать от гнева и боли: да как же вы, хорошие мои, не замечаете опасности, нависшей над самой-то девчонкой?!. Как не видите опасности, которую подобные подростки представляют для своих сверстников и сверстниц?!.

Словом, не об оправдании Юли идет речь, а о мере нашей общей ответственности за нее. Тем более что Юля — фигура не выдуманная. Она москвичка. Училась Юля в школе, расположенной неподалеку от прекрасного детского театра, в репертуаре которого есть спектакли большого воспитательного значения. Это Московский театр юного зрителя.

И когда в редакции «Театральной жизни» встретились по просьбе журнала лица, заинтересованные в судьбах будущего поколения: заместитель главного редактора «Учительской газеты» Н. Л. Шарыгин, главный режиссер Центрального детского театра В. Ф. Дудин, писатель Г. Д. Мдивани, доктор педагогических наук Н. А. Ветлугина,— в процессе обмена мнениями выяснилось, что все озабочены тем, как искусство вторгается в жизнь семьи и школы, как помогает формировать духовный мир подростка, будущего строителя коммунистического общества.

Именно после этого обмена мнениями мы окончательно убедились в необходимости разговора, который намерены повести в будущем году на страницах журнала «Театральная жизнь» под рубрикой «Театр, семья, школа».

Разумеется, говорить о влиянии театра на духовную жизнь юношества изолированно от влияния литературы, кино, телевидения, радио, музыки, живописи попросту невозможно. Применительно к каждому виду и жанру искусства возникают сходные, даже общие проблемы. Но не бывает ли часто так, что, обвиняя во многих грехах соседей, мы забываем о необходимости разобраться в своих собственных делах, в своем собственном хозяйстве...

Я не случайно упомянул о том, что Юля К. училась в школе, находившейся по соседству с Московским театром юного зрителя. И не ради красного словца сказал доброе слово о спектаклях этого театра. Их воспитательное значение и в самом деле огромно. Они укрепляют идейную убежденность своих зрителей, развивают чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Но почему же так безрадостно сложилось начало судьбы у девочки, которая училась и жила рядом с этим прекрасным театром?.. У ТЮЗа, как и у Центрального детского театра, есть свои активисты, постоянные друзья. Они объединены в кружках юных рецензентов, дежурят во время спектаклей, выступают на зрительских конференциях, выпускают стенные газеты. Однако нет ли во всей этой полезной и нужной работе некоторой доли если не формализма, то по крайней мере известной парадности? Нет ли чувства успокоенности?

Вот, скажем, в Куйбышеве, в городе с миллионным населением, Драматический театр раз в месяц проводит День школьника. На весь этот день театр отдают ребятам, для которых и готовятся спектакли. Отличная инициатива! Она заслуживает всяческой поддержки! Но и тут чрезвычайно важно взглянуть, не делается ли это доброе дело порой, так сказать, для «галочки», для отчета, где напишут: столько-то, мол, тысяч школьников за сезон побывали в театре. Но, может быть, мало кого заинтересует, что одни школьники побывали в театре десять раз, а другие — ни разу...

Не похожи школы. Не похожи и семьи. Есть семьи театралов. И есть семьи, где посещение театра считается пустой тратой времени. У одних семей есть любимые театры, любимые актеры, любимые герои. А другие увлекаются

СЕМЬЯ, ШКОЛА

только детективами на голубом или обычном экране. Здесь тоже могут знать имена популярных актеров, только знание это никак не связывается с постижением духовного мира человека, с воспитанием культуры чувств.

Несколько лет назад в том же Куйбышеве смотрел я в Театре юного зрителя спектакль о том, как молодой коммунист-следователь, решив вырвать подростков из-под влияния бандитов и хулиганов, пошел работать в органы милиции. А в антракте мог наблюдать старшеклассников, которые курили и пили водку в туалете, сопровождая сие занятие соответствующими «цветистыми» выражениями. Вывод, естественно, напрашивается сам собой: вот он — формализм, вот «показуха» — равнодушие к воспитанию подрастающего поколения. Но ограничиться только таким выводом не значит ли и самим проявить равнодушие? Не следует ли поинтересоваться, например, тем, как распространялись билеты на спектакль? Пришли ли школьники в театр по собственному почину или их привели «в обязательном порядке»?.. Тогда этот «порядок» нужно менять!

Особую заботу вызывает тюзовский репертуар. Если лет двенадцать — пятнадцать назад многие тюзовские пьесы ограничивались прописными истинами вроде того, что надо учиться на «отлично», врать маме — плохо, а покрывать нарушителей дисциплины и вовсе нельзя, то теперь идейное содержание произведений для юношества расширилось неизмеримо. ТЮЗы ставят перед подрастающим поколением часто проблемы острые и сложные. Однако всегда ли авторы пьес и постановщики спектаклей помнят при решении этих проблем о педагогическом назначении детского театра? Разве уместно было появление на тюзовской сцене пьесы И. Нусинова и С. Лунгина «Гусиное перо»? Пьеса эта рисует педагогический коллектив как сплошное мещанское болото. А между тем она шла и в Москве — в Центральном детском театре и в ТЮЗах других городов. И, скажем, газета «Горьковский рабочий» информировала после премьеры своих читателей о том, что юные зрители, смотревшие спектакль, горячо ему аплодировали.

К сожалению, «Гусиное перо» не единичный пример. Из пьесы в пьесу, из спектакля в спектакль родители и педагоги рисуются на тюзовской сцене людьми отсталыми, косными, невежественными. Чаще всего они мешают счастью своих детей — юных влюбленных. Это и в «Неравном бою» В. Розова, и в «Они и мы» Н. Долининой, и в «Трень-брень» Р. Погодина... В минувшем сезоне Центральный детский театр показал пьесу Р. Каца «Тили-тили-тесто». Здесь изображается черствая и жестокая мама, вступившая в конфликт с дочкой-семиклассницей, охваченной жаром любовного чувства.

Когда говорят о том, что вся эта история, мол, выдумана автором и что так в жизни не бывает, то явно плохо знают жизнь! Любовь Наташи и Генки — не выдумка. И конфликт Наташи с мамой тоже правдив. Только вот надо понять, кто прав в этом конфликте,— дочь, слишком рано почувствовавшая себя женщиной, или мать, серьезно этим встревоженная?.. Наверное, и беды Юли К., вовремя никем не замеченные, начинались примерно так же...

Казалось бы, ясно, что автор и театр неправы, осуждая Наташину маму, глубоко озабоченную судьбой дочери. Неправы, истолковывая конфликт Наташи с матерью как конфликт «современной Джульетты» с отсталыми, косными родителями. Кстати, Юлю К. товарищи по школе так и прозвали — «Джульеттой»!

Такие спектакли вредят нравственному воспитанию молодежи. Но, как ни странно, одна за другой появляются статьи в «Труде», «Московском комсомольце», ленинградской «Смене», написанные в защиту юных влюбленных, в осуждение жестокосердной мамаши.

Значит, есть о чем спорить!

Знакомясь с тюзовским репертуаром, нередко встречаешь в нем пьесы, далеко не тюзовские: «Традиционный сбор» В. Розова, «Варшавскую мелодию» Л. Зорина... Любое замечание по поводу того, что пьесы эти написаны вовсе не для ребят, руководители театров встречают в штыки. Нынешние ребята, мол, стали значительно выше по уровню развития, они хотят постигать жизнь самостоятельно. Но разве помогает самостоятельному постижению жизни, коли им преподносят о ней всего лишь однобокие представления?!

Почему на тюзовской сцене редки пьесы, составляющие золотой фонд нашей драматургии? Пьесы о революции и гражданской войне, о жизни страны?..

Совсем недавно смотрел я во Владивостокском театре драмы пьесы В. Киршона «Рельсы гудят» и «Хлеб» и думал о том, насколько верно и разумно было бы играть их перед юным зрителем, раскрывая ему смысл жизни дедов и отцов, ее героический характер, остроту и сложность классовой борьбы...

Юноше, обдумывающему житье, Вл. Маяковский советовал делать жизнь с товарища Дзержинского. А вот с кого советует сегодня театр делать юношам свою жизнь?

Проблема положительного героя в детском театре особенно остра. Отрицание этого понятия здесь особенно пагубно. Но театры редко дают юному зрителю такого героя, заменяя его человеком рефлектирующим, сердитым на действительность и общество. Это будто бы сообщает ему современность и интеллектуальность. Когда же минувшей весной на «голубом экране» встретились артист А. Хотченков, создавший образ Павки Корчагина в спектакле Центрального детского театра «Как закалялась сталь», и В. Максимова, критик, ведущий передачу, то усилия Максимовой были преимущественно направлены на то, чтобы заставить молодого актера найти в характере своего героя хоть какую-нибудь раздвоенность, червоточинку... Возможно, кое-кому покажется, что все то, что я сейчас говорю, не есть рассказ редактора о предстоящей редакционной работе журнала, а полемические заметки критика. Но в том-то и дело, что начинать большой разговор на тему «Театр, семья, школа», не имея определенной позиции, было бы бессмысленно. А разговор этот необходим. Он требует всестороннего, детального и пристального обсуждения.

Мы отдаем себе отчет, что позицию журнала разделяют далеко не все деятели юношеского театра. Нам предстоит нелегкое дело: убедить людей талантливых, интересных и в том, что они заблуждаются, и в том, что заблуждения их вредны, чреваты весьма серьезными последствиями. Ибо все, о чем шла речь, имеет самое непосредственное отношение к судьбе Юли К., ее сверстников и сверстниц, а это не может не волновать любого человека, раздумывающего над судьбами юного поколения.

Журнал даст возможность всем заинтересованным людям не только обменяться мнениями, но и активно способствовать решительному повороту театров юного зрителя к большой военно-патриотической теме.

А как слабо представлена сейчас на подмостках театров юного зрителя тема пролетарского интернационализма! Хотя было время, скажем, сороковые — пятидесятые годы, когда она звучала именно с этих подмостков «во весь голос». Что же потеснило ее сейчас? Может быть, ребята стали другими, общественно индифферентными? Или же индифферентны к этой теме театры, ищущие успеха на иных, более легких путях? Вспомним, что раздавались скептические голоса по поводу включения в тюзовский репертуар пьесы «Я хочу домой» С. Михалкова, где в лагере для перемещенных лиц живут дети разных национальностей, задержанные американцами, препятствующими возвращению ребят на родину... Иные «деятели» детского театра сомневались, окажется ли это интересно юному зрителю, захватит ли его, будет ли волновать. Оказалось, что и захватило и взволновало. И не стоит ли напомнить об этом примере тем, кто формирует сегодняшний тюзовский репертуар?..

В предстоящем разговоре возникает и еще одна проблема. Не искусственно ли воздвигнуто средостение между театром драматическим и театром детским? А оно, это средостение, есть. Проблемами детского театра и в министерствах культуры и во Всероссийском театральном обществе занимается весьма узкий круг людей. Существует группа театральных критиков, полагающих себя — и только себя!— специалистами по детскому театру. А от этого узкого круга людей зависит нынешняя репертуарная политика ТЮЗов, которая должна была бы стать делом всей театральной громады. Более того — делом всенародным...

Кому журнал «Театральная жизнь» намерен адресовать весь этот разговор? Да тем, кого мы назвали здесь прямо: театру, семье, школе. Это значит: драматургам и режиссерам, актерам и критикам, родителям и педагогам; причем не на последнем месте видим мы в этом разговоре родителей и педагогов, а на первом! Тем более что все мы — драматурги и режиссеры, актеры и критики — одновременно являемся и родителями.

И последнее. Отнюдь не случайно начинаем мы этот разговор в год столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Лучший способ отметить юбилей, говорил Владимир Ильич,— сосредоточить внимание на задачах, требующих своего решения. Разговор о вторжении искусства в жизнь семьи, об ответственности театра за судьбу Юли К. и судьбы ее сверстников и сверстниц— это разговор о нынешнем и завтрашнем дне страны, о претворении в жизнь ленинских идеалов.

Валерия ГЕРАСИМОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

7

В эти яркие весенние дни в детдоме имени Петра Барышева все казалось особенно праздничным. Зеленели молодые, лишь недавно давшие тень деревца, пестрели весенними цветами клумбы, над крышей недавно отстроенного клуба победоносно реял кумачовый флаг. Длинное полотнище пламенело и перед въездом на территорию «Барышевки» (так чаще всего выражались для краткости). Только вместо традиционного, примелькавшегося «Добро пожаловать» на кумаче были слова душевнее и в национальном духе: «Хлеб да соль».

Среди нежной зелени и блеска молодой листвы виднелось несколько транспарантов; одни — с лозунгами, другие — с цифрами тех или иных показателей и просто со стрелками: «Спортплощадка», «Водная станция», «Столовая».

Находившийся в десяти километрах от Зосимова детдом имени Петра Барышева (названный так по имени героически погибшего юного разведчика) был в облоно на особом учете. Вначале он комплектовался из ребят, осиротевших во время войны. Затем в Барышевку стали направлять и кое-кого из так называемых трудных ребят. Деловые качества заведующей Барышевкой были хорошо известны.

И сейчас картина ничем не потревоженного дня объяснялась не только весенним цветением, но и тем, что возглавлявшая Барышевку Антонина Степановна Лакрина-Зырянова, несмотря на постигшее ее личное горе, сумела сохранить присутствие духа.

Невозможно было предположить, что среди веселой молодой листвы, аккуратных желтеющих песочком дорожек и четких транспарантов где-то в сером кубе изолятора идет отчаянная борьба за жизнь человека. Это его руками и под его руководством были посажены почти все молодые деревца парка; это он еще совсем недавно — также вместе с ребятами — намалевал огромную афишу, оповещавшую об открытии нового клуба, и он окрестил его строкой Маяковского «Молодость мира».

А сейчас Василию Зырянову делали повторное переливание крови, и у обесцвеченных губ медсестра терпеливо держала черный рожок кислородной подушки.

— Сделаем все возможное,— устало повторял старый профессор с привычной, ему самому надоевшей уклончивостью.

Еще вчера профессор вместе с ассистентом приехал сюда на обкомовской машине — одной из тех, что сейчас чинно стояли у центрального нежно-розового корпуса.

Пока удалось из брюшной полости извлечь главный осколок...

Почти сразу же после происшествия на срочном, но без излишней нервозности проведенном педсовете решили сделать все возможное, дабы не травмировать впечатлительные юные души. По предложению Лакриной почти всех ребят (за исключением двух-трех больных) отправили в поход по историческим и памятным местам Зосимовского района.

Остались только те, кто мог понадобиться приехавшему следователю Мефодиеву.

К сожалению, среди них был сын Антонины Степановны Спартак Лакрин-Зырянов, один из двоих, кто, по собственному признанию, принес злосчастную гранату. Его напарник Мишка Мазилов не то в результате нервного потрясения, не то в страхе перед возможной карой сбежал. Его исчезновение особенно не беспокоило: еще не было случая, чтобы тот или иной беглец из Барышевки не возвращался или не был возвращен обратно. Мазилов же был фигурой, по-своему заметной, даже печально знаменитой. Такому затеряться было труднее, чем кому-нибудь из рядовых барышевцев.

Не растерялась администрация, и в первую очередь та же Антонина Степановна, и перед иным, хотя и менее значительным вопросом: как лучше, удобнее разместить всех, кто прибыл в связи с происшествием?

Среди них был не только широко известный в области хирург-профессор, но и инспектор районо Гусаков и двое из райкома. Наконец обещал приехать сам Климов. А пребывание второго секретаря обкома обязывало ко многому.

Деловая хватка заведующей проявилась и тут. В прачечную Дарье Губановой был дан приказ немедленно подготовить несколько комплектов безукоризненно свежего постельного белья; завхозу Якову Егоровичу Жолудеву — срочно переоборудовать под удобные спальные комнаты учебные кабинеты, а его жене, поварихе «тете Кате»,— сделать все возможное, чтобы питание было на должном уровне.

Обдумывая, как лучше разрешить все эти хозяйственные вопросы, хватились, что нет помощницы поварихи Раисы Синицыной.

Обычно рано утром она выезжала в деревню Зуевку, где на колхозной ферме и получала для Барышевки молочные продукты. Там же, в Зуевке, проживали ее мать и приемная сестра. Вот почему Синицыну Раису решили искать именно в Зуевке.

Антонина Степановна это предложение отклонила. Спозаранку завхоз Жолудев сообщил ей, что видел, как Синицына садилась в автобус, который шел мимо Барышевки прямо к Зосимовской станции.

Знакомый многим желвачок проступил и дрогнул на левой щеке Лакриной, когда она сказала:

— Видно, у Синицыной в Москве есть свои дела. Ничего. Без нее обойдемся.

И, верно, обошлись.

Катерина Жолудева, слетав на «газике», привезла с фермы нужное — два бидона молока и несколько бутылок сливок. Поставила тесто на пирожки, которыми издавна славилась, а сливки оставила прибывшим на кофе.

Среди этих малых и больших дел появление какой-то особы в сером костюме прошло почти незамеченным.

Предположили, что это скорее всего или из облоно, а может, кто-то по врачебной части.

Зато эту, в сером костюме, сразу же приметили зоркие, с острой искоркой глаза Антонины Степановны Лакриной-Зыряновой.

8

Держаться на людях было легче, чем наедине с собой.

Но ведь и она не каменная!

Хотя по положению своему за все должна отвечать. От этого никогда, ни при каких обстоятельствах не уклонялась, за чужие спины не пряталась. Прошлой весной в случае с Битюговой тоже сильно переживать пришлось. Ничего, когда успокоились, разобрались, поняли, что только шизофреничка могла в нее запустить чайником... Хорошо, что кипяток плеснулся на ноги, а не в лицо. И то две недели лежать пришлось. А девчонку тихо, без скандала устроила в заведение для психически неполноценных подростков. Хорошо, что этот докторишка Зайцомский помог. Сообразил, как выйдет поспокойней...

Битюгова посторонняя. А тут... Ну, от Василия она давно только беды и ждала. А вот Спартак? Как же Спарташка в такую историю влип? Он-то как? Способный, на золотую медаль шел. К следователю сегодня вызвали... Насплетничали какие-то гады, что у него с отцом ссоры были... Особенно, мол, в последнее время. Гранату-то мог нарочно подсунуть...

Следователь Мефодиев, говорят,— честный, вдумчивый человек. Жолудевы с ним в каком-то родстве. Надо бы через них... что-нибудь. Да что?!

Антонина Степановна ладонями сжала виски, закачалась, как от зубной боли.

Хорошо, что заперла свою комнату на ключ. Сказала, что отдохнет хотя бы с часок...

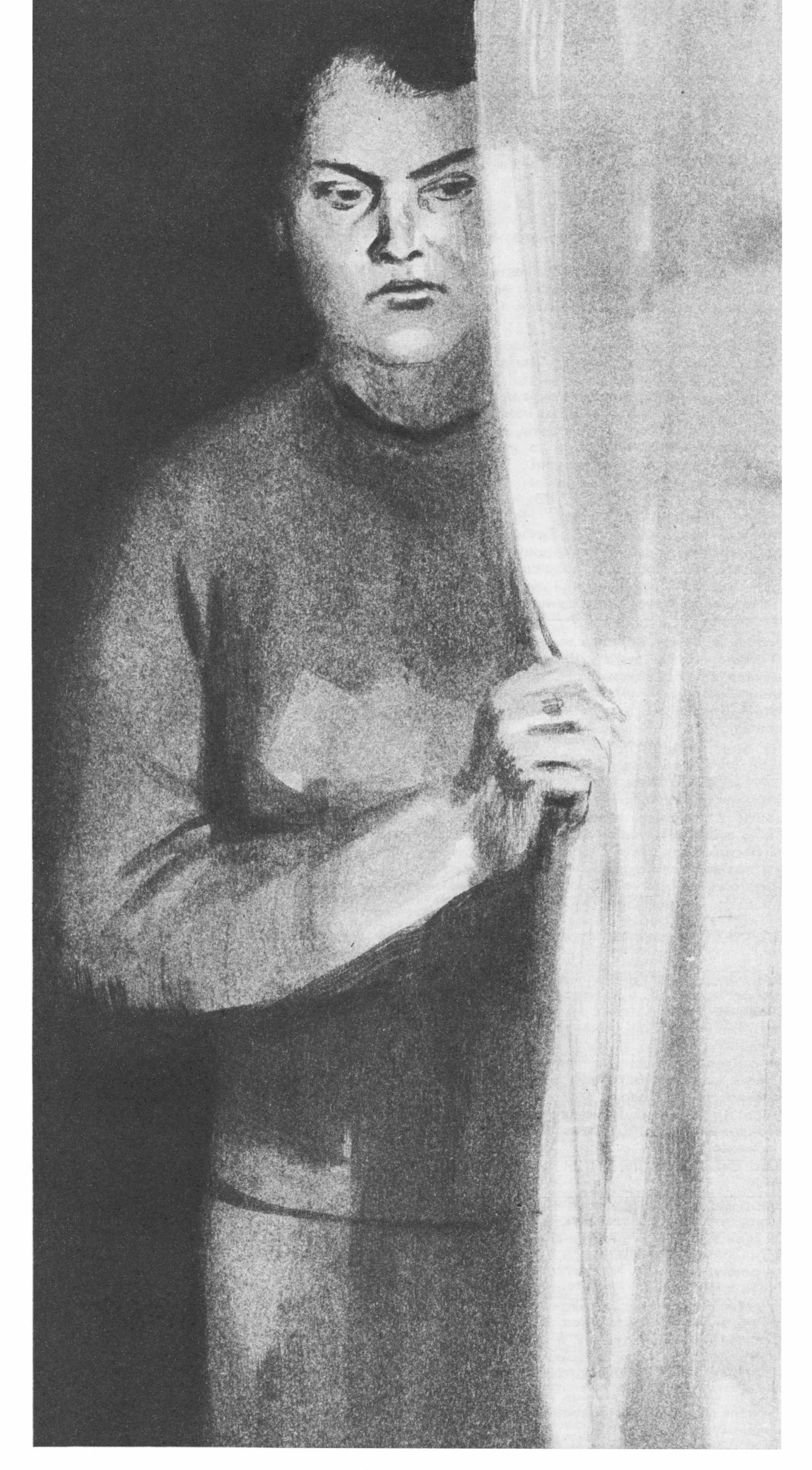
Весной у нее в квартирке особенно красиво — можно подумать, что не педагог живет, а артистка какая-нибудь. И картины красивые, и вазы, и занавески нейлоновые, и цветы.

Так дело поставила, чтобы ребятам с ранних лет прививать художественный вкус. Инспектор Гусаков всегда ее в этом поддерживал.

Только теперь при желании все можно поиному повернуть: мол, не нашими нравами попахивало, сама заведующая нездоровый тон задавала. Завидовали многие и обстановке и что одеться умеет. Жена Гусакова что-то в этом роде уже поговаривала. Тут, конечно, ревность могла быть. Только напрасно все это! Напрасно! Ее ни в чем упрекнуть нельзя! Разве не блюла она семью, как могла? Не трудилась с утра до ночи? Да еще при таком-то муже!

...Райка вон в Москву спозаранку слетала,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31—32.

видно, она эту куколку в сером костюмчике с собой и притащила!

Антонина Степановна уже давно изъяснялась не такими словами, а вот про себя, особенно если была взволнована, думала просто и прямо, как сама определяла,— «в точку».

Случалось, и в публичных ее выступлениях проскакивало то или иное крепенькое, подчас подсоленное словечко! И, как она давно заметила, это имело успех.

Смеялись, аплодировали. Говорили, что это здорово, сочно, народная свежесть видна! А все же она прибегала к такому не часто. Но вот сейчас... Снова потекли мысли «в точку».

Гнев полыхал огнем в груди, захлестывал горло.

...А эта, в модном костюмчике, как ни в чем не бывало! Каблучки-шпилечки. Прическа... Теперь-то чего ей здесь понадобилось? К выносу поспеть? А если жив, власть свою над ним еще раз показать? Потешиться над ней, честным, трудовым человеком?

Так не выйдет этого! Не выйдет!

Отогнув край нейлоновой занавески, Антонина Степановна осторожно выглянула в окно: не идет ли кто-нибудь из Жолудевых или доктор Зайцомский, а на худой конец хотя бы Дарья Губанова?

Нет, никого. Когда позарез надо, словно метлой всех вымело.

...Конечно, в Василии она давно уже не видела мужа, ни даже отца Спарташки. Казался он ей чуть ли не тронутым, порой даже опасным человеком.

Не так давно приобрела в Зосимове брошюру о психоневрозах. Только, что и говорить, неудобно бы вышло, если бы у ее мужа какую-нибудь такую болезнь нашли.

До последнего момента на людях с ним дружески держалась. Недавно в Зосимове всей семьей на фотокарточке снялись. Муж в центре — попросила, чтобы был со всеми знаками отличия,— она в новом джерсовом костюме, а на ее плечо легонько опирается весь отутюженный Спарташка.

Жена... Только не вдова ли? Теперь-то, когда молодость прошла!

Антонина Степановна закачалась.

А ведь могло все сложиться по-иному, по-хорошему, как у людей. Чего только она не делала, чтобы по-хорошему! С самого начала из всех своих сил к такому стремилась!

Ей вспомнился тот вечер, когда она впервые осталась у Василия. Товарищ его в полете был. Видно, он где-то уже хватил... А дома еще поднабрал. Она не мешала: так будет попроще, повеселее... Когда проснулись, дала ему для «опохмелки» кислой капустки... Ласково так, без попреков, словно ничего не случилось. Это он стал у нее прощения просить, руку поцеловал чуть ли не со слезами.

Только плачь не плачь, а что сделано — не воротишь!

Сразу же за дело взялась, бельишко его собрала перестирать. Он было: «Не надо!» А она по-своему... Посуду перемыла, зверенка какого-то рыжего приметила и сразу за дверь выкинула, вонючего!

Все-все для него готова была сделать! Не маменькина дочка какая-нибудь, не балованная, с малых лет, можно сказать, на своем горбу воз тащила! Учиться ходила за семь километров — в школу при железнодорожном узле... А одежонка-то, одежонка! Хорошо, когда в порожний товарняк удавалось спрятаться, доехать. Хоть ветром до костей не прохватывало!

К арифметике способности были замечательные. Дальше бы учиться, а тут Кешка да Машка на плечах. Сиротская семья... В пятнадцать лет девчушкой на торфяные разработки устроилась. И то рада была! Отец-то там же в аварии погиб, это вспомнили и взяли. А велика ли у торфяничек зарплата? Как подросла и в железнодорожный клуб стала ходить, так все больше в задних рядах хоронилась, и все из-за сатиновой своей юбчонки. Шерстяной и в восемнадцать лет не видела! Шубейку бабкину, до пят, допотопную, донашивала. Мальчишки вслед орали: «Монах в коленкоровых штанах!» Стыдно вспомнить...

Как видно, ему она так понравилась, что на одежонку даже не посмотрел. Не то что Федякин. Тот сперва красиво ухаживал, в кино водил, на танцы приглашал, а потом, видно, услышал насмешки — и как ветром сдуло... Младший лейтенант милиции, а ведь на библиотекарше женился!

И вышло так, что не было бы счастья, да несчастье помогло.

Как с танцев выходила, то туфли незаметно скидывала — и ноги разом в пимы. Заметили озорники ее уловку и... До сих пор помнит мальчишку, который туфлю из рук вырвал и далеко в сугроб закинул...

Кругом смех, а она хоть и крепилась, но тут прямо в слезы: туфли-то не свои, у буфетчицы Зинки брала.

Кто-то подошел, спросил, что происходит. Мальчишку за ухо, а сам в сугроб полез. Только когда с туфлей вернулся, заметила — летчик. Модные девчонки у клуба стояли — прямо фыркнули. И кавалеры их поддержали. Из-за кого, мол, полез?

Он, видно, это заметил и еще подбавил: «Позвольте, я вас до дома провожу?» Упрямый!

Слава богу, что хотя Федякин и поинтереснее был, только не сдалась ему — устояла! Не продешевилась! Словно знала, для кого свою честь берегла!

Все же боязно было, что летчик-то поближе все рассмотрит и отойдет, как Федякин.

Как шли, приврала, что, мол, учусь в педтехникуме, а отец полковником был, а он с улыбкой так: «Зачем это, Тоня? Знаю, что вы на торфоразработке, сирота, самостоятельно сестренку с братишкой воспитываете». В краску вогнал... То ли заметил это Василий, а скорее всего, уж очень она ему приглянулась: не в одной одежде дело, а в молодости, да и фигурка всегда была видная, статная. «Если есть желание, то я в педтехникум вам устроиться помогу. В выходные дни заходите, позанимаемся».

Особо ухаживать, правда, не ухаживал. Этого не скажешь.

А к торфоразработкам прямо прицепился: и как условия работы и как там девушки живут? Особо рассказывать тогда было нечего: давно оттуда ушла,— как столовую открыли, сразу же официанткой устроилась. Прямо расцвела от нормального питания. Еще хвалил, что Кешку с Машкой тяну да не жалуюсь. Стал заходить. Кешке задачки решал... И его обещал дальше на учебу двинуть. Господи, да человеком же был!

Лакриной послышались шаги за окном: не доктор ли Зайцомский? Может, там... уже все?

Неожиданно зашлось сердце.

Снова выглянула: нет, никого.

Весенний день поблек. От черемухи под окном повеяло холодком.

И этой, в костюмчике, не видно. Значит, Зайцомский свое поручение выполнил — туда ее не пустил... Наверно, обратно в Москву укатила?

Во всем она, эта куколка, виновата!

Василий с самого начала честно поступил. Наутро, как тогда проснулись, как был нечесаный, неумытый — к столу кинулся, что-то застрочил... Напишет и порвет, напишет и порвет! А на столе е е фотокарточка стояла. Даже еловыми веточками была разукрашена. Наконец написал, заклеил, а конверт на столе оставил. Сразу отправить, видно, не решался.

Такую-то дулю поднести, что и говорить, нелегко!

Над паром пришлось конверт подержать — сердце чуть не оборвалось: что в нем-то? Буквы в глазах прыгали. Только поняла, что хорошее. Не увиливал, не финтил, все напрямик: «...Правду должен сказать. Сорвался...»

Словцо-то нашел какое!

«...Человек она честный, хороший, труженица. Я сам во всем виноват...»

Только в конце ей немного подсластил: «Тебя любил и люблю».

Люблю... Стоит таких-то любить, кто вместо этой самой вечной любви быстрехонько замуж за ответственного работника выскакивает?!

Письмо отправил, а сам куралесить начал... Чем же мужику совесть глушить, как не водчонкой? Почти до самого рождения Зинушки колобродил. Выговоры пошли от начальства. Кому-то из них нагрубил, снизили в должности. Ничто не брало! Особенно закрутил, как узнал, что куколка его уже в дамочки вышла, в загсе побывала... Стыдно сказать — война помогла. И отличился там и положение вернул.

Отцом, правда, всегда был хорошим: с каким букетищем к ней в родилку заявился!.. У Зинушки еще соска во рту, а он ей куклу тащит. Фантазер!.. Хотя многое правильно сделал. Как только объявила, что понесла,— прямиком в загс. И в педтехникум поступить помог, а как поступила — в учебе помогал.

Только скоро этого и не нужно стало. При своем характере дальше она сама пробилась. Ребенка растила, Кешку с Машкой тянула и не то что педтехникум, а позднее заочницей пединститут окончила!

Не ее вина, что в войну, как понаехали в Сибирь эти эвакуированные, передалась Зинушке какая-то смертная зараза. Сколько слез-то было! Зато, как вернулся с фронта, хотя и больным, а все же ровно через девять месяцев сыночком его порадовала. Да в тот же год и вторая радость: диплом о высшем образовании получила! Вот и вышло так, что после войны он вниз, а она вверх. Шутка ли сказать, вскоре из Сибири назначили почти что в самый центр, в детдом имени Барышева.

Он, несмотря на то, что по инвалидности мог бы спокойненько на своей пенсии жить — и никогда бы она его не попрекнула,— под ее же началом стал работать.

Конечно, после ранений, как на фронте подбит был, сознание, случалось, минутами терял, но в меру своих возможностей старался и физруком и по культурно-просветительной части. Клуб, можно сказать, своими руками поднимал. Ребят в это дело втянул. Сам второй секретарь обкома Климов не один раз его лично благодарил.

Кешку с Машкой в люди вывела: Кешка строительный окончил, а Машка замужем за зубтехником, и сама в стоматологической поликлинике лаборанткой работает.

Не ее ли трудами старое это монастырское место обновилось? Не она ли, если надобно, своими руками и мусор выгребала и в земле копалась?

Все было на лад пошло. Одного не сообразила: что Зосимов-то от Москвы неподалеку! Да и представить было трудно, что эта куколка старые дорожки вспомнит. Ведь замужем, да еще за таким большим человеком! А у Василия перышки-то повылезли, пообликяли. В гимнастерочке своей не то что раньше — совсем серенький человечек!

Антонина Степановна вздохнула, задумалась... Вспомнился ей генерал, что недавно к ней своего шалопая устраивал. Не старый еще, крепкий такой вдовец. Все удивлялся, какая она энергичная, дельная женщина, а к тому же интересная. Попросил разрешения, когда будет навещать сына, к ней заглядывать. Да только ли он один? Многие на нее зарились.

...Хорошо еще, что недолго она в дурах ходила. Поняла, что за дела у Василия в Москве. Сначала спортинвентарь все покупал, потом пошли встречи с фронтовыми товарищами, потом Спарташке книги какие-то особые разыскивал.

Взяла свои меры — пусть и крутые,— только после того, как э т о й в Москву статейку отослала, вернулся — и больше туда уже ни ногой. Значит, в самую точку попала!

Дамочки-то эти такое о себе мнят, что краше их и на свете нет. Набалованные.

Ведь Василий до такого доходил, что ей, жене, а прямо говоря, своему начальнику, не один раз брякал, что т у до сих пор любит!

Снова послышались шаги за окном. Нет, не ослышалась: ходит кто-то. Взад и вперед. Попрежнему таясь, выглянула — и точно ожглась... Она!

Значит, Зайцомский свое дело сделал — к Василию ее не пустил. Так чего же она здесь еще околачивается? Автобус на станцию к вечернему, что на Москву, уже ушел... Что она, наглая, своему-то мужу врать будет?

Райка откуда-то появилась — что-то той шепчет на ухо и на ее дверь показывает.

Насколько уж не говоря моложе, а красивее Раиса московской! Блеклая та какая-то... На фотокарточке, видно, приукрашена, и моложе, понятно, была.

Неужто смелости наберется и сунется к ней в дом?

С этаких-то, кому закон не писан, станется! Хорошо, что с утра оделась в импортный лучший свой костюм, и не перманентик какой-то, а крупная укладка. Да она и в будни всегда на уровне. Всю эту культуру — как одеваться, как держаться — давно освоила. Только в руках себя держать надо! Характер свой до сих пор обламывать приходится. Крикнула бы этой в глаза, что о ней думает, а надо по-иному. К тому же Дьяченко. Статейки его читала, на конференции раз слышала... Большой человек!

Подбежала к зеркалу, провела пуховкой по вспыхнувшему лицу.

Когда в дверь робко постучали, сказала приветливо, певуче:

— По-жа-луй-ста...

9

Следователь Иван Иванович Мефодиев, как всегда, начал свою работу спокойно, не торопясь. Да и дело-то было такое, что не горело. В силу почтенного возраста его все больше на бытовые направляли.

Кое с кем уже побеседовал, как всегда, внимательно осмотрел место происшествия и вещественные доказательства: и всю в клочьях залитую кровью, чуть опаленную гимнастерку и осколки гранаты РГД.

Затем составил список подлежащих вызову свидетелей. В голове привычно складывалась схема дела. Суть его представлялась довольно ясной.

Вдумчиво попил чаю с крендельками у дальнего своего родственника — завхоза Жолудева. И это свое посещение использовал для дела — исподволь кое о чем расспросил. Зато отказался, когда радушные хозяева предложили ему переночевать на пышной кровати с красочным портретом Максима Горького над изголовьем.

Не в его правилах было одолжаться у когонибудь, тем более когда приезжал по служебным делам.

Пока же, любя природу, а также памятуя советы врача, Иван Иванович прохаживался веселыми желтенькими дорожками. Он любовался не только на облака цветущей черемухи или на готовую распуститься сирень. Особенно примечательной показалась ему одна клумба, «зимняя», как пояснил нередко водивший сюда посетителей Жолудев.

Своеобразие этой клумбы заключалось в том, что изображенное на ней лицо замечательного педагога и писателя было выложено из камешков различных оттенков, а также из шлака, битого кирпича и даже угля. Работа была изобретательная и чрезвычайно усердная. Например, очки, что особенно подкупало Мефодиева, были совсем как настоящие, из стекла и с металлическими дужками, а орденская планка на гимнастерке — из кирпича. Белый фон — из извести, а обрамлявшие портрет розы — тоже кирпичные.

Иван Иванович не удержался и взял из кирпичного венка мелкий осколочек. Не для себя, конечно, а для младшей, самой любимой своей внучки Верушки.

Из своих служебных поездок он часто привозил ей что-нибудь примечательное (конечно, не имевшее материальной ценности) или попросту рассказывал что-нибудь интересное.

Иван Иванович уже предвкушал, как опишет и это замечательное произведение искусства — «зимнюю» клумбу.

По многолетнему опыту он знал, что разрядка впечатлений способствует предстоящей служебной работе.

Дело, конечно, простое. Но, как всегда, там, где кровь, а может быть, и смерть, предстояли женские, по большей части бестолковые рассказы, слезы, а возможно, и истерики, а это при его больном сердце уж совсем некстати.

В результате своей многолетней практики Мефодиев выработал свои приемы, дабы все это, как он выражался, «держать в рамках».

К сожалению, «рамки» не всегда помогали. В таком случае он с неизменными словами «ох, женщины, женщины» подавал заранее приготовленный стакан воды, в крайних случаях и нашатырный спирт.

Для ведения следствия по делу о тяжком ранении Зырянова В. А. следователю было отведено специальное помещение — кабинет заведующей. Войдя, Иван Иванович с удовлетворением отметил, что там светло и просторно, а подоконник широкого окна уставлен комнатными растениями; была даже любимая им китайская роза в цвету.

Усевшись перед большим письменным столом в удобное кресло, Иван Иванович неспешно надел очки и внимательно еще раз просмотрел список свидетелей.

У него никогда не было дурной, свойственной кое-кому из молодых работников привычки с кондачка браться за дело. И хотя Иван Иванович перешагнул пенсионный возраст, должность ему оставить не предложили.

Вопросы, на которые предстояло ответить, сводились к следующему:

1. Был ли взрыв гранаты со стороны Зырянова случайным или преднамеренным?

2. Имелся ли злой умысел в том, что сын потерпевшего Лакрин-Зырянов Спартак совместно с Мазиловым Михаилом, найдя боевую гранату, передал ее отцу, а возможно, и сам подложил вместо учебной?

Выяснять это надо было по заранее сложившемуся в голове Мефодиева плану. Конечно, рациональнее всего было бы начать с показаний самого потерпевшего, но пока это было невозможно. Даже после повторного переливания крови Зырянов все еще не приходил в сознание.

Продолжение следует.

ЗЕМЛИ ДА СЛЫШИТ УСТ ГЛАГОЛЫ

Нам, ныне живущим, как-то трудно представить отечественную литературу, язык наш без Ломоносова, Державина, Пушкина, без всех тех, кто стал нашей национальной гордостью. Каждый из них не просто страница в летописи отечественной культуры, но книги, тома и, наконец, «энциклопедия русской жизни». Народ воздавал, воздает и будет вечно воздавать славу своим гениям. К ним никогда «не зарастет народная тропа». И чем дальше по времени уходим от них, тем фигуры их становятся величественнее и всеобъемлющее. И все реже и реже вспоминаются те, кто своим трудом, своей преданностью и великой любовью к родному отечеству, своим исконным патриотизмом служил великому делу создания русской литературы, был ее предтечей.

Двести лет тому назад, 17 августа 1769 года, в крайней бедности, почти в нищете скончался Василий Кириллович Тредиаковский. Умер человек, который до конца дней своих, до последнего часа не выпускал из рук перо, который верой и правдой служил своей родине, умер патриот. Немногим из прошедших по земле выпало на долю в предсмертных словах выразить смысл всей своей жизни так полно и цельно, как сделал это Тредиаковский: «Исповедую чистосердечно, что после истины ничего другого не ценю дороже в жизни моей, как услужение, на честности и пользе основанное, досточтимым по гроб мною соотечественникам».

При жизни, после смерти да и поныне по-разному оценивали его творчество. Живя и работая в трудное послепетровское время, вынес он много насмешек и издевательств, унижений и хулы. Немногие тогда разглядели в нем человека, искренне и всецело отдающего свои силы во славу процветания российской словесности. И потом не раз вспыхнут вокруг имени Василия Тредиаковского споры, может ли он именоваться поэтом, может ли вообще быть причислен к служителям муз; многие по достоинству отметят отдельные строки в его стихах, примут и разовьют его искания в отечественном стихосложении; но главным подвигом его жизни останется то, что был он одним из первых просветителей.

Увидев в работе и деяниях Петра I то большое и главное, что всецело отвечало национальным нуждам, что укрепляло и ставило русское государство в один ряд с высокоцивилизованными странами Европы, Тредиаковский до конца дней своих остался верен этим идеям. Служить своему отечеству, быть везде и всегда патриотом, стремиться к просвещению народа, требовать новых прогрессивных реформ от власть имущих — вот то, с чем выступали первые русские просветители, вот чему подчинял все свое творчество В. К. Тредиаковский.

Его литературная работа, как и работа современников, объединившихся в «ученую дружину», а позднее гений Ломоносова были направлены на создание основ русской национальной культуры.

Знаток латинского и русского красноречия, Тредиаковский выступает уже в тридцатых годах восемнадцатого столетия как поэт-реформатор. Он предлагает заменить силлабическую систему стихосложения, несвойственную природе русского языка и занесенную в Россию с Запада, силлабо-тонической, как более приемлемой для «речения российского». В 1735 году поэт заканчивает работу над трактатом «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Он предупреждает читателей, что реформы не досужий плод его фантазии, но то, что плоть от плоти и кровь от крови русской народной поэзии: «И буде желаете знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела». Позднее, работая над двухтомником своих произведений (это было единственным прижизненным изданием), Тредиаковский практически переписывает заново все свои стихотворения, тем самым доказывая превосходство новой системы над старой.

Его стараниям обязаны мы приходом в нашу литературу басни, оды, эпиграммы, элегии, песни и многих других жанров, так блистательно развитых всей историей русского стихосложения.

Нельзя умолчать и о том, что поэт практически первым создал в литературе образ Великого Петра, сумев разглядеть в самодержавной личности истинно национальный характер.

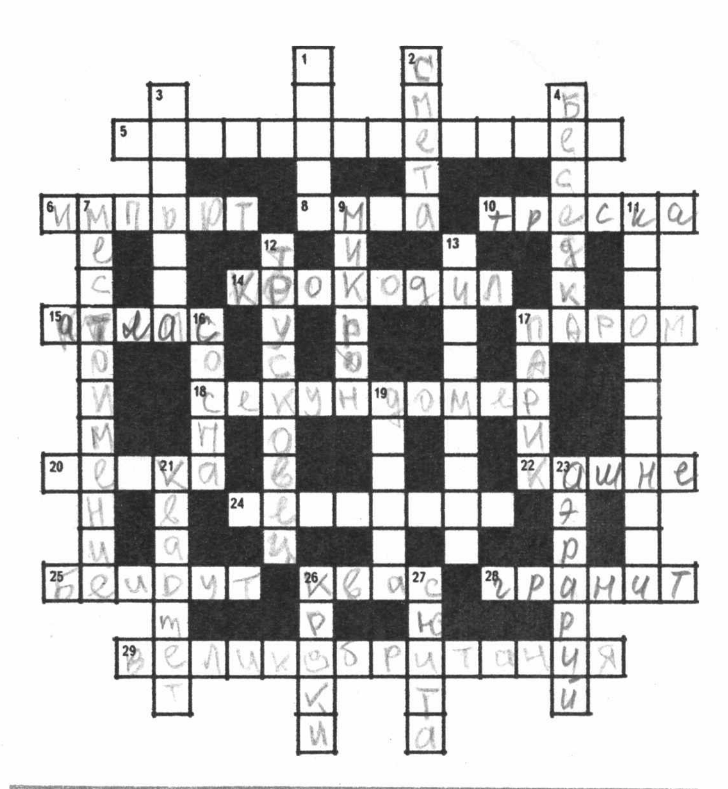
Владея «чужестранными языками», Тредиаковский постоянно выступал в печати как переводчик. Тридцать лет его жизни были отданы тридцатитомной «Истории римских императоров» Кревье, он переводил «Древнюю историю» и «Римскую историю» Роллена, роман Поля Тальмана «Езда во Остров Любви», политический роман Барклая «Аргенида» и многое другое.

Находясь в постоянной зависимости от крупных чиновников, постоянно «исполняя» службу, крайне нуждаясь (будучи по происхождению из низов), вынося насмешки и издевательства со стороны сильных мира сего, Василий Кириллович Тредиаковский всю свою в общем-то недолгую жизнь (родился в 1703 году) работал не покладая рук ради тех благородных просветительских идей, которым отдали свою жизнь лучшие сыны нашей Родины. В одной из своих песен поэт говорил:

Земли да слышит уст глаголы:
Как дождь я словом потеку;
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на долы.

Его вещания, его труды и после двух столетий живы в сердцах соотечественников.

О. ЖИГАЛОВА

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Призма. 6. Ввоз товаров из-за границы. 8. Река в Якутии. 10. Промысловая рыба. 14. Сатирический журнал. 15. Сорт шелковой ткани. 17. Средство для переправы. 18. Прибор для измерения времени. 20. Басня И. А. Крылова. 22. Шарф. 24. Планета. 25. Столица Ливана. 26. Хлебный напиток. 28. Твердая горная порода. 29. Государство в Европе.

По вертикали:

1. Кондитерское изделие. 2. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 3. Луговое растение. 4. Постройка в саду. 7. Часть речи. 9. Единица длины. 11. Поэма Н. А. Некрасова. 12. Курорт в предгорьях Карпат. 13. Русский писатель. 16. Хвойное дерево. 17. Накладные волосы. 19. Птица семейства тетеревиных. 21. Ансамбль из четырех исполнителей. 23. Терраса для воздушных ванн. 26. Набросок чертежа, рисунка. 27. Музыкальное произведение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

3. Геометрия. 4. Солярий. 8. Конденсатор. 11. Кочечум. 13. Болонка. 15. Тикси. 17. Виолончель. 18. Динамометр. 21. Цукат. 23. Лимонад. 24. Теснина. 27. Головоломка. 28. Маятник. 29. Моллакара.

По вертикали:

1. Вологда. 2. Эрмитаж. 5. Яснотка. 6. Кожух. 7. Фотон. 9. Лермонтов. 10. Консонанс. 12. «Осколки». 14. Каренин. 15. Телец. 16. «Идиот». 19. Экспорт. 20. Галоп. 22. Пешка. 25. Голавль. 26. Комитас.

На первой странице обложки: Валентин Полубесов — один из тех, кто командует экскаватором-гигантом в Черемховском угольном бассейне (см. в номере репортаж «Мы шагаем по земле»).

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: В мартеновском цехе «Уралмаша».

Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

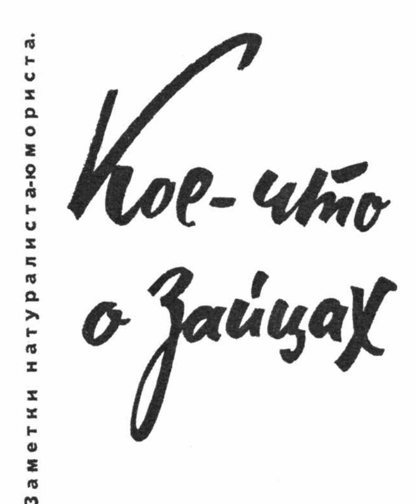
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00168. Сдано в набор 29/VII-69 г. Подп. к печ. 12/VIII-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1407. Заказ № 2195.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Мануил СЕМЕНОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Заяц — едва ли не самое близкое человеку животное, обитающее среди дикой природы. Не говоря уже о сельских жителях, запросто общающихся с этим лесным и полевым зверьком, заяц известен и горожанам. Проедет ли убежденный урбанист на своем «Москвиче» по шоссе, прокатится ли по полям и лугам на лыжах — он обязательно встретит зайца. Его подчас даже видят из вагонного окна пассажиры экспресса Москва — Брест — Варшава — Берлин. И всегда такая встреча приносит радость.

Потому что зайцы — удивительно симпатичные существа. Долгое время живя рядом с людьми, они хорошо усвоили их образ жизни, их обычаи и привычки.

У НЕГО ЕСТЬ ВСЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТУПАТЬ ТАК

Встретились два спортсмена.

— Слыхал, заяц опять какой номер выкинул? Получил в «Березке» квартиру и перебежал в «Дивные поляны».

— Ну и как? Небось, ему строгача влепили?

— Что ты! Отделался легким испугом. А в «Полянах» ему дачу пообещали.

В следующий сезон спортсмены встретились на стадионе снова.

— Послушай, за кого теперь выступает заяц?

— Ты хочешь спросить, за кого бегает? За «Лесную здравницу». Получил в «Полянах» дачу и был таков. Теперь ему тещу надо в санаторий поместить.

Новая встреча.

— Как заяц поживает?

— Живет не тужит. Первое место по барьерному бегу опять у него. Он ушел из «Здравницы», сейчас в «Корабельной роще» числится. Яхту для себя строит. Но и тут он не намерен задерживаться, в «Лесную школу» хочет перебежать. У него племянник подрос, надо его в институт устраивать.

— Ой, дождется заяц, что с него снимут все звания да еще дисквалифицируют.

— Нашел чем стращать! Заяц говорит: «Ничего я не боюсь!»

— На что же он надеется?

— На свои ноги.

ЧТО ЛУЧШЕ?

В вагон подмосковной электрички с противоположных сторон вошли двое и стали продвигаться навстречу друг другу.

Пассажиры замерли. В наступившей тишине то и дело раздавалось:

— Пиф-паф! Платите штраф!

— Пиф-паф! Рубль — штраф!

Маленький зайчонок, задремавший возле матери, проснулся и спросил:

— Мама, что тут происходит?

— «Зайцев» отстреливают,— равнодушно сообщила она.

— Ой, мама, я боюсь!— захныкал зайчонок.

— Спи, дурачок,— успокоила сына зайчиха.— Нас не тронут...

Каждое утро она ездила с зайчонком на Зацепский рынок за свежей морковью. И потому еще ранней весной купила сезонный проездной билет.

Простодушная зайчиха не знала, что гораздо выгоднее ездить без билета. Если раз в месяц наткнешься на контролера, то рублевый штраф не такая уж великая потеря.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...

Большой лесной массив было решено превратить в зону массового отдыха. Для консультации пригласили зайца.

— Какие объекты следует возвести тут в первую очередь?

— Беговые дорожки.

— Почему?

— Да вы знаете, когда убегаешь от подвыпивших субъектов и их собак, то все эти кочки, колдобины, пеньки ужасно мешают!

ИСКЛЮЧЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ...

Три зайца, занявших первое, второе и третье места на конкурсе лесного КВН, решили отметить свой успех как следует. Когда они, увенчанные лентами и медалями, появились в зале ресторана, к ним подошел метрдотель:

— Милости прошу! Сейчас я вас устрою.

И повел гостей к отдельному кабинету.

— Нет! —запротестовали зайцы.— Предоставьте нам столик в общем зале. Мы хотим на людей посмотреть и себя показать.

— Стоит ли показывать?— возразил метрдотель.— Уверяю вас, в отдельном кабинете вам будет удобнее. Там уже и ваша любимая закуска приготовлена — свежая морковка.

Гости согласились и бушевали до глубокой ночи, впрочем, не беспокоя других посетителей ресторана. Метрдотель прекрасно знал, что во хмелю даже зайцы становятся страшными.

В ДУХЕ ВРЕМЕНИ

Когда дед Мазай доставил спасенных зайчишек на сушу, к нему обратился модно одетый заяц с репортофоном на плече:

— Товарищ Мазаев, несколько слов для лесного радио!

— Да недосуг мне. Зайчишек бы надо обсушить. Совсем намокли косые...

— Ничего, косые подождут. Итак, о чем вы думали, спасая наших лесных братьев?

— Про что думал? Про хворобу свою. Как разольется вода, так и начинается у меня в костях ломота — терпежу нет.

— Дорогие друзья! Вы слышите голос нашего друга, товарища Мазаенко. Он рассказывает, что как раз во время разлива реки у него наступил острейший приступ радикулита. Но он меньше всего думал о своей болезни. Превозмогая боль, старый спасатель устремился туда, где, окруженные бушующими волнами, терпели бедствие наши сограждане...

Радио — газета без расстояния. Вскоре весть о благородном поступке дедушки Мазая, впрочем, переделанного торопливыми репортерами в товарища Мазаевского, облетела всю страну. Он прославился и теперь все время находится в разъездах, его затаскали по совещаниям, конференциям и симпозиумам.

Начался очередной разлив вешних вод, и зайчишки опять попали в бедственное положение. Но их друга — дедушки Мазая (он же Мазаев, Мазаенко, Мазаевский) поблизости уже не оказалось.

ОТСТАЛ ОТ ЖИЗНИ

В вестибюле Дворца культуры началась регистрация делегатов. К столику подошел разодетый в меха делегат, прибывший из отдаленного глухого леса.

— Ваша фамилия?

— Заец.

— Простите, не понял. Как вы сказали?

— Заец.

— Извините, а может быть, все-таки ваша фамилия — Заяц?

— Нет, я ясно сказал: Заец.

Делегат с далекой окраины не знал, что намечавшаяся некогда реформа русского языка, к счастью, не была осуществлена.

ПРОГРАММА-МИНИМУМ

После долгого отсутствия молодой заяц вернулся в родной лес.

— Ну как там в городе?— спросил заяц-отец.— Рассказывай, чего тебе удалось добиться.

— Сначала я решил стать поэтом и начал писать стихи...

— Ну и что?

— Мне сказали: надо учиться у Пушкина. А я перелистал весь справочник Союза писателей и ни одного члена ССП с такой фамилией не нашел. Потом я подумал, что лучше быть композитором и сочинять эстрадные песни.

— И тебе удалось сочинить что-нибудь приличное?

— Дальше «трусишка-зайка серенький под елочкой скакал» у меня дело не пошло. Тогда я стал петь под гитару, теперь это модно.

— Как же тебя встретили слушатели?

— Освистали.

Старый заяц покачал головой и сказал:

— Боюсь, сынок, что из тебя ничего не выйдет.

— Ты, как всегда, несправедлив, отец! Не забывай, что из меня еще может получиться отличная шапка!

ДОБРАЯ УСЛУГА

Под молодой елкой, где заяц устроил себе лежку, раздался телефонный звонок.

— Алло, говорят из «Бюро добрых услуг». Вы заказывали орехи? Так вот, мы не знаем: пожарить их вам или прислать в сыром виде?

— Вы, наверное, ошиблись и вместо белки позвонили мне. Я заказывал килограмм моркови.

— Извините.

Через некоторое время опять зазвонил телефон.

— Алло, мы из «Добрых услуг». Вы просили доставить ячменные зерна. Вам их помолоть?

— Вы набрали не тот номер. Звоните хомяку. Я заказывал...

— Извините, мне некогда разговаривать. Я очень занята.

Снова звонок.

— Алло, вас беспокоят «Добрые услуги». Вы заказывали тушеного зайца, нашпигованного чесноком и свиным салом. Исполнение заказа немного задерживается. Сейчас охотники нашли по следам заячью лежку и окружили ее со всех сторон.

С зайцем случился инфаркт.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

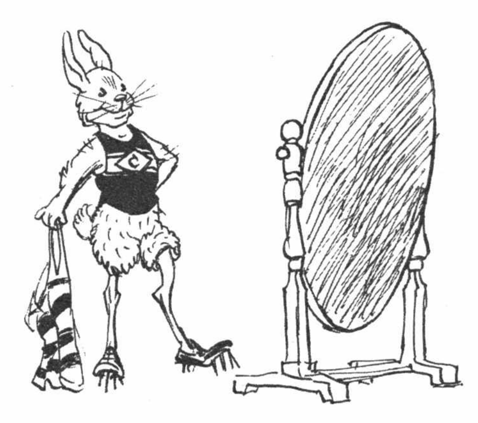
Косой, которому только что исполнилось восемнадцать лет, вернулся домой поздно ночью.

— Мама, где моя кровать?

— Да где же ей быть? Как стояла в детской, так и стоит там. Что с тобой?

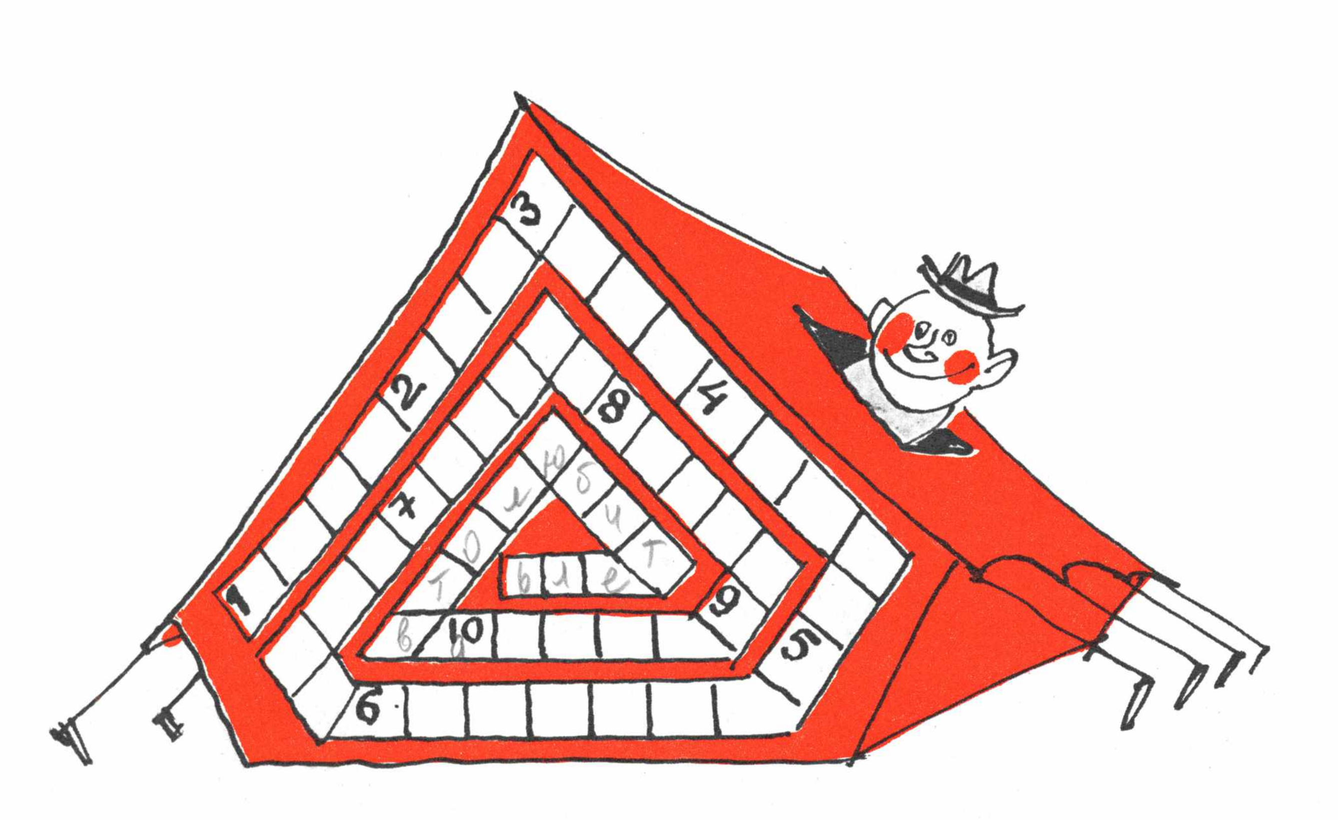
— Я, мама, окосел.

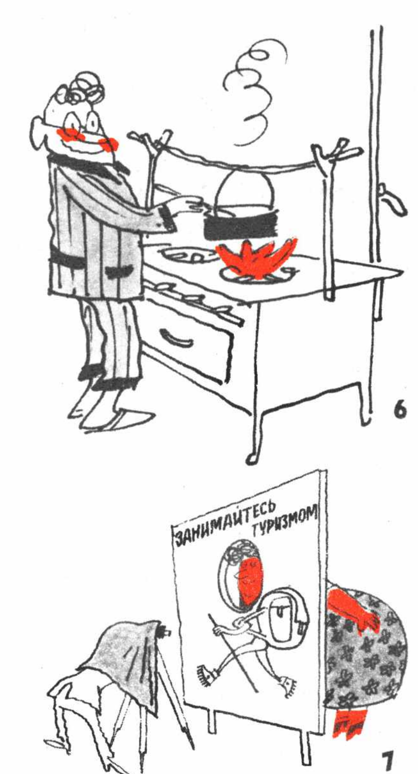
— Тьфу ты! А я уж подумала, что с моим мальчиком какая-нибудь беда стряслась!

6

7

ИЗОЧАЙНВОРД «ТУРИСТСКИЙ»

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник Ю. Черепанов.

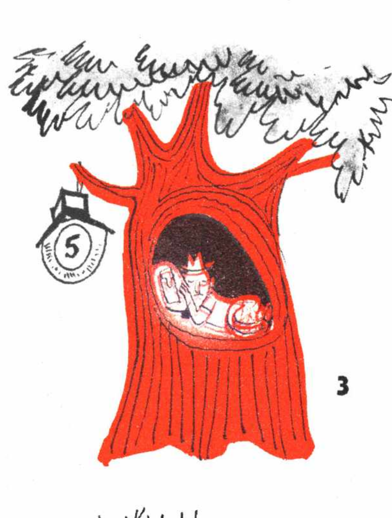
Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

1. Тент. 2. Тир. 3. Ресторан. 4. Новичок. 5. Козел. 6. Липа. 7. Аквалангист. 8. Транзистор. 9. Рекорд. 10. Дикарь.

Первыми правильные ответы прислали: Н. И. и Г. А. Синицыны, семья Баглай, Р. Ф. Иванова, В. Н. Крамаренко, С. С. Нанушьян, Н. В. Красницкая, М. И. Губачева, К. М. Дементьев, П. С. Сумароков, В. А. Зарембовский, Б. К. Свалдянис, А. Носова, Л. Н. и Б. Н. Аленцевы, семья Соколовых, И. Ф. и Н. Д. Кудленко, М. Г. и В. П. Созиновы, А. В. Павлова, Ю. Я. Драчев, А. Д. и К. И. Емановы, Т. В. Овчаренко.

3

8

1

4

9

2

5

10

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.